

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 2 • 2022 • МАРТ—АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

- Сорокин А. В.* Может ли политэкономия быть немарксистской?
Актуальность прикладной политэкономии 3
- Бузгалин А. В., Манахова И. В., Молчанов И. Н.,
Павлов М. Ю., Рассадина А. К.* Человек как экономический актор:
потенциал диалога поведенческой экономики
и современной марксистской политэкономии 26
- Сугаилов Д. Р.* Прогнозирование потребления
на основе индекса потребительской уверенности в России 45

Финансовая экономика

- Галанова А. В., Епифанова Д. И.* Влияние социальных сетей
на цены акций производителей одежды 71
- Герцекевич Д. А., Бунеева Е. Ю., Константинова Т. Д.,
Паленная Я. К.* Принцип скользящей верификации
как основа для идентификации базовых критериев портфельного анализа 94

Проблемы управления

- Комзолов А. А., Кириченко Т. В., Бархатов В. Д., Манежеева М. В.*
Анализ методических подходов к количественной оценке
профессиональных рисков 110
- Горбачева Н. В., Филатова Н. Г.* Теоретические основы
подготовки управленческих кадров: роль экономической науки 142

Междисциплинарные исследования

- Волков С. К., Ефимов Е. Г.* Портрет креативного работника:
социологический подход 175
- Тикунов В. С., Бабурин В. Л., Белоусов С. К.* Интегральная оценка
экономического развития регионов Российской Федерации 189

Отраслевая и региональная экономика

- Еремينا С. Л., Петров А. В.* Территория проживания
как фактор благополучия пенсионеров в России 203

Трибуна преподавателя

- Марков А. Р., Павлова Н. С., Калмыкова Н. М., Шахова М. С.,
Кузин Д. В., Никишина Е. Н., Мерекина Е. В., Маркова О. А.,
Филиппова И. Н.* Новые данные о качестве и форматах ВКР
на экономическом факультете МГУ 222

CONTENTS

Economic Theory

<i>Sorokin A. V.</i> Can political economy be non-Marxist? Relevance of applied political economy	3
<i>Buzgalin A. V., Manakhova I. V., Molchanov I. N., Pavlov M. Yu., Rassadina A. K.</i> Human being as an economic actor: the potential of a dialogue between behavioral economics and modern Marxist political economy	26
<i>Sugaipov D. R.</i> Forecasting consumption using the consumer confidence index in Russia	45

Financial Economics

<i>Galanova A. V., Epifanova D. I.</i> Influence of social networks on the clothing companies' stock prices	71
<i>Gertsekovich D. A., Buneeva E. Yu., Konstantinova T. D., Palennaia Ia. K.</i> The principle of sliding verification as a basis for identification of the essential criteria of the portfolio analysis	94

Management Issues

<i>Komzolov A. A., Kirichenko T. V., Barkhatov V. D., Manezheva M. V.</i> The analysis of methodological approaches to occupational risk assessment	110
<i>Gorbacheva N. V., Filatova N. G.</i> Theoretical foundations for training public servants and managers: the role of Economics.	142

Interdisciplinary Studies

<i>Volkov S. K., Efimov E. G.</i> Portrait of a creative worker: a sociological approach	175
<i>Tikunov V. S., Baburin V. L., Belousov S. K.</i> Integral assessment of Russian regions economic development.	189

Branch and Regional Economy

<i>Eremina S. L., Petrov A. V.</i> Territory of residence as a factor of pension well-being in Russia.	203
--	-----

Professor's Tribune

<i>Markov A. R., Pavlova N. S., Kalmykova N. M., Shakhova M. S., Kuzin D. V., Nikishina E. N., Merekina E. V., Markova O. A., Filippova I. N.</i> New facts on academic quality and formats of Economic Faculty Final Papers	222
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. В. Сорокин¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101.8

МОЖЕТ ЛИ ПОЛИТЭКОНОМИЯ БЫТЬ НЕМАРКСИСТСКОЙ? АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИКЛАДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Политэкономия изначально была немарксистской, под влиянием идеологии стала марксистской, с отказом от официальной идеологии марксизма она может и должна вновь стать немарксистской. Марксизм — идеология/политика, провозглашающая неизбежную гибель капитализма и его смену социализмом. Идеология вынудила политэкономию отказаться от предмета — «богатства народов» (Смит). Предметом стали «общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, и экономические законы, управляющие их развитием в исторически сменяющихся друг друга общественно-экономических формациях» (БСЭ). Марксова экономическая теория отождествлялась с идеологией марксизма. Три составные части марксизма потеряли актуальность. Материалистическое основание марксизма опиралось на три открытия (клетка, сохранение энергии и дарвинизм). Считалось, что новый общественный организм рождается из клеточки, существующей в старом организме, рождение нового означает гибель старого. История всех обществ представлялась историей борьбы эксплуататорских и эксплуатируемых классов, результатом которой была поступательная смена формаций. Открытия XIX века были либо опровергнуты современными естествознанием (клеточная теория), либо существенно модернизированы (синтетическая теория эволюции). Теория эксплуатации классиков как вычета из продукта труда опровергнута Марксом. Отказ от марксизма не означает отказа от материалистического понимания истории, но понимания на основе современного материализма. Предмет политэкономии в широком смысле — различные способы воспроизводства жизни (аналог вида) и их модификации (популяции). История всех ранее существовавших обществ была историей борьбы, но не классов, а способов производства жизни. Предмет немарксистской политэкономии капитализма — отношения воспроизводства жизни трех больших классов (капиталистов, наемных работников, земельных собственников). Метод — аналог метода построения геномов биологических видов. Немарксистская политэкономия и экономика имеют общий предмет и образуют две составные части новой учебной дисциплины

¹ Сорокин Александр Владимирович — д.э.н., профессор кафедры политической экономики, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: sorokine.alexandre@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4148-6719.

«прикладной политэкономии», в которой дескриптивный метод экономикс дополняется экспликативным.

Ключевые слова: марксизм, марксистский, марксов, немарксистская политэкономия, экономикс, прикладная политэкономия.

Цитировать статью: Сорокин, А. В. (2022). Может ли политэкономия быть немарксистской? Актуальность прикладной политэкономии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 3–25. <https://doi.org/10.38050/01300105202221>.

A. V. Sorokin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A22, B12, B51, P00, P10, P20

CAN POLITICAL ECONOMY BE NON-MARXIST? RELEVANCE OF APPLIED POLITICAL ECONOMY

Initially political economy was non-Marxist but under the influence of ideology it has become Marxist; with rejection of official ideology of Marxism, it can and should again become non-Marxist. Marxism is an ideology/ policy that proclaims the inevitable death of capitalism and its replacement with socialism. Ideology forced political economy to abandon the subject — «the wealth of nations» (Smith) which was transformed into «social relations developing in the process of production, distribution, exchange and consumption of material goods, and economic laws governing their development in socio-economic formations historically replacing each other». Marxian economics was identified with the ideology of Marxism. The three constituent parts of Marxism have lost their relevance. The materialistic foundation of Marxism rested on three discoveries (the cell, energy conservation, and Darwinism). A new social organism was believed to have been born from a cell that existed in an old organism; the birth of a new one means the death of the old one. The history of all societies was represented by the history of the struggle between the exploiting and exploited classes, the result of which was a progressive change of formations. The discoveries of the XIX century were either refuted by modern natural science (cell theory), or significantly modernized (synthetic theory of evolution). The theory of class exploitation as a deduction from the product of labor was refuted by Marx. Rejection of Marxism does not mean rejection of the materialist understanding of history, but an understanding based on modern materialism. The subject of political economy in broad sense is various modes of life reproduction (analogue of a species) and their modification (population). The history of all previous societies was the history of struggle, not classes, but of modes of production of life. The subject of the non-Marxist political economy of capitalism is the relationship of the reproduction of the life of three large classes (capitalists, hired workers, landowners). The method is an analogue of the method for constructing genomes of biological species. Non-Marxist political economy and economics have a common subject and form two components of a new academic discipline «applied political economy», in which the descriptive method of economics is complemented by an explicative one.

Keywords: Marxism, Marxist, Marxian, non-Marxist political economy, economics, applied political economy.

Введение

Отказ от официальной идеологии марксизма, провозглашавшей неизбежную гибель капитализма и его смену социализмом, открывает перспективу разработки немарксистской политэкономии капиталистического способа производства жизни, предметом которой являются отношения, обеспечивающие не гибель, а воспроизводство жизни трех больших классов: капиталистов, наемных работников, земельных собственников.

Немарксистская политэкономия и немарксистская экономика имеют общий предмет и взаимодополняющие методы исследования (экзотерический и эзотерический). Они могут и должны стать двумя составными частями новой научной и учебной дисциплины — прикладной политической экономии.

Насколько актуальны теоретические основания марксизма?

Понятие «марксизм» многозначно, но в данной статье речь идет о классическом марксизме как идеологии, основанной на материалистическом понимании истории на уровне материализма XIX в. Основы марксизма изложены в «Манифесте коммунистической партии», по В. И. Ленину он характеризуется тремя источниками, тремя составными частями — «немецкой философией», «английской политической экономией» и «французским социализмом» (Ленин, 1973).

Основные положения марксизма — естественно-историческая линейная смена общественно-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической/коммунистической); классовая борьба как движущая сила и объяснение истории всех существующих обществ.

Насколько обоснован отказ от официальной идеологии марксизма? Он обоснован если теоретические основания марксизма устарели и не находят подтверждения в исторической практике.

Актуальны ли немецкая философия и материализм XIX в.?

Первым источником и первой составной частью марксизма В. И. Ленин называет немецкую философию.

По утверждению Ф. Энгельса, которое цитировал и разделял В. И. Ленин, Маркс пришел к выводу о необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию» (Ленин, 1969, 55).

Материалистическое основание базировалось на открытиях XIX в. «Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, — пишет Ф. Энгельс, — двинулось гигантскими шагами вперед особенно благодаря трем великим открытиям: во-первых, благодаря открытию *клетки как той единицы, из размножения и дифференциации которой развивается все тело* растения и животного. Во-вторых, благодаря открытию превращения энергии, показавшему, что ... *все движение в природе сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую*. Наконец, в-третьих, благодаря... представленному Дарвином доказательству того, что *все ... организмы, не исключая и человека, возникли в результате длительного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей...*» (Энгельс, 1964, 303—304). «Обнаруживающееся в природе и в истории *диалектическое развитие*, то есть причинная связь того *поступательного движения*, которое *сквозь все зигзаги* и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь *от низшего к высшему*» (Энгельс, 1964, 301) (курсив наш, — С. А.).

Клеточная теория М. Шлейдена и Т. Шванна (1838, 1839), развитая Р. Вирховым («Целлюлярная патология», 1858), в которой клетки обладали самостоятельным существованием («витализмом»), а организм рассматривался как простая сумма жизнедеятельности клеток, как «клеточное государство», была радикально пересмотрена с открытием структуры молекулы ДНК (1953) и развитием анализа на молекулярном уровне. Самостоятельное, отдельное от организма, существование клеток, как и самостоятельное существование клеток внутри организма, не получили подтверждения. Не получила подтверждения идея, согласно которой новый социальный организм развивается из «клеточки», имеющей самостоятельное существование внутри старого, а появление нового организма ведет к гибели старого.

Примером согласования с устаревшей клеточной теорией служит положение о «единстве исторического и логического» Энгельса: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» (Энгельс, 1959, 497). Аналогом «первоначально одноклеточного зародыша» буржуазного общества он считает обмен между первобытными общинами: «Политическая экономия начинается с товара, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга отдельными людьми или первобытными общинами. Продукт, вступающий в обмен, является товаром» (Энгельс, 1959, 498).

В предисловии к первому тому «Капитала» мы находим прямое указание на согласование с клеточной теорией: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет...» (Маркс, 1960, 5–6). И далее: «...товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» (Маркс, 1960, 6).

Закон сохранения энергии не устарел, «все движение в природе сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую» (Энгельс, 1964, 304), но проецировать этот процесс на поступательную смену общественных формаций проблематично.

Теория эволюции Дарвина в настоящее время получила развитие, пример — синтетическая теория эволюции — синтез различных дисциплин, прежде всего, генетики и дарвинизма. Дарвин рассматривал эволюцию на уровне биологического вида. В настоящее время ученые пришли к выводу, что единицей природы, способной к эволюции, является не вид, и не отдельная особь, а популяция.

Почему английская политическая экономия — составная часть и источник марксизма?

В. И. Ленин справедливо относит к составным частям марксизма английскую политическую экономию. В самом деле основы марксизма содержатся уже в первом абзаце «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов» (Смит, 2007, 65).

Здесь Смит применяет экзотерический метод непосредственного наблюдения. В течение года был затрачен живой труд, который измеряется количеством человеко-часов. Годичный продукт — результат труда «производительных рабочих» (Смит, 2007, 66), «продукт труда» (Смит, 2007, 103). «В ... первобытном состоянии общества, которое предшествует присвоению земли в частную собственность и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит работнику» (Смит, 2007, 117). Годичный продукт состоит из доходов. Доходы непроеизводительных классов — прибыль и рента — это «вычет из продукта труда» (Смит, 2007, 118).

Смит и Рикардо сводили стоимость годового продукта к затрате живого труда, весь продукт состоял из доходов («догма Смита»), доходы непроеизводительных классов (прибыль/процент и рента) трактовались как вычет из продукта труда, а в дальнейшем как результат «неоплачен-

ного труда». Налицо несправедливость, по логике весь продукт труда должен принадлежать производительному классу. Отсюда вывод, что эта несправедливость может быть устранена в результате социалистической революции.

Ленин прав в том, что Маркс развивал теорию классиков, но это было критическое развитие, что отражено в названии «Капитал. Критика политической экономии». Маркс не развивал «догму Смита», сводящую стоимость годового продукта к новой стоимости ($V+M$). Первая ошибка Смита в том, что он не учитывал труд прошлых поколений, «старую стоимость» (стоимость предмета труда, вспомогательных средств труда и амортизацию собственно средств труда), вошедшую в стоимость годового продукта. Маркс считал «абсурдной догмой, проходящей через всю политическую экономию со времен А. Смита, будто вся стоимость товаров в конечном счете распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту» (Маркс, 1962, 410). Догма Смита — «невероятная ошибка всей политической экономии, начиная со Смита» (Маркс, 1962, 405). В отличие от Смита, по Марксу, во-первых, «стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар» (Маркс, 1961, 286), а во-вторых, товары являются *продуктом капитала*, а отнюдь не «продуктом труда»¹.

По Ленину, Маркс развивал теорию классиков в своем учении о прибавочной стоимости, которое «есть краеугольный камень экономической теории Маркса» (Ленин, 1973, 45). Это верно, но теория прибавочной стоимости Маркса опровергала теорию классиков. «Продавец рабочей силы, — пишет Маркс, — подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу» (Маркс, 1960, 205).

Капиталист оплачивает стоимость товара «рабочая сила» и дает ей занятие (занятость), т. е. осуществляет производительное потребление или экс-

¹ Анализируя превращение прибыли в среднюю прибыль, Маркс пишет: «Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*» (Маркс, 1961, 192).

плуатацию способности к труду. Если рабочая сила оплачивается по стоимости, в этом нет никакой несправедливости.

Если же рабочая сила оплачивается ниже стоимости, то это не эксплуатация, а произвол, нарушение закона стоимости, или закона равновесия, которое ведет к демографической деградации, уничтожению рынка труда и, соответственно, капитала. Такая ситуация имела место во времена Маркса в Англии, она может иметь место и в странах, переходящих на рыночные рельсы, в том числе и в России. Но рано или поздно общество осознает тупиковость такой ситуации, принимая законы о минимальной оплате труда, целевых семейных пособиях, материнском капитале и т.д. Нет никаких оснований считать, что постоянная недоплата наемным работникам — источник роста общественного богатства. Это «источник» уничтожения и наемного труда и капитала, и нации в целом.

Тезис о «несправедливой эксплуатации» — результат применения экзотерического метода непосредственного наблюдения, одного из двух методов Смита. В непосредственном наблюдении капиталист покупает факторы производства (рабочую силу и средства производства) по одной цене, а произведённые товары продает по другой — более высокой. То, что он покупает не труд, а способность к труду, которая в процессе производства (в процессе потребления рабочей силы, или в процессе эксплуатации) создает новую стоимость, превышающую ее собственную, непосредственно не наблюдается. Если исключить закупку средств производства по ценам ниже стоимости и продажу товаров по ценам выше стоимости, то остается простое объяснение прибавочной стоимости/прибыли — недоплата фактору «труд», или «вычет из продукта труда». Отсюда понятный рабочему в его непосредственном наблюдении тезис о «несправедливости эксплуатации»¹.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»?

Анализируя третий источник, В. И. Ленин пишет: «Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о классовой борьбе» (Ленин, 1973, 47).

¹ Французский марксист Луи Альтюссер в «Предупреждениях читателям 1 тома Капитала» пишет: «парадокс заключается в том, что «высококультурные» интеллектуальные специалисты не смогли понять книгу ... и напротив, активисты рабочего движения поняли эту же книгу, несмотря на ее очень большие трудности. Если рабочие так легко «поняли» Капитал, так это потому, что в нем в научных терминах говорится о повседневной реальности, с которой они имеют дело: об эксплуатации, которой они подвергаются в результате капиталистической системы. Вот почему «Капитал» так быстро стал, как сказал Энгельс в 1886 году, «Библией» международного рабочего движения» (Althusser, 1986).

«Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса начинается словами: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс, 1955, 424). Применимо ли это положение к отдельным странам и континентам? Можно ли сказать, что «история России/ Китая/Северной Америки/Южной Америки/Африки/ Индии и т. д. была историей борьбы классов? Крестовые походы, война Севера и Юга в США, история вытеснения/уничтожения индейцев в Южной и Северной Америке, Великая Отечественная война — это история борьбы классов?

Если обратиться к современной истории, то возникают те же вопросы. Движение «Талибан»¹ в Афганистане — это не история борьбы классов. Стремление США установить демократию по американскому образцу в других странах; продвижение «европейских ценностей» в другие страны; защита традиционных ценностей в России — это не история борьбы классов, а что-то другое.

Марксистское положение, согласно которому «(со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития», положение, которое по словам Энгельса, имеет «такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина» (Энгельс, 1961, 1–2) не подтверждается исторической практикой. Классовая борьба, безусловно, имела место в критические моменты в истории, но история обществ не сводится к истории классовой борьбы, она не может быть объяснена исключительно классовой борьбой.

Отказ от идеологии марксизма не означает отказа от материалистического понимания истории, но понимания на основе современного материализма

Ф. Энгельс не исключал обновления материализма: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма» (Энгельс, 1964, 286). Открытие структуры молекулы ДНК (1953) — эпохальное открытие, которое привело к созданию моделей генома биологических видов и человека.

Согласование хода истории с клеточной теорией XIX в. приводит к выводу, что каждый новый способ производства должен возникать из «клеточки», содержащейся и имеющей самостоятельное существование вну-

¹ Решением Верховного суда России движение «Талибан» признано террористическим и запрещено на территории РФ.

три старого организма в результате её дифференциации. В качестве такой «экономической клеточки» в «Капитале» Маркс берет денежную форму стоимости товара, существовавшую в течение 2000 лет¹.

Современная наука выводит клеточную теорию на принципиально новый уровень. Для построения модели генома биологических видов и генома человека нет необходимости выходить за пределы исследуемого объекта и искать простейшую клеточку за его пределами. Для построения модели генома человека нет необходимости обращаться к исторически существовавшим одноклеточным. Клетки многоклеточного организма не являются индивидуумами, способными существовать самостоятельно. Методологический принцип единства исторического и логического, как и линейная последовательность стадий в движении от низшего к высшему, теряют свою актуальность. Внутри каждой клетки многоклеточного организма наличествует молекула ДНК, содержащая в потенции весь организм.

«Современная биология на базе представлений эмбриологии, молекулярной биологии и генетики считает, что индивидуальное развитие от одной клетки до многоклеточного зрелого организма — результат последовательного, избирательного включения работы разных генных участков хромосом в различных клетках. Это приводит к появлению клеток со специфическими для них структурами и особыми функциями, т.е. к процессу, называемому дифференцировкой. Дифференцировка — это результат избирательной активности разных генов в клетках по мере развития многоклеточного организма. Другими словами, дифференцировка — это результат дифференциальной активности генов. Следовательно, можно утверждать, что любая клетка многоклеточного организма обладает одинаковым полным фондом генетического материала, всеми возможными потенциями для проявления этого материала, т. е. тотипотентна, но в разных клетках одни и те же гены могут находиться или в активном, или в репрессированном состоянии... можно в ... зиготу млекопитающих ввести ядро из ткани взрослого животного и получить клонированную особь, имеющую идентичную генетическую информацию с животным-донором. Так была получена (клонирована) овечка Долли» (Ченцов, 2004, 21).

Если Дарвин рассматривал отдельный биологический вид, то по современным представлениям вид дискретен и разделяется на локальные популяции. Отдельная особь не является единицей природы, способной к эволюции. Идея о том, что новый вид/способ производства развивается из клетки, существующей внутри старого вида, а образование нового вида ведет к неизбежной гибели старого, не находит подтверждения.

¹ По проблеме начала «Капитала», товара, стоимости и т. п. шли и идут активные дискуссии в марксистской политэкономии и социально-философской науке в России и в мире. Детальная аргументация согласования метода «Капитала» с клеточной теорией дается в статье ««Экономическая клеточка» или «молекула ДНК»?»: согласование «Капитала» Маркса с клеточной теорией и современной генетикой» (Сорокин, 2020).

Аналогом биологического вида может служить способ производства жизни. Маркс выделял «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный ... как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс, 1959, 7). И. В. Сталин выделял пять способов производства (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический) (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 1938).

В биологии *популяция — совокупность особей одного и того же вида, длительное время (в течение нескольких поколений) занимающих отдельную территорию (ареал), полностью или частично изолированных от других подобных групп и способных к репродукции*. Аналогом популяции могут служить (внутристрановые, страновые и межстрановые) вариации способа производства. «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (Маркс, 1962).

Способы производства жизни как «немарксистский» предмет политической экономии в широком смысле

Под влиянием марксизма политэкономия отказалась от собственного предмета — «богатства народов» (Смит), «народного благоденствия» (Г. Шторх), «капитала» (Маркс). Марксистская политическая экономия стала «наукой, изучающей общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, и экономические законы, управляющие их развитием в исторически сменяющихся друг друга общественно-экономических формациях» (БСЭ), целью политической экономии капитализма было изучение «закономерностей возникновения, развития и неизбежной гибели капиталистического способа производства» (БСЭ).

Если убрать элементы марксизма — «сменяющие друг друга формации» и «неизбежную гибель», то окажется, что предметом являются производственные отношения как «отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» (БСЭ), т.е. вещей.

Автором этой трактовки предмета, которой нет ни у Смита, ни у Рикардо, ни у Маркса, был Ж.-Б. Сэй. Она отражена в названии «Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются» (Say, 1803).

Марксово определение не сводится к производству вещей, производственные, или что то же самое экономические отношения — это отно-

шения (вос)производства жизни людей: «В общественном производстве своей *жизни* люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — *производственные отношения*, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной *жизни* обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс, 1959, 6).

В какие отношения должны были вступать люди для воспроизводства своей жизни в российской сельской общине, в условиях общинного способа производства жизни? В личные отношения с другими общинниками: на сходе определялось количество работников и едоков в семьях и если работников было мало, а едоков много, то выделялась наиболее плодородная полоска земли (отсюда «чересполосица»). Общинные пастбища и покосы были необходимы для обеспечения воспроизводства жизни членов общины. Совокупность общинных отношений представляла собой общинную собственность.

Частная собственность стала возможной при более высоком уровне производительных сил, когда отдельные семьи оказались в состоянии обеспечить воспроизводство жизни вне общины. Необходимость соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил актуальна и не вызывает сомнения.

История всех ранее существовавших обществ была не историей борьбы классов, а историей возникновения, существования и борьбы способов производства жизни

Современный уровень естественных наук и материализм XXI в. позволяет перефразировать и сформулировать тезис, отличный от тезиса «Манифеста».

Способ производства жизни, например, капиталистический или социалистический (аналог вида), существовал и существует в различных странах в различных вариациях (аналог популяции), занимая определённое пространство (ареал). Историческая практика показывает бескомпромиссную борьбу между различными способами производства.

Сохранение способа производства как вида или популяции связано с сохранением/расширением государственных границ (ареала).

Не говоря о кастовых способах производства жизни (Индия), было не правильным считать систему государственного управления в централизованной Китайской империи (в которой император опирался на разветвленный и структурированный бюрократический аппарат в столице и на периферии) «борьбой подчиненных и господствующих классов». Это от-

носятся и к Российской империи. Конкретно-исторические способы производства учитывают территорию, культуру, религию, национальные особенности, географическое положение и т.п.

Историческая практика дает примеры реального капитализма и реального социализма существовавших и существующих в отдельных странах. Она позволяет изменить представление о социализме как обществе с более высоким, чем при капитализме уровнем развития производительных сил. Как раз наоборот, более высокий уровень необходим для функционирования капитализма, поскольку капитализм подразумевает гигантское расточение производительных сил, достигающее своего апогея в периоды экономических кризисов. Последний мировой экономический кризис разразился в сентябре 2008 г., а на начало 2009 г. «совокупные потери в стоимости активов оценивались в 50 трлн долл. — это эквивалентно размеру мирового ВВП» (Греф, 2009).

Страны, переходящие на путь капитализма, как правило, начинали с захватнических войн и колонизации с целью приобретения дополнительных территориальных и людских ресурсов (Великобритания, Франция, Германия). Можно предположить, что экономический кризис 1930-х гг. в США был глубинной причиной послевоенной экспансии США, которые в настоящее время имеют военные объекты/базы в 170 странах мира.

Социализм, напротив, может существовать и обеспечивать воспроизводство жизни при более низком уровне производительных сил за счет экономии ресурсов вследствие общественной/государственной собственности и планирования народного хозяйства. Именно социалистический способ производства позволил СССР сохраниться в границах Российской империи и противостоять экспансии капиталистических стран в ходе интервенции в 1918—1921 гг. и Великой Отечественной войны.

Войти в «клуб капиталистических государств» новым странам в настоящее время чрезвычайно сложно. «Клубу» не нужны конкуренты. Э. Райнерт приводит примеры попыток такого вхождения Монголии (и других стран — Руанды и Перу), которые привели к регрессу и примитивизации в результате свертывания обрабатывающей промышленности (Райнерт, 2011). Попытки вхождения в этот клуб России в 1990-е гг. привели к деиндустриализации и едва не привели к распаду страны. Рост числа компаний с государственным участием, который можно рассматривать как движение к социализму или элементам социализма, становится объективной необходимостью, защитной реакцией на давление и экспансию американского и европейского «капиталистического клуба». Усиление санкционного давления на Россию в последнее время неизбежно приводит к тенденции национализации.

Представляется оптимальной политика Китая, в котором в социалистический способ производства постепенно включаются элементы капитализма. Экономика КНР сочетает элементы капитализма с государственной собственностью на природные ресурсы. Опыт Китая (и других стран)

показывает возможность оптимального сочетания различных способов производства с целью воспроизводства жизни общества в целом без радикальных революций и классовой борьбы.

Способы производства жизни соответствуют определенному уровню производительных сил. Капитализм невозможен на уровне производительных сил общины. Материалистическое понимание истории, согласованное с принципом тотипотентности, приводит к выводу, что при достаточно высоком уровне развития общество «тотипотентно», т.е. содержит возможность включения различных способов производства (капитализма и социализма, например), одни из которых могут находиться в активном, а другие в репрессированном состоянии. Общественный организм может и объективно должен «включать» те способы производства, которые обеспечивают воспроизводство жизни и «блокировать» те, которые этому не способствуют. Включение элементов капитализма в социалистическую модель, как и включение элементов социализма в капиталистическую модель, может происходить и происходит без революций.

Реконструкция предмета «немарксистской» политической экономии капиталистического способа производства

Немарксистская политэкономия — наука, изучающая один из способов производства — капиталистический способ производства жизни, ее цель — не гибель капитализма, а воспроизводство жизни наемных работников, капиталистов, земельных собственников. «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок. Под первыми тремя рубриками я исследую *экономические условия жизни трех больших классов*, на которые распадается современное буржуазное общество...» (Маркс, 1959, 5).

Предмет «Капитала» «капиталистический способ производства (жизни, — С. А.) и соответствующие ему отношения производства и обмена» (Маркс, 1960, 6). Маркс опускает слово «жизни» как само собой разумеющееся. Иная трактовка «капиталистический способ производства (вещей, — С. А.) и соответствующие ему отношения производства (вещей, — С. А.) и обмена (вещей, — С. А.)» (Маркс, 1960, 6) — нонсенс.

Немарксистская политэкономия и экономикс имеют общий предмет — совокупность производственных отношений капиталистической экономики.

Основные производственные отношения — заработная плата, прибыль и рента обеспечивают воспроизводство жизни трех больших классов. Доходы носят денежную форму, на них покупаются товары, товары производятся. Все отношения, обеспечивающие воспроизводство жизни (товары, деньги, отношения в процессе производства товаров и т.п.) от-

носятся к производственным или экономическим отношениям, которые в теоретической модели отражены категориями «зароботная плата», «прибыль», «рента», «товары», «деньги», «цены», «издержки производства товаров» и т.д. «Немарксистская» политэкономия и экономикс рассматривают одни и те же экономические отношения/категории.

Метод (немарксистской) политэкономии капитализма. Необходимость согласования метода «Капитала» с геномикой

Согласование с клеточной теорией — элемент марксизма в «Капитале» Маркса: если капитализм рождается из клеточки, существовавшей в старом организме, то внутри капитализма должны появиться «ростки» или материальные условия социализма, а капитализм должен погибнуть. В отличие от «Капитала» метод немарксистской политэкономии согласован не с устаревшей клеточной теорией, а с современной геномикой. Классики политэкономии начинали анализ с общества в целом, шли от сложного конкретного к простейшему и наоборот. В отличие от классиков Маркс начинает *анализ* с отдельного товара («клеточки»), а не с «огромного скопления товаров». Это вызывает ряд проблем и несостыковок. Товар — единство двух факторов (потребительной стоимости и стоимости), но взятый сам по себе он просто полезная вещь. Доказать, что это товар, можно в том случае, если эта вещь обменивается (обладает меновой стоимостью), а еще лучше — продается за деньги, т.е. обладает денежной формой стоимости.

Приняв отдельный товар в качестве «клеточки», Маркс должен был исходить «из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости» (Маркс, 1960, 56). И хотя он подчеркивает, что стоимость не может быть выведена из меновой стоимости, а наоборот — меновая стоимость выводится из стоимости, согласование с клеточной теорией может привести читателя к выводу, что исходной категорией «Капитала» являются два непосредственно наблюдаемых фактора товара — потребительная стоимость (вещь с полезными свойствами, удовлетворяющая общественную потребность) и меновая стоимость (пропорция, в которой одни товары обмениваются на другие).

Более того, в авторизованном французском издании первый параграф первой главы «Капитала» называется не «Два фактора товара: потребительная стоимость и *стоимость*...», а «Два фактора товара: потребительная стоимость и *меновая стоимость*, или стоимость в собственном смысле (субстанция стоимости, величина стоимости)» (Маркс, 1974, 167). Это вводит в заблуждение читателя, которому представляется, что метод Маркса — это экзотерический метод. Считая, что он ничем не отличается от метода неоклассики, от метода микро- и макроэкономики, что «Капитал» начинается с непосредственно наблюдаемой меновой стоимости,

а не с непосредственно ненаблюдаемой природы общественного богатства — стоимости.

Это ошибочное представление распространено в работах специалистов по теории Маркса. «Товар имеет два аспекта: он непосредственно полезен кому-то... или, словами Смита, которые использует Маркс, — это потребительная стоимость, и его также можно обменивать на другие товары. Эту характеристику обмениваемости Маркс называет стоимостью» (Foley, 1986, 13). Или: «Начнем с особого понятия товара и определим его двойственный характер: потребительная стоимость и меновая стоимость» (Harvey, 2010, 19). «Определение товара может быть записано как товар = потребительная стоимость + меновая стоимость» (Shapiro, 2008, 19).

Подход с позиций устаревшей клеточной теории подвергался критике. Одной из последних на эту тему была статья Р. И. Капелюшников — «Маржинализм и марксизм: первая встреча» (Капелюшников, 2021). В ней рассматривается критика Ф. Уикстидом *кажущегося* выведения стоимости из меновой стоимости Марксом. В свою очередь Уикстид выводит из меновой стоимости полезность. Но природа явления не может быть выведена из непосредственного наблюдения, из меновой стоимости ничего не выводится. По Марксу, напротив, меновая стоимость выводится из стоимости, но это обстоятельство, как отмечалось, ускользает от читателя из-за согласования с клеточной теорией¹ и необходимости апелляции к меновой стоимости, но не для того, чтобы вывести из нее стоимость, а лишь для того «чтобы напасть на след ...стоимости» (Маркс, 1960, 56).

Но дело не в теории Уикстида, а в том, что он критикует отнюдь не идеологию марксизма (Marxism as a political ideology), а Марксову экономическую теорию (Marxian economics). В отличие от российской литературы, в английской проводится различие между «марксистским (марксизмом)/Marxist, Marxism» и «марксовым/Marxian»². В России десятилетиями внедрялся стереотип, согласно которому вся марксова экономическая теория является не чем иным, как обоснованием идеологии марксизма. Показателен перевод названия главы, посвященной Марксу в работе М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе/Economic Theory in Retrospect» (Blaug, 1985). В оригинале она называлась «Marxian economics», т.е. «Марк-

¹ «Когда мы в начале этой главы говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость и «стоимость». Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости» (Маркс, 1960, 70).

² Marxian economics are economic theories based on the works of Karl Marx. Adherents of Marxian economics, particularly in academia, distinguish it from Marxism as a political ideology, arguing that Marx's approach to understanding the economy is intellectually independent of his advocacy of revolutionary socialism or his belief in the inevitability of proletarian revolution (Marxian economics).

сова экономическая теория, или экономическая теория Маркса», но была переведена как «Экономическая теория марксизма» (Блауг, 1994).

Метод (немарксистской) политэкономии капитализма аналогичен методу построения генома: анализ начинается не с отдельного товара — клетки, а со всего экономического организма. Первый этап — анализ многообразного конкретного, экономического организма в целом, расчленение предмета и выделение простейшего конкретного (экономической молекулы ДНК). Анализ начинается с «огромного скопления товаров», с годичного продукта. Выясняется, что, во-первых, он представляет собой набор вещей с полезными свойствами для других, набор благ или потребительных стоимостей. Это — непосредственно наблюдаемая форма богатства народов, которая фиксируется и в политэкономии, и в экономикс. Во-вторых, предполагается, что труд (процесс труда), предшествующий появлению благ на рынке, каким-то образом застыл, кристаллизовался во всем продукте и в каждой потребительной стоимости набора. Это непосредственно ненаблюдаемая природа богатства, стоимость, которая фиксируется в политэкономии, но не фиксируется в экономикс. Отдельный товар — элементарная форма огромного скопления товаров, поэтому он также обладает двумя факторами.

Второй этап — синтез, собственно построение модели, движение от простейшего конкретного/абстрактного к сложному конкретному, к живому экономическому организму, в котором все его элементы находятся во внутренней взаимосвязи. Исходным отношением является товар как единство двух факторов: потребительной стоимости (вещи с полезными свойствами, удовлетворяющей общественную потребность) и стоимости (кристаллизации абстрактно человеческого труда под ограничением ОНРВ/общественно необходимого рабочего времени).

**Зачем нужна «немарксистская» политэкономия,
если есть экономикс? Прикладная политэкономия
как единство «немарксистской» политэкономии
и «немарксистской» экономикс**

А. Смит использовал два метода — эзотерический (открытие природы богатства народов, внутренней связи явлений) и экзотерический (описание, установление количественных взаимосвязей между непосредственно наблюдаемыми явлениями). Смит не удалось открыть природу богатства, он остановился на трудовой теории стоимости, согласно которой цены должны были быть прямо пропорциональны затратам человеко-часов живого труда. Поскольку природа богатства не была открыта, экономистам неоклассикам пришлось перейти на экзотерический метод, исключаяющий понимание «природы» и «сущностей». Главный принцип метода сформулирован Милтоном Фридменом: «Факты следует описывать, а не объяснять» (Фридмен, 1999, 294).

Модели экономикс — однофакторные модели, опирающиеся на непосредственно наблюдаемые количества благ и количества денег (цены). Экономикс критикуют за использование математики, но дело не в математике, поскольку математическое описание — вершина неоклассики, а в том, что формализуются непосредственно наблюдаемые явления, без выяснения их внутренней взаимосвязи, без выяснения природы богатства. В неоклассике одно непосредственно наблюдаемое явление, природа которого неизвестна, описывается через другие непосредственно наблюдаемые явления, природа которых также неизвестна: «сбережение — это доход минус потребление», «прибыль — это общая выручка минус издержки», и т.п. Количественные взаимосвязи принимаются как закон природы. «Сбережения равны инвестициям» — это верно, но в этом равенстве нет ответа на вопрос — что такое сбережения, что такое инвестиции и почему сбережения *должны* быть равны инвестициям. Экзотерический метод существенно ограничивает прикладное значения науки, применение категорий в практике бизнеса. Типичный пример — спрос (demand), у которого нет собственных единиц измерения поскольку непосредственное наблюдение фиксирует его лишь как зависимость между ценой и количеством. У зависимости нет единиц измерения. Если кривая спроса сдвигается вправо, то утверждается, что «спрос вырос». Но каковы собственные единицы измерения спроса и насколько вырос спрос при сдвиге кривой спроса — на этот практический вопрос бизнеса экономикс ответа не дает.

«Для господствующего сегодня неоклассического направления экономической теории, — пишет зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ проф. А. А. Пороховский — характерен позитивистский подход, направленный на регистрацию эмпирически наблюдаемых фактов и построение на этой основе экономико-математических моделей, поясняющих функциональные связи, но не позволяющих проникнуть в сущность общественных отношений, формирующих «внутреннюю физиологию» лежащих на поверхности действительности фактов» (Пороховский, 2016, 20).

Между тем описание конкретного, высшей формой которого является математическое описание, — первая дескриптивная ступень исследования во всех науках. Вторая, экспликативная ступень — построение моделей, в которых экзотерические явления с их количественными взаимосвязями получают определения/объяснение с позиций их природы, с позиций понимания их внутренней взаимосвязи.

Построение модели политической экономии капитализма позволяет систематизировать, включить в одну-единственную модель различные теории экономикс (и, прежде всего, микро- и макроэкономiku), дать объяснение и взаимосвязь всех категорий модели, и, наконец, что самое важное — повысить ее роль в практике бизнеса, придав ей поистине прикладной характер. В ходе синтеза выясняется, что все авторы, описывающие цену, деньги, капитал, издержки и прибыль, инвестиции, сбереже-

ния в экономикс с дескриптивных позиций, были правы, но фиксировали одну из сторон, «фотографировали» один из моментов движения живого экономического организма.

Метод построения прикладной политической экономии не предполагает критики мейнстрима, критики моделей микро- и макроэкономики за статичность, мелкотемье, математический формализм т. п. и, тем более, не предполагает характеристики экономикс как «буржуазной науки». Экономикс — наука, описывающая и формализующая непосредственно наблюдаемые явления. Задача политэкономии — не критика, а включение всех категорий экономикс в единую модель, определение/объяснение категорий с позиций природы общественного богатства (стоимости), придание прикладного характера политической экономии.

Заключение

В условиях реструктуризации экономического факультета МГУ возникает вопрос об учебных курсах кафедры политэкономии в рамках сложившейся структуры учебного плана. Вернуться к чтению кафедрального «Курса политической экономии» (под ред. Н. А. Цаголова) невозможно, поскольку он представлял собой «марксистскую политическую экономию» с тезисами о классовом и партийном характере политэкономии¹, о ее противоположности буржуазной экономической науке, т.е. микро- и макроэкономике, неизбежности гибели капитализма. Структура курса отражала линейную последовательность смены способов производства, капитализм относился к «досоциалистическим способам производства».

Разработка курса «прикладной политической экономии», дополняющего и объясняющего категории курсов микро- и макроэкономики, позволяет внести фундаментальную составляющую в учебный план экономического факультета МГУ. Основы курса изложены в учебниках (Сорокин, 2009; Сорокин, 2016; Сорокин, 2020) и учебном пособии по элективному курсу «Теория общественного богатства», который читался на экономическом факультете МГУ в 2007–2021 гг. (Сорокин, 2021).

Разработка курса прикладной политэкономии велась параллельно с другими вариантами нового учебника политэкономии. Следует отметить учебник кафедры политической экономии «Общая экономическая теория. Вводный курс» (Пороховский, 2010) и выдержавший три издания учебник «Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление» (Бузгалин и др., 2020), на основе которого на экономическом факультете МГУ читается одноименный курс. Следует также от-

¹ «Но непримиримость марксистско-ленинской экономической теории и вульгарной политической экономии отражает антагонизм классовых интересов и исторических целей пролетариата и буржуазии. Неотделимость теоретических сторон политической экономии от ее идеологических выводов как раз и определяет классовый, партийный характер этой науки» (Цаголов, 1973, 811).

метить (к сожалению, нереализованную) идею создания политэкономии постмарксистского синтеза, выдвинутую В. Т. Рязановым (Рязанов, 2017).

Отказ от идеологии марксизма не означает деидеологизации общества. Выработка новой идеологии и «национальной идеи» возможна на основе материалистического понимания истории, на основе обеспечения условий воспроизводства жизни трех больших классов (наемных работников, капиталистов, земельных собственников) в рамках капиталистического способа производства¹ и «включения» элементов социалистического способа производства жизни, обеспечивающих воспроизводство жизни населения России в пределах существующей территории (ареала) под контролем государства без радикальных революций. Такая идеология могла бы быть фактором становления новой российской государственности.

Материалистическое понимание истории как истории борьбы «социально-экономических популяций», т.е. вариаций способов производства, которые характеризуются ценностно-поведенческими платформами, культурой, языком, образом жизни, религией, ареалом обитания и т.п., идет в одном русле с новой наукой — «социокультурной экономикой», которая в течение двух десятилетий разрабатывалось проф. А. А. Аузаном и другими учеными экономического факультета МГУ и нашла отражение в статьях и учебном курсе (Аузан, Никишина, 2021; Аузан, Бахтигараева и др. 2020).

Социокультурный подход позволяет дать научное объяснение процессам, происходящим в современном мире².

¹ А. В. Бугалин и А. И. Колганов ставят резонный вопрос: «Интересы какого экономического актора выражает та или иная экономическая политика? Всех граждан страны как собственников некоторого общенационального достояния? Собственников капитала? Только крупного корпоративного капитала? Наемных работников в целом? Их особого слоя? Других социальных слоев? В определенной мере каждого из акторов?» и приходят к выводу, что «проводимая в настоящая время в РФ экономическая политика выражает... преимущественно интересы олигархически-бюрократической страты — реального собственника ключевых ресурсов нашей экономики» (Бугалин, Колганов, 2016). Ситуация подчинения политики государства интересам одного из классов (точнее, верхушке класса капиталистов, без учета интересов мелкого, среднего и значительной части крупного бизнеса) противоречит обеспечению воспроизводства жизни общества в целом, ставит под вопрос само существование общества. Государство должно учитывать интересы и обеспечивать воспроизводство трех больших классов капиталистического способа производства жизни.

² «Я и мои коллеги, — пишет А. А. Аузан, — проводили много исследований социокультурных характеристик населения, но их главная цель — показать не разницу между цивилизациями, а различия между разными ценностно-поведенческими платформами... В целом сегодня существует две группы более или менее удаленных друг от друга стран, которые когда-то имели общие истоки в греко-христианской цивилизации. Эта удаленность в исторической перспективе объясняется расколом Рима на Западную и Восточную часть. Сегодняшний англо-саксонский мир вышел из Западного Рима и прецедентного права, а Россия, страны Восточной и Южной Европы — из Византийской империи. И Евросоюз, кстати, в своем интеграционном проекте споткнулся как раз не о конкуренцию стран между собой (например, не о конкуренцию Франции и Германии, которые воевали на протяжении столетий), а именно о культурные границы этих цивилизаций — при интеграции

В статье рассматривался классический марксизм как идеология на базе материалистического понимания истории на уровне XIX в. Марксизм в широком смысле — это не только учение о классовой борьбе, а богатая философская, политэкономическая, социологическая школа, имеющая разные ветви (революционную, реформистскую и т.п.), развивающаяся в мире уже 150 лет и сейчас особенно активно — в Китае (во всех университетах это обязательная дисциплина). В РФ издается журнал «Вопросы политической экономики», одной из самых известных школ РФ является постсоветская школа критического марксизма, основные положения которой изложены в выдержавшей пять изданий монографии «Глобальный капитал» (Бузгалин, Колганов, 2019).

Список литературы

Аузан, А. (2018). *Главное — не доиграться до реальной мировой войны. Текстовая версия открытого интервью декана Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Александра Аузана, прошедшего в рамках цикла бесед «С европейской точки зрения»*. <https://snob.ru/entry/168500/>.

Аузан, А. А., Бахтигараева, А. И., & Брызгалин, В. А., Золотов, А. В., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А., Ставинская, А. А. (2020). Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка. *Вопросы экономики*, 2, 75—91.

Аузан, А. А., Никишина Е. Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций*. Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. Дело Лтд.

Большая советская энциклопедия, (1969—1978). <https://bse.slovaronline.com/>

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2016). [Пост]классическая политическая экономика: потенциал решения проблем социально-экономической политики. *Вопросы политической экономики*, 2, 32.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2019). *Глобальный капитал: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded) Т. 1*. 5-е изд., доп. URSS.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2019). *Глобальный капитал: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. («Капитал» re-loaded) Т.2*. Изд. 5-е, доп. URSS.

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И., & Барашкова, О. В. (2020). *Классическая политическая экономика: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень*. 3-е изд. Издательство Ленанд.

Греф, Г. (2009). Предисловие к российскому изданию. *Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата*. Эксмо.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (1938). Издательство ЦК ВКП(б) Правда.

Капелюшников, Р. И. (2021). Маржинализм и марксизм: первая встреча. *Вопросы экономики*, 2, 102—132.

Греции, Болгарии, Польши. Если бы ЕС включил в свой состав еще и Турцию — интеграционный проект попросту бы разорвало» (Аузан, 2018).

Ленин, В. И. (1969). *Карл Маркс*. Полное собрание сочинений. Т. 26. Издательство политической литературы, 55.

Ленин, В. И. (1973). *Три источника и три составных части марксизма*. Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1959). *К критике политической экономии*. Предисловие. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. Политиздат.

Маркс, К. (1960). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. Политиздат.

Маркс, К. (1961). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. Политиздат.

Маркс, К. (1962). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. Политиздат.

Маркс, К. (1974). [Фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала»] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. Политиздат.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Манифест коммунистической партии*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. Политиздат.

Пороховский, А. А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении современной экономики. *Вопросы политической экономии*, 4.

Пороховский, А. А. (ред.) (2010). *Общая экономическая теория. Вводный курс. В 3-х кн.* Издательский дом «Кодекс».

Райнерт, Э. С. (2011). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.

Рязанов, В. Т. (2017) «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза. *Вопросы политической экономии*, 4, 10–29.

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Эксмо.

Сорокин, А. В. (2009). *Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики: учебник*. Издательство «Экономика».

Сорокин, А. В. (2016). *Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура*. Директ-Медиа.

Сорокин, А. В. (2020). «Экономическая клеточка» или «молекула ДНК»? : согласование «Капитала» Маркса с клеточной теорией и современной генетикой. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6, 23–45.

Сорокин, А. В. (2020). *Общая экономика: бакалавриат. Краткий курс: учебник*. Директ-Медиа.

Сорокин, А. В. (2021). *Теория общественного богатства. Категории модели: учебное пособие. 8-е изд., дополненное*. «МАКС Пресс».

Фридмен, М. (1999). *Маршаллианская кривая спроса*. Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1.

Цаголов, Н. А. (ред.) (1973). *Курс политической экономии. В 2-х т.* Т. I. Учеб. пособие для экон. вузов и фак. Изд. 3-е. Издательство «Экономика».

Ченцов, Ю. С. (2004). *Введение в клеточную биологию: учебник для вузов*. 4-е изд., перераб. и доп. ИКЦ «Академкнига».

Энгельс, Ф. (1959). *Карл Маркс. «К критике политической экономии»*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. Политиздат.

Энгельс, Ф. (1961). *Предисловие к нем. изд. «Манифеста коммунистической партии»*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. Политиздат.

Энгельс, Ф. (1964). *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

- Althusser, L. (1986). *Avertissement aux lecteurs du Livre I du «Capital»*. https://www.marxists.org/francais/marx/works/1867/Capital-I/althusser_cap.htm#ftn5/
- Foley, D. K. (1986). *Understanding capital. Marx's Economic Theory*. Harvard University Press.
- Harvey, D. A. (2010). *Companion to Marx's Capital*. VERSO.
- Marxian economics*. https://marx.fandom.com/wiki/Marxian_economics#cite_note-1
- Say, J.–B. (1803). *Traité d'économie politique ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent ou se consomment les richesses*. Crapelet.
- Shapiro, S. (2008). *How to Read Marx's Capital*. Pluto Press.
- Blaug, M. (1985) *Economic theory in retrospect (4th ed.)*. Cambridge University Press.

References

- Auzan, A. (2018). *Glavnoe – ne doigrat'sya do real'noj mirovoj vojny. Tekstovaya versiya otkrytogo interv'yū dekana Ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova Aleksandra Auzana, proshedshego v ramkah cikla besed «S evropejskoj točki zreniya»*. <https://snob.ru/entry/168500/>.
- Auzan, A. A., Bahtigaraeva, A. I., & Bryzgalin, V. A., Zolotov, A. V., Nikishina, E. N., Pripuzova, N. A., Stavinskaya, A. A. (2020). Sociokul'turnye faktory v ekonomike: projdennye rubezhi i aktual'naya povestka. *Voprosy ekonomiki*, 2, 75–91.
- Auzan, A. A., Nikishina E. N. (2021). *Sociokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika — na kul'turu: kurs lekcij*. Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova.
- Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive*. Delo Ltd.
- Bol'shaya sovetskaya enciklopediya*. (1969–1978). <https://bse.slovaronline.com/>
- Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. (2016). [Post]klassicheskaya politicheskaya ekonomiya: potencial resheniya problem social'no-ekonomicheskoy politiki. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 2.
- Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. (2019). *Global'nyj kapital: Metodologiya: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded) T. 1*. 5-e izd., dop. URSS.
- Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. (2019). *Global'nyj kapital: Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely. («Kapital» re-loaded) T.2*. Izd. 5-e, dop. URSS.
- Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I., & Barashkova, O. V. (2020). *Klassicheskaya politicheskaya ekonomiya: Sovremennoe marksistskoe napravlenie. Bazovyj uroven'. Prodvynutyj uroven'*. 3-e izd. Izdatel'stvo Lenand.
- Cagolov, N. A. (red.) (1973). *Kurs politicheskoy ekonomii*. V 2-h t. T. I. Ucheb. posobie dlya ekon. vuzov i fak. Izd. 3-e. Izdatel'stvo “Ekonomika”.
- Chencov, Yu. S. (2004). *Vvedenie v kletochnuyu biologiyu: Uchebnik dlya vuzov*. — 4-e izd., pererab. i dop. IKC «Akademkniga».
- Engel's, F. (1959). *Karl Marks. «K kritike politicheskoy ekonomii»*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 13. Politizdat.
- Engel's, F. (1961). *Predislovie k nem. izd. «Manifesta kommunisticheskoy partii»*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 21. Politizdat.
- Engel's, F. (1964). *Lyudvig Fejrbah i konec klassicheskoy nemeckoj filosofii*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 21.
- Fridmen, M. (1999). *Marshallianskaya krivaya sprosa*. Vekhi ekonomicheskoy mysli. Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa. T. 1.
- Gref, G. (2009). *Predislovie k rossijskomu izdaniyu. Krugman P. Vozvrashchenie Velikoj depressii i Mirovoj krizis glazami nobelevskogo laureate*. Eksmo.

Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov). Kratkij kurs (1938). Izdatel'stvo CK VKP(b) Pravda.

Kapelyushnikov, R. I. (2021). Marzhinalizm i marksizm: pervaya vstrecha. *Voprosy ekonomiki*, 2, 102–132.

Lenin, V. I. (1969). *Karl Marks*. Polnoe sobranie sochinenij. T. 26. Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Lenin, V. I. (1973). *Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma*. Polnoe sobranie sochinenij. T. 23. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973.

Marks, K. (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 13. Politizdat.

Marks, K. (1960). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 23. Politizdat.

Marks, K. (1961). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. III*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 25. CH. I. Politizdat.

Marks, K. (1962). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. III*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 25. CH. 2. Politizdat.

Marks, K. (1974). [*Fragmenty iz avtorizovannogo francuzskogo izdaniya I toma «Kapitala»*]. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 49. Politizdat.

Marks, K., Engel's, F. (1955). *Manifest kommunisticheskoy partii*. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 4. Politizdat.

Porohovskij, A. A. (2016). Politicheskaya ekonomiya v XXI veke: sistemnyj podhod v reshenii sovremennoj ekonomiki. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 4.

Porohovskij, A. A. (red.) (2010). *Obshchaya ekonomicheskaya teoriya. Vvodnyj kurs. V 3-h kn*. Izdatel'skij dom «Kodeks».

Rajnert, E. S. (2011). *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi*. Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly ekonomiki.

Ryazanov, V. T. (2017). «Kapital» K. Marksa i sovremennyy kapitalizm: vozmozhnosti i preimushchestva politekonomii postmarksistskogo sinteza. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 4, 10–29.

Smit, A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. Eksmo.

Sorokin, A. V. (2009). *Teoriya obshchestvennogo bogatstva. Osnovaniya mikro- i makroekonomiki: Uchebnik*. Izdatel'stvo «Ekonomika».

Sorokin, A. V. (2016). *Obshchaya ekonomika: bakalavriat, magistratura, aspirantura*. Direkt-Media.

Sorokin, A. V. (2020). «Ekonomicheskaya kletochka» ili «molekula DNK»? : soglasovanie «Kapitala» Marksa s kletочноj teoriej i sovremennoj genetikoj. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 6, 23–45.

Sorokin, A. V. (2020). *Obshchaya ekonomika: bakalavriat. Kratkij kurs: uchebnik*. Direkt-Media.

Sorokin, A. V. (2021). *Teoriya obshchestvennogo bogatstva. Kategorii modeli: Uchebnoe posobie*. 8-e izd., dopolnennoe. «MAKS Press».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. В. Бузгалин¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

И. В. Манахова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

И. Н. Молчанов³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия);

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

М. Ю. Павлов⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. К. Рассадина⁵

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330

ЧЕЛОВЕК КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АКТОР: ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГА ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

В статье проводится сравнительный анализ теории человека в рамках поведенческой экономики и современной марксистской политической экономии. На основе систематизации основных положений данных теорий делается вывод, что при всех принципиальных различиях этих направлений они в разной форме отражают объективные феномены современной экономики, требующие существенной коррекции прежних представлений об «экономическом человеке». Марксистская политическая экономия

¹ Бузгалин Александр Владимирович — д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: buzgalin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3923-8385.

² Манахова Ирина Викторовна — д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: manakhovaiv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3103-4943.

³ Молчанов Игорь Николаевич — д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: 9392940@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4252-2387.

⁴ Павлов Михаил Юрьевич — к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: 1tm@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7416-0558.

⁵ Рассадина Алла Константиновна — к.э.н., с.н.с., кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: rassalla20@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4995-5129.

с самого начала давала более сложную картину, показывая разнокачественность целей и мотивов деятельности и поведения человека в разных социально-экономических системах. Поведенческая экономика в последние десятилетия также принимает во внимание эти изменения. К таким коррекциям относится, во-первых, междисциплинарный характер изучения человека как экономического актора (поведенческая экономика акцентирует важность диалога с психологией и биологией, марксистская политическая экономия — с социальной философией и социологией). Во-вторых, необходимость учета не только нерациональной составляющей человеческого поведения, но и того, что рациональное поведение может быть ориентировано не только на рыночные цели и ценности. В-третьих, с учетом обострения глобальных проблем оба направления акцентируют необходимость как минимум дополнения прежних целей экономической деятельности (рост прибыли, ВВП) ценностями, связанными с развитием человеческих качеств. При этом в рамках «основного течения» предлагается концепция «инклюзивного капитализма», в рамках современного марксизма — как минимум глубоких реформ. Авторы статьи делают вывод о возможности продвижения стратегии эко-социо-культурно-ориентированного развития на базе диалога названных направлений.

Ключевые слова: человек, поведенческая экономика, политическая экономия, социально-экономическое развитие.

Цитировать статью: Бузгалин, А. В., Манахова, И. В., Молчанов, И. Н., Павлов, М. Ю. & Рассадина, А. К. (2022). Человек как экономический актор: потенциал диалога поведенческой экономики и современной марксистской политэкономии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 26–44. <https://doi.org/10.38050/01300105202222>.

A. V. Buzgalin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

I. V. Manakhova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

I. N. Molchanov

Lomonosov Moscow State University / Financial University
(Moscow, Russia)

M.Yu. Pavlov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. K. Rassadina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: E20, E12; E70, E71

HUMAN BEING AS AN ECONOMIC ACTOR: THE POTENTIAL OF A DIALOGUE BETWEEN BEHAVIORAL ECONOMICS AND MODERN MARXIST POLITICAL ECONOMY

The article provides a comparative analysis of human theory within the framework of behavioral economics and modern Marxist political economy. Based on the systematized

main items of these theories, the paper concludes that with all the fundamental differences, these directions reflect in different forms the objective phenomena of modern economics which require significant correction in prior notions of «homo economicus». From the very beginning Marxist political economy would give a more complex picture with the diversity of goals and motives of human activity and behavior in different socio-economic systems. In recent decades behavioural economics has also taken these changes into account. Such corrections include, firstly, the interdisciplinary character of the study of a Man as an economic actor (behavioral economics stresses the importance of a dialogue with psychology and biology, Marxist political economy with social philosophy and sociology). Secondly, it is necessary to account not only for the irrational component of human behavior but also for the rational behavior's orientation not only on market goals and values. Thirdly, taking into account the aggravation of global problems, both directions emphasize the need to add goals and values related to the development of human qualities, to the previous goals of economic activity (profit growth, GDP). At the same time the concept of «inclusive capitalism» is proposed within the «main trend» and at least deep reforms with concern to modern Marxism. The authors draw a conclusion concerning the possibility of advancing the strategy of eco-socio-cultural-oriented development based on the dialogue of the above-mentioned areas.

Keywords: human being, behavioral economics, political economy, socio-economic development.

To cite this document: Buzgalin, A. V., Manakhova, I. V., Molchanov, I. N., Pavlov, M. Yu., & Rassadina A. K. (2022). Human being as an economic actor: the potential of a dialogue between behavioral economics and modern Marxist political economy. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 26–44. <https://doi.org/10.38050/01300105202222>.

1. Введение

Многообразие и противоречивость проявлений последних десятилетий, вплоть до обострившихся гуманитарных проблем в условиях пандемии, высветили многообразие аспектов проблемы человека в экономике. События XXI в. делают все более востребованным взгляд на экономику как пространство, в котором и фирмы, и национальные государства, и международные организации ориентируют принятие решений на достижение не только стоимостных результатов (прибыль, ВВП и т.д.), но и на развитие человека (Шваб, Маллере, 2020, 165; Сен, 2020). Эти постановки отражают объективные требования новых мировых практик, которые обуславливают необходимость если не кардинального пересмотра, то хотя бы глубоких коррекций аксиом «основного течения» экономической теории.

Отвечая на эти вызовы, представители как основного течения, так и гетеродоксальной экономической теории, предлагают существенные коррекции прежних представлений о человеке в экономике. Ниже мы остановимся на сравнительном анализе только двух, наиболее активно разрабатывающих именно данный аспект, ветвей обеих направлений — поведенческой экономики и современной марксистской версии

классической политической экономии. Отметим, что в рамках и «основного течения», и гетеродоксальной теории есть и другие школы, исследующие проблемы человека (посткейнсианство, классический и новый институционализм, эволюционная экономическая теория и др.), но включение их в исследование слишком расширило бы проблемное поле данного текста.

Соответственно, предметом нашего исследования станет не только сравнительный анализ, но и возможное теоретическое сопряжение выводов двух названных теорий в пространстве экономической теории человека и тех практических выводов, которые отсюда вытекают.

2. Методология и разработка проблемы в современной литературе

Как следует из вводных ремарок, подход авторов данной статьи базируется, во-первых, на диалоге двух кажущихся диаметрально различными, но пересекающихся в ряде принципиально важных вопросов направлений экономической теории — поведенческой экономики и современной марксистской политической экономии. Во-вторых, в данной работе применяется междисциплинарный подход, что обусловлено как спецификой предмета исследования, так и междисциплинарностью как принципом исследования, на котором основываются два названных выше направления экономической теории. И первое, и второе в исследовании проблемы человека как актора экономики активно используют разработки в области философии (что более типично для марксизма) и в области психологии (что характерно для обоих направлений).

Сравнительное исследование разработок проблемы человека в поведенческой экономике и марксистской политической экономии конца XX — начала XXI в., насколько нам известно, не стало предметом специальных работ. Мы не ставим своей задачей осветить все аспекты поведенческой экономики и марксистской теории человека как экономического актора — это слишком объемная задача, а ограничимся лишь краткой характеристикой основных блоков работ в рамках названных школ с акцентами на выделенных выше пространствах их сходства и взаимопересечения.

Поведенческая экономика изучает человека, исходя из двойственной природы. С одной стороны, человек — существо биологическое, с другой, человек — существо социальное, включённое в систему общественных (прежде всего, экономических), отношений и норм, институтов и совершающее как рациональные, так и нерациональные действия и поступки. Причем иррациональность является не случайным отклонением, а одной из двух важнейших составляющих экономического поведения человека, которую можно измерить (Kahneman, 1979; 1982; 2011).

Авторы, принадлежащие к данному направлению, разрабатывают различные аспекты нерационального поведения: ограниченная рациональность Г. Саймона (Simon, 1957; 1978), роль эвристик и когнитивных искажений в теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски (Kahneman, Tversky, 1979); влияние неопределенности и риска на принятие решений (Kahneman et al., 1982); ментальный учет Р. Талера (Thaler, 1985); проблемы самоконтроля Г. Шеффрина (Thaler, Shefrin, 1981); гиперболическое дисконтирование Д. Лайбсона (Laibson, 1997), предсказуемая и позитивная иррациональность Д. Ариели (Ariely, 2008; Ариели, 2010) и др.

Исходя из названных положений, обосновывается широкий спектр моделей государственной опеки: «асимметричного патернализма» К. Каме-рера и его коллег (Camerer et al., 2003), «либертарианского патернализма» и управляемого выбора Р. Талера и К. Санштейна (Sunstein, Thaler, 2003; 2008), «легкого патернализма» Дж. Ловенштейна, Э. Хэйсли (Loewenstein, Haisley, 2006).

Интерпретируя все это в духе новой институциональной теории, можно сказать, что *нерациональность поведения есть один из важнейших институтов экономики вообще и рыночной, в частности* (последнее — формула авторов статьи).

Внимания заслуживают исследования российских ученых в рассматриваемой области. В работах ученых МГУ имени М. В. Ломоносова показывается, как включение в макроэкономические модели таких поведенческих предпосылок, как «близорукость» потребителей, «животные инстинкты» инвесторов, «эффект заражения», волны оптимизма и пессимизма, делает их более правдоподобными и реалистичными (Никифоров, Антипина, 2016; Миклашевская и др., 2018; Антипина, Миклашевская, 2021). Поведенческая экономика определяется как новый раздел фундаментальной экономической науки, новый тип и стиль научного мышления (Рудакова, 2018). В работах авторов РЭУ делается вывод, что поведенческая экономика может стать новой интеллектуальной платформой научного сообщества (Журавлева et al., 2016). Проблеме поведенческих институтов, патернализма и государственной опеки посвящен ряд публикаций авторов НИУ ВШЭ (Автономов, Белянин, 2011; Капелюшников, 2013).

Марксистская разработка проблемы человека с самого начала носила междисциплинарный характер. Выделим несколько важнейших аспектов этого подхода, используя метод диалектического единства исторического и логического.

Исходный пункт — исследование человека в пространстве социальной философии в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса — формирует основания для всей последующей марксистской традиции исследования этой проблемы: социально-исторического материалистического видения человека (Маркс, 1955 а; Маркс, Энгельс, 1955).

Собственно политико-экономический взгляд на человека представлен, в первую очередь, в «Капитале» (Маркс, 1955 б) и других работах Маркса и Энгельса, где была развита до теории товарного и денежного фетишизма, а также фетишизма капитала теория экономического человека А. Смита и показаны лежащие в пространстве производственных отношений основания экономических и политических интересов человека как члена определенного класса.

На основе как политико-экономических, так и социально-философских работ марксизма XIX в., в XX и XXI вв. были полнее раскрыты такие важнейшие черты экономического бытия человека как (1) качественное отличие ценностей, мотивов и интересов человека в исторически различных общественных системах; (2) бытие человека, как одновременно продукта и творца истории; (3) обусловленность экономических действий человека всей совокупностью общественных отношений, а не только рынком и др. Эти идеи развиваются в работах марксистов начала XX в. (Грамши, 1991, Лукач, 2003) и особенно активно — в 1960–1970-е гг. (Ollman, 1976; Meszaros, 1970; Сэв, 1972; Зиновьев, 2000; Ильенков, 1991; Батищев, 1969). В XXI в. их дополняют работы, проанализированные в статье «Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия» (Бузгалин, 2018).

Критический анализ некоторых общих проблемных полей и качественных различий и станет основой для дискуссии в основной части текста, к которой мы переходим.

3а. Критика mainstream'а изнутри: детерминанты поведения, ценности и мотивы в зеркале поведенческой экономики

В неоклассической экономической теории мейнстрима, где постулируются идеальные рынки и совершенная конкуренция, ресурсы ограничены, а человеческие потребности безграничны, доминирует модель *Homo economicus*, основанная на рациональном поведении экономического агента, максимизирующего полезность (выгоду, прибыль), входящую в целевую функцию. Этой конструкции, уходящей корнями к антропологической модели «экономического эгоиста» А. Смита, уже триста лет. Длительное время абстрактная модель репрезентативного (однородного) экономического агента, «идеального» рационального человека, обладающего стабильными, транзитивными предпочтениями, владеющего полной информацией, имеющего неограниченные способности по ее переработке, умеющего количественно оценить всевозможные альтернативы, осуществляющего свободный выбор, руководствуясь собственной выгодой и личным интересом, позволяла объяснять многие процессы и явления.

Однако развитие технологий, экономических отношений и институтов, культуры и — главное — самого человека, уже давно требовало существен-

ного переформатирования этой картины. Обратившие на это внимание исследователи довольно быстро выяснили очевидное: результаты деятельности во многом зависят от неэкономических мотивов, ожиданий, интуиции, доверия, нравственных оснований, отсутствие которых в экономических моделях отдаляет от достоверного устройства рыночной системы. Так возникли основы для развития поведенческой экономики, которая стремится приблизить нас к реальному человеку. «Люди — это одушевленные существа, и траекторию их движения нельзя описать как точную функцию ряда переменных» (Комлос, 2018, 17).

И если в современных условиях большинство теоретических конструкций учитывает *экономическую* мотивацию и *рациональную* деятельность, то изменяющаяся реальность требует включить новые детерминанты в модели экономического поведения человека. Дж. Акерлоф и Р. Шиллер (Akerlof, Shiller, 2009) предлагают дополнить прежнюю схему, во-первых, исследованием *экономических* мотивов и *иррациональных* реакций экономических агентов; во-вторых, изучением *неэкономических* мотивов и *рациональных* реакций; в-третьих, анализом *неэкономических* мотивов и *иррациональных* реакций, что открывает новые возможности для расширения потенциального поля исследований.

Как таковая, поведенческая экономика показывает, что неправомерно отождествлять целевую функцию только с максимизацией полезности и собственным эгоистичным интересом. В реальной жизни экономические агенты руководствуются множеством целей (в том числе альтруистическими, филантропическими и др.), составляющих своеобразный портфель. В условиях кризиса целевая функция корректируется в направлении минимизация рисков. Отсюда «рациональное экономическое поведение, связанное с принятием решений, заключается в *оптимизации портфеля целей*, а не максимизации единственной цели» (Манахова, 2014, 112).

Этот спектр усложнений может быть легко дополнен: достаточно просто выйти за пределы актов купли-продажи и проследить реальную жизнедеятельность людей, чтобы понять, что многозадачность и мультифункциональность современного человека значительно усложняют его роль в информационно-насыщенной экономике. Нарастивание скорости и темпа жизни умножает волатильность, создает неопределенность и снижает предсказуемость. Усиливается ощущение зависимости человека от времени, которое становится лимитирующим параметром принятия решений, предопределяя его потребности и мотивы поведения.

Кроме того, на основе многочисленных эмпирических наблюдений доказывается, что максимизация полезности невозможна по причине ограниченных мыслительных возможностей человека. Люди импульсивны и нетерпеливы, спектр внимания ограничен, мы перегружены информацией, нас детерминирует дефицит времени; неумение взвесить свои возможности, отделить качественную информацию от информационного

шума и т.д., что приводит к неэффективным результатам и систематическим ошибкам.

Следующим шагом стала интеграция экономических и биопсихологических исследований. Новейшие разработки в области нейронауки, когнитивной психологии, геноэкономики позволяют по-новому взглянуть на процесс принятия экономических решений под влиянием психологических особенностей индивида, различных форм *когнитивного, эмоционального, генетического* и т.п. потенциала, которые принадлежащие к неоклассике ученые не могли определить иначе, как новые виды капитала (Camerer et al., 2005; Cesarini et al., 2009). В поведенческой экономической теории скрытые переменные используют для разъяснения таких явлений, как демонстративное потребление, долги по кредитным картам, желание возвыситься перед окружающими, умение взаимодействовать с другими людьми. Ограниченность человеческого знания и когнитивных способностей в принятии рациональных решений является причиной того, что люди в процессе выбора применяют *интуитивный подход*, опираются на привычки, эмоции, собственный опыт, полагаются на эвристики, используют правило «большого пальца».

Важным фактором, перекрывающим стремление к выгоде, является *затратность* максимизации выгодного решения. Разработчики проблем поведенческой экономики на основе экспериментальных исследований (Kahneman et al., 1982) показывают, что отклонения от рационального поведения связаны с психологическими особенностями восприятия, сложностями в оценке абсолютных величин, трудностями выбора из множества параметров продуктов, асимметричностью приобретений и потерь. Специально отметим, что в ходе эксперимента «игры с ультиматумом» доказывался давно известный и без этих экспериментов факт, что люди наделены *чувством справедливости*, а это опровергает важнейшую предпосылку об эгоистической природе человека.

Дж. Акерлоф и Р. Шиллер пытаются выяснить, как человеческая природа, «животный дух», управляют экономикой. По мнению ученых, иррациональное начало имеет пять форм проявления: доверие, представление о справедливости, недобросовестность и злоупотребление, денежная иллюзия, нарративы (истории), которые влияют на принятие решений и усиливают нестабильность экономики (Akerlof, Shiller, 2009). Доверчивые люди часто игнорируют определенную информацию, полагаются на удачу, не раздумывая делают выбор, восприимчивы к историям про достижения других. Большинство решений принимается в условиях неопределенности, когда информация неоднородна и асимметрична, а вероятность положительного исхода неизвестна. Чем выше неопределенность, тем ниже горизонт планирования и значительнее издержки, тем сложнее сделать рациональный выбор. В этом кроется одна из причин иррационального поведения людей.

Более того, в ситуации неопределенности наблюдается синдром *футурошока* (страха возникновения в ближайшем будущем негативных событий), который проявляется в потере человеком адекватной пространственной ориентировки, в невозможности строить временные транспективы, что приводит к интуитивному страху и немотивированным поступкам (Болотова, 2007, 6–7). Пандемия усилила негативный эмоциональный фон принятия экономических решений. Коронакризис наложил на противоречия цифровизации, что не добавляет уверенности в будущем: «...информационные технологии способствуют созданию массовых социальных сетей, но они одновременно укрепляют одиночество и снижают человеческое общение, часто заменяя его коммуникацией с роботами. Массовая культура становится все более технологичной и безразличной к душевному настрою простого человека» (Пороховский, 2021, 13).

Таким образом, поведенческая экономика приходит к выводу, что неоклассическая модель экономического человека, построенная на базовых предпосылках по поводу поведения людей и их мотивации, не может полностью объяснить многие реальные процессы в современной экономике, спрогнозировать масштабные кризисные явления и найти пути выхода из них и предлагает включить в модели поведения экономических агентов анализ различных видов иррационального поведения, когнитивно-психологических детерминант, что, по мнению исследователей, значительно расширяет возможности аналитического инструментария и обогащает современную экономическую науку. Еще важнее, что поведенческая экономика начала рассматривать не-рыночные *рациональные* детерминанты человеческого поведения. В этом же направлении, но по иному пути и задолго до поведенческой экономики, пошла марксистская теория и близкие к ней направления экономической теории, социальной философии и материалистической психологии.

3б. Преодолевая рыночноцентричность экономической теории: человек в зеркале марксистской политэкономии

В рамках краткого экскурса в марксистское направление исследования человека мы выделили те реперные точки, которые определяют современное видение человека как актора экономики в рамках рассматриваемой в данном подразделе парадигмы.

Во-первых, достаточно очевидно не только то, что человека как экономического актора должны исследовать представители широкого спектра наук (экономисты, философы, психологи и т.д.), ибо это принципиально междисциплинарная проблема, но и то, что всякое исследование человека, в том числе узкоспециализированное, должно быть одновременно и экономическим, и психологическим, и социологическим (учитывающим со-

циальную страту), и даже философским, учитывающим, например, общий контекст (не)рациональности. Тем более это касается фундаментальных политико-экономических исследований. Этот исходно-междисциплинарный подход, характерный для марксизма с момента его зарождения, сегодня развивается и рядом экономистов-неоклассиков, но иначе.

Во-вторых, исторический подход позволяет нам выделить несколько качественно различных типов человека в его социально-экономическом бытии, качественно различающихся ценностями и мотивами поведения (в частности, труда, принятия решений и др.).

Так, в добуржуазных системах большинство членов общества, принадлежащее к третьему сословию, занятое ручным аграрным трудом, неграмотное и находящееся в положении личной зависимости, было нацелено на рутинное воспроизводство традиции и рассматривало себя преимущественно как часть некоторой корпорации (общины, рода и т.п.) (Гуревич, 1984). Ценности и мотивы деятельности актора рыночной экономики для подавляющего большинства из них были чужды. Этот стандарт жизнедеятельности — не только далекое прошлое: значительное число граждан «периферии», а также мигрантов в странах «центра», воспроизводит именно эту систему ценностей, мотивов и т.д.

В индустриальной рыночно-капиталистической системе формируются иные характеристики человека:

- 1) человек становится придатком машины, функцией индустриальных производительных сил;
- 2) человек рынка — это обособленный частный актор, максимизирующий стоимостные результаты и минимизирующий стоимостные же издержки;
- 3) человек, занимающий качественно различное положение в экономике и обществе, в зависимости от того, в каком качестве он вступает в капиталистическое отношение: в качестве наемного работника или собственника капитала (или того и другого одновременно);
- 4) но одновременно это и потенциальный субъект изменения данной системы — актор реформ и революций (последнее в работах самого К. Маркса относилось только к наемному работнику, в работах его последователей этот тезис был критически развит).

Со второй половины XX в. под влиянием развития качественно новых технологий (на языке марксизма — производительных сил), трансформации экономических отношений (развитие отношений общественного регулирования экономики, производства общественных благ и др.), изменений в социальной структуре («креативный класс», прекариат и др.) происходят трансформации человеческих качеств, формируемых рынком и капиталом: появляется как массовое явление человек, который максимизирует, прежде всего, не вещное богатство, деньги, а нечто качественно иное. Возникает новая, *пострыночная* мотивация. И эта новая мотивация

по преимуществу *рациональна*, она диктуется новым содержанием труда и новыми социально-экономическими отношениями, в которые в массовом масштабе вступает человек начиная со второй половины XX в. Но это другая, нежели у рыночного актора, мотивация.

Прежде чем кратко охарактеризовать эту не-рыночную, но рациональную мотивацию нового человека, сделаем две важные ремарки:

- эти положения развиваются в марксизме на протяжении всего XX в., существенно опередив разработки поведенческой экономики;
- в этом тексте мы не останавливаемся на проблемах природы «реального социализма» — специфике ценностей и мотивации «хомо советикус» посвящено немало работ, в том числе фундаментальная одноименная книга А. Зиновьева (Зиновьев, 2000).

В-третьих, основные детерминанты формирования рациональных в своей основе пострыночных ценностей и мотиваций определяются по мере развертывания объективных трансформаций в технологиях, экономике и социальной структуре.

Выделим основные из них. *Технологическая революция XXI в.* — К. Шваб и Т. Маллере называют ее четвертой промышленной (Шваб, Маллере, 2020).

Творческая деятельность становится все более массовой, затрагивающей до трети населения (Флорида, 2007). А. Фриман определяет ее как «немашинизируемую» (Freeman, 2015), получающую распространение в таких сферах, как высокотехнологичное производство, образование, здравоохранение, управление, наука, культура, искусство и др. При этом важно помнить, что творческая деятельность обладает фундаментальным свойством самомотивации. В той мере, в какой труд становится творческим, он из обременения превращается в потребность, в ценность. Включенный в творчество человек максимизирует... труд. И это совершенно рациональное действие, объективно детерминированное содержанием деятельности. Более того, для творческого процесса характерно снятие границы между свободным и рабочим временем. Это примеры генезиса иной, чем у рыночного актора, рациональности.

Социальные ограничения рынка и развитие общедоступных, бесплатных для пользователя благ. Сферы образования, здравоохранения, культуры и др., в которых работники получают доходы из общественных источников (бюджета, специальных фондов и др.), создают общественные блага, которые потребители получают бесплатно. Массовое развитие в условиях пандемии (и не только) бесплатного, добровольного труда волонтеров и многие другие практики показывают наличие пока узкого, но устойчиво воспроизводимого, пространства с иной, нежели рыночная, но в полной мере рациональной деятельности, диктуемой объективными материальными социально-экономическими отношениями солидарности и труда,

ориентированного на создание общественного (а не частного) блага. Заметим, что некоторые из этих феноменов несколько десятилетий назад «открыли» для себя и критически мыслящие представители неоклассики (что отмечено выше), а также нового институционализма, дав им разные имена, в том числе долгосрочной альтруистической мотивации.

Подчеркнем: и отношения сотворчества, в которых для человека ценностью являются труд и свободное время, и отношения солидарности, ориентация на создание и потребление общественных благ (Яковлева, 2021) и т.п., в современных условиях, т.е. в условиях господства отношений рынка и капитала, не могут не являться исключением. Но это исключение, характерное для значительной части общества (например, пострыночная мотивация для «креативного класса»), является и устойчиво воспроизводимым.

Итак, существуют и до- и пострыночные системы ценностей и мотивов, которые рациональны и реальны для значительных социальных групп. Отметим, что это только один из промежуточных выводов данной статьи, посвященной сравнительному анализу марксистской политической экономики и поведенческой экономики.

3с. Контрапункты и потенциал интеграции поведенческой экономики и марксистской теории человека: некоторые предварительные выводы

Начнем с фиксации очевидного: в исходном пункте поведенческая экономика, являющаяся относительно новой ветвью неоклассики, с одной стороны, и теория человека в марксистской политической экономике, с другой, противоположны по своим генетическим основаниям: методологии (индивидуализм и субъективизм — в первом случае; материалистическая диалектика, анализ объективных общественных отношений — во втором), основным теоретическим постулатам и т.п. Эти направления принципиально отличны в большинстве своих выводов и по практическим рекомендациям, что мы специально покажем ниже.

Однако глубокие изменения в технологиях и содержании труда, экономических отношениях, социальной структуре, образе жизни и т.п., приведшие к формированию социальной среды человека, существенно отличной от рынка в течение прошедших столетий, привели оба направления к формированию модели человека, в которой можно выделить несколько больше сходных черт, чем в исходном пункте — неоклассике первой половины XX в. и в классическом марксизме. Отметим *важнейшие из таких взаимопересечений исследуемых нами направлений*.

Во-первых, выяснилось, что только междисциплинарное исследование позволяет дать адекватную картину человека в экономике. Но при этом поведенческая экономика тяготеет, в соответствии со своей методологией

позитивизма и индивидуализма, к биопсихологическим экспериментам, а марксизм — к социальной философии, социальной психологии и педагогике. Но при этом оба направления сходятся в том, что человек — это не только рациональный рыночный максимизатор полезности, но и биосоциальное существо, имеющее сложную детерминацию поведения (последнее направление особенно активно развивается современным марксизмом) и являющееся активным субъектом трансформации социально-экономических отношений. Это позволяет сделать вывод, что реалии последних десятилетий обуславливают объективную необходимость ухода от одномерной модели человека в экономике как рационального *homo economicus* и развития многомерной, междисциплинарной теории человека, которая единственно может служить основой для выработки обоснованных с теоретической точки зрения практических рекомендаций. Вывод не новый ни для *mainstream*'а, ни для марксизма, но новый как пространство их потенциального диалога.

Во-вторых, под влиянием объективной реальности неоклассика была вынуждена признать наличие у человека в пространстве рациональных детерминант не только эгоистических рыночных ценностей и мотивов. Чем дальше, тем больше, особенно под влиянием пандемии COVID-19, отмечается необходимость широкого распространения новых ценностей и мотивов экономического поведения и принятия решений — таких как солидарность, равенство, справедливость, альтруистические действия и т.п. Последний аспект характерен не для всех авторов данного направления и фиксируется, как правило, в форме некоторого отклонения от рыночной эгоистической «нормы» — своего рода новый «провал» рыночной системы.

В отличие от поведенческой экономики, марксизм акцентирует этот же объективный феномен, но по-иному: человек долгое время был *до*-рыночным актором, у него были иные, нежели максимизация денежного дохода и минимизация затрат, цели и мотивы (традиции, корпоративный статус), и он чем дальше, тем больше (хотя и неравномерно) становится другим, а именно, *пост*рыночным актором, ориентированным на опять же иные, чем деньги и товары, цели: на развитие в труде, становящемся потребностью; на максимизацию свободного времени; на отношения солидарности, справедливости и т.п. Таким образом, оба направления фиксируют объективный тренд формирования *не только* рыночных ценностей и мотивов человека, хотя и совершенно по-разному.

В-третьих, для большинства авторов, разрабатывающих проблемы поведенческой экономики, конечной целью исследований и рекомендаций остается выработка оптимального поведения рыночного агента на рынках товаров и услуг, труда, финансов и т.п., с одной стороны, и оптимальной маркетинговой политики корпораций, с другой. Марксизм ориентирован на иное — на исследование противоречий и пределов существующей системы (позднего капитализма), выражающихся, в том числе, в появле-

нии в недрах капитализма ростков качественно новой социально-экономической модели человека с пострыночными, посткапиталистическими ценностями и мотивами. Но при этом оба направления современного исследования человека в экономике в большей или меньшей степени склоняются к необходимости ориентации экономического развития на максимизацию не только стоимостных результатов на уровне отдельного индивида, фирмы, национальной экономической системы или мирового сообщества в целом, но и на *развитие, в центре которого должны стоять прогресс человеческих качеств, решение социальных и экологических проблем.*

PS. Гуманистическая ориентация экономического развития: практические импликации теоретических диалогов

Завершить рассмотрение двух, в основе своей противоположных, направлений хотелось бы акцентом на их возможном диалоге в пространстве выработки рекомендаций в области социально-экономической политики. При этом авторы исходят из того, что тяготеющие к неолиберальному тренду исследователи проблем поведенческой экономики не могут совпасть в своих выводах с ортодоксальными марксистами. Но, с одной стороны, в рамках первого направления есть ученые, акцентирующие необходимость защиты человека от манипулятивных воздействий корпораций и государства, ориентации их деятельности на социально-ответственные цели, поддержку императивов солидарности и снижения социального неравенства, ориентации экономической политики на задачи не только максимизации ВВП, но (и в первую очередь) прогресса человеческих качеств, развития человеческого потенциала и т.п. С другой стороны, в марксистской политической экономии немало пишется о возможности и необходимости начинать движение к новому обществу с реформирования существующего — в том же направлении.

Кроме того, оба направления в разной мере, но в целом критически оценивают формирующиеся в настоящее время в мировой экономике и отчасти характерные для России тренды архаизации экономической жизни и соответствующие трансформации человека, ведущие в большинстве случаев к снижению творческого потенциала личности. Отмечается представителями обоих течений и наличие мощного тренда к примитивизации труда как оборотной стороны прогресса автоматизации.

Критическое отношение к этим процессам и обоснование необходимости ориентации экономического развития на прогресс человеческих качеств — это важные пространства диалога сравниваемых течений. На последнем из них, как наиболее значимом в практическом отношении, мы и хотели бы остановиться в заключение.

В качестве основы для диалога в названном пространстве может выступить концепция «человеческого развития» (*Human Development*), многие

черты которой в том или ином виде принимают представители рассматриваемых нами направлений. В основе исследования Амартии Сена, лауреата Нобелевской премии по экономике — подход «с точки зрения возможностей» (*capability approach*). Исходным является понимание процесса развития не как возрастания только материального благосостояния, а как расширения *возможностей человека* (Сен, 2020). Данная посылка подразумевает большую свободу выбора, чтобы каждый мог выбирать из большого числа вариантов ту цель и тот образ жизни, которые он считает предпочтительными. Отсюда следует, что в этой концепции категория «доход» (имеются в виду реальные доходы на душу населения) не принимается в качестве приоритета при выборе цели и предпочтительных вариантов жизни для человека. Все это достаточно очевидно перекликается с рядом акцентов поведенческой экономики.

Подчеркнем: *это уже не только теория*. Названные концептуальные положения развиваются в ежегодных докладах «Отчет о развитии человечества» в рамках Программы развития ООН (ПРООН), основная цель которых — поиск баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Предлагаемая модель взаимодействия государства и общества ориентирована не столько на равенство потребления, сколько на равенство возможностей (в сфере образования, здравоохранения, безопасности, политических и гражданских прав) (UNDP, 2010).

Многомерность человека как цель и фактор развития фиксирует и теория *креативного класса*, подъем которого, по мнению Р. Флориды, «отражается в значительных сдвигах в ценностях, нормах и подходах» (Флорида, 2007, 95; Galloway, Dunlop, 2007; Freeman, 2012, 2015).

Марксистская школа экономической мысли шире рассматривает пространство целей, ценностей и мотивов человеческого развития, также включает в них содержание труда и свободное время как реальное богатство человечества и каждого человека. Подчеркнем, что ряд современных представителей *mainstream*'а также рассматривают свободное время как полезное благо. Но есть принципиальное различие: для «основного направления» свободное время (не случайно называемое «досугом») является серийным благом, тогда как для марксистской мысли свободное время — это реальная ценность высшей значимости.

В любом случае важно зафиксировать, что прогресс творческой деятельности и рост свободного времени становятся ценностями и средствами качественной трансформации стратегий экономического развития. Но такая постановка принципиально невозможна без отказа от одномерной трактовки человека как рационального максимизатора денег и товаров и минимизатора затрат, причем, прежде всего, труда. На возможность такого диалога указывает трансформация позиций многих авторитетнейших представителей «основного течения», начавшаяся (в виде

прогноза) еще в 30-е гг. прошлого столетия. В данном случае имеем в виду работу Дж. М. Кейнса «Экономические возможности для наших внуков» (Keynes, 1963), в которой предсказано, что при темпах повышения производительности труда на 2% в год, через 100 лет (т.е. в 2030 г.) производство одного и того же количества продукции потребует в восемь раз меньше времени, чем в 1930 г. Сегодня сходные императивы выдвигают лидеры Давосского форума, указывающие на важность «уделить больше внимания таким вопросам, как инклюзивность и справедливость» (Шваб, Маллере, 2020, 170).

Еще одним важным аспектом практических рекомендаций, близких обоим направлениям, является уже упоминавшаяся выше социально-экономическая политика, направленная на защиту человека (как гражданина, потребителя, работника) от манипулятивного воздействия корпораций и того, что марксизм называет «тотальностью рынка» и «рынком симулякров» (Бодрийяр, 2007).

Перечень может быть продолжен, и это вселяет умеренный оптимизм в отношении возможностей не интеграции, но сотрудничества и диалога ряда представителей современной неоклассики и марксизма.

Список литературы

Автономов, В., Белянин, А. (2011). Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы. *Общественная наука и современность*. 2011, 2, 112–130.

Антипина, О., Миклашевская, Н. (2021) О традиции преподавания базовой экономической теории в Московском университете: прошлое, настоящее, будущее. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 4, 237–254.

Ариели, Д. (2010). *Позитивная иррациональность. Как извлекать выгоду из своих нелогичных поступков*. М.

Батищев, Г. (1969). Деятельностная сущность человека как философский принцип. *Проблема человека в современной философии* (Сборник статей). М.

Бодрийяр, Ж. (2007). *К критике политической экономии знака*. М.

Болотова, А. (2007). *Человек и время в познании, деятельности, общении*. М.

Бузгалин, А. (2018). Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия. *Вопросы философии*, 6, 190–201.

Бузгалин, А., Колганов, А. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? *Социологические исследования*, 1, 18–28.

Грамши, А. (1991). *Тюремные тетради*. М.

Гуревич, А. (1984). *Категории средневековой культуры*. М.

Даймонд, Д. (2020). Уроки пандемии. *Financial Times*, 27 мая. <https://www.ft.com/content/71ed9f88-9f5b-11ea-b65d-489c67b0d85d> (дата обращения: 23.12.2021).

Журавлева, Г., Манохина, Н., Смагина, И. (ред.) (2016). *Поведенческая экономика: новая парадигма экономического развития*. М., Тамбов.

Зиновьев, А. (2000). *Гомо советикус*. Собр. соч. Т. 5. М.

Ильенков, Э. (1991). *Философия и культура*. М.

Капелюшников, Р. (2013). *Поведенческая экономика и новый патернализм*. М.

Комлос, Дж. (2018). *Что должен знать каждый, кто изучает экономику, и о чем не написано в обычных учебниках*: монография. М.

Лукач, Д. (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.

Маркс, К. (1955 а). *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. М.

Маркс, К. (1955 б). *Капитал*, т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 23. М.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Немецкая идеология*. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 3. М.

Манахова, И. (2014). *Трансформация потребления в информационной экономике*: дис. ... д-ра экон. наук. М.: ЭФ МГУ.

Миклашевская, Н., Антипина, О., Никифоров, А. (2018). Поведенческая экономика до и после Великой Рецессии. *Экономическая наука современной России*, 1(80), 33–48.

Никифоров, А., Антипина, О. (2016). Поведенческая макроэкономика: на пути к новому синтезу? *Вопросы экономики*, 2, 88–103.

Пороховский, А. (2021). Американский экономический кризис 2020–2021 гг.: циклические и нециклические факторы. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 51(6), 5–21.

Рудакова, И. (2018). Поведенческая экономика — новая мода или новая парадигма? *Философия хозяйства*, 6(120), 69–80.

Сен, А. (2020). Лучшее общество может появиться из блокировки // *Financial Times*, 15 апреля. <https://www.ft.com/content/5b41ffc2-7e5e-11ea-b0fb-13524ae1056b>. (дата обращения: 25.12.2021).

Сэв, Л. (1972). *Марксизм и теория личности*. М.

Флорида, Р. (2007). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.

Шваб, К., Маллере, Т. (2020). COVID-19: Большой сброс. *Всемирный экономический форум 2020*. Форум, вып. 1.0.

Яковлева, Н. (2021). Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход). *Вопросы политической экономики*, 3(27), 183–197.

Akerlof, G., Shiller, R. (2009). *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why it Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press.

Ariely, D. (2008). *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. New York.

Buzgalin, A., Kolganov, A. (2016). Critical Political Economy: the ‘Market-centric’ Model of Economic Theory Must Remain in the Past — Notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism. *Cambridge Journal of Economics. Oxford University Press (United Kingdom)*, vol. 40, 2, 575–598.

Camerer, C., Issacharoff, S., Loewenstein, G., O’Donoghue, T., Rabin, M. (2003). Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for “Asymmetric Paternalism”. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 151, 1, 1211–1254.

Camerer, C., Loewenstein, G., Prelec, D. (2005). Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics. *Journal of Economic Literature*, vol. 43, 9–64.

Cesarini, D., Dawes, Ch., Johannesson, M., Lichtenstein, P., Wallace, B. (2009). Genetic Variation in Preferences for Giving and Risk Taking. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 124, 809–842.

Freeman, A. (2012). *Is Creation an Industry? A Constructive Critique of the Economics of the Cultural and Creative Industries*. L.

Freeman, A. (2015). Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design, and the Future of Human Labor. Pijl K. van der. (ed.). *Handbook of the International Political Economy of Production*. Cheltenham: Edward Elgar, 352–374.

Galloway, S., Dunlop, S. (2007). A Critique of Definitions of the Cultural and Creative Industries in Public Policy. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 13, 1, 17–31.

Kahneman, D. (2011). *Thinking Fast and Slow*. N. Y.

Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (1982). *Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge University Press.

Kahneman, D., Tversky, A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, vol. 47, 2, 361–374.

Keynes, J. (1963). Economic Possibilities for our Grandchildren. *Essays in Persuasion*. N. Y., W. Norton & Co, 358–373.

Laibson, D. (1997). Golden Eggs and Hyperbolic Discounting. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, 2, 443–478.

Loewenstein, G., Haisley, E. (2006). The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of “Light Paternalism”. *The Handbook of Economic Methodologies*, vol. 1, Oxford University Press.

Meszaros, I. (1970). *Marx's Theory of Alienation*. London.

Ollman, B. (1976) Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed., Cambridge University Press.

Simon, H. (1957). *Models of Man*. New York.

Simon, H. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought: Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*, vol. 68, 2, 1–16.

Sunstein, C., Thaler, R. (2003). Libertarian Paternalism. *American Economic Review*, vol. 93, 2, 175–179.

Thaler, R. (1985). Mental Accounting and Consumer Choice. *Marketing Science*, vol. 4, 1, 199–214.

Thaler, R., Shefrin, H. (1981). An Economic Theory of Self-Control. *Journal of Political Economy*, vol. 89, 2, 392–406.

Thaler, R., Sunstein, C. (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven and London.

UNDP (2010). Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations — Pathways to Human Development. New York // <https://www.un.org/ru/development/hdr/> (<https://www.un.org/ru/development/hdr/> (дата обращения: 25.12.2021).

References

Avtonomov, V, Belyanin, A. (2011). Behavioral institutions of a market economy: problem setting. *Social Science and Modern Time*, 2, 112–130.

Antipina, O., Miklashevskaya, N. (2021). On The Tradition of Teaching Basic Economic Theory at Moscow University. Past, Present, Future. *Moscow University Economics Bulletin*, 4, 237–254.

Ariely, D. (2010). *The Upside of Irrationality: The Unexpected Benefits of Defying Logic at Work and at Home*. M.

Batishev, G. (1969). *Human activity essence as a philosophical principle. The Problem of a Man in Modern Philosophy*. M.

Baudrillard, J. (2007). *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. M.

Bolotova, A. (2007). *A Person and Time in Knowledge, Activity, Communication*. M.

Buzgalin, A. (2018). Human Being in the World of Alienation: To Criticism of Liberalism and Conservatism. The Reactualization of the Marxist Heritage. *Problems of Philosophy*, 6, 190–201.

Buzgalin, A., Kolganov, A. (2019). Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie towards Precariat and Creative Class? *Sociological Studies*, 1, 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1

Gramsci, A. (1991). *Prison Notebooks*. M.

Gurevich, A. (1984). *Categories of medieval culture*. M.

Diamond, J. (2020). Lessons from a pandemic. *Financial Times*, 27 May. <https://www.ft.com/content/71ed9f88-9f5b-11ea-b65d-489c67b0d85d> (дата обращения. 23.12.2021).

Zhuravleva, G., Manokhina, N., Smagina, V. (2016). *Behavioural economics: modern paradigm of economic development: monograph*. M.: Tambov.

Zinoviev, A. (2020). *Homo Sovietikus*. Vol. 5, M.

Ilienkov, E. (1991). *Philosophy and Culture*. M.

Kapeliushnikov, R. (2013). *Behavioral Economics and New Paternalism*. M.

Komlos, J. (2018). *What everyone who studies economics should know and what is not written in ordinary textbooks*. M.

Lukács, G. (2003). *History and class consciousness. Research on Marxist dialectics*. M.

Marx, K. (1955 a). *Economic Manuscripts of 1857–1859*. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.*, 2-nd edition, vol. 46. M.

Marx, K. (1955 b). *Capital*. Vol. 1. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.*, 2-nd edition, vol. 23. M.

Marx, K., Engels, F. (1955). *The German Ideology*. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.*, 2-nd edition, vol. 3, M.

Manakhova, I. (2014). *Transformation of consumption in the information economy: Dissertation for the degree of Doctor of Economics*. M.: MSU.

Miklashevskaya, N., Antipina, O. & Nikiforov, A. (2018). Behavioral Macroeconomics before and after the Great Recession. *Economic Science of Modern Russia*, 1(80), 33–48.

Nikiforov, A., Antipina, O. (2016). Behavioral macroeconomics: Towards a new synthesis? *Voprosy Ekonomiki*, 12, 88–103.

Porokhovskiy, A. (2021). American Economic Crisis of 2020–2021: Cyclical and Non-Cyclical Factors. *USA & Canada: economics, politics, culture*, 51(6), 5–21.

Rudakova, I. (2018). Behavioral Economics is a New Fashion or a New Paradigm? *Philosophy of Economy*, 6(120), 69–80.

Sen, A. (2020). A better society can emerge from the lockdowns // *Financial Times*, Apr. 15. <https://www.ft.com/content/5b41ffc2-7e5e-11ea-b0fb-13524ae1056b> -25 Dec. 25, 2021.

Florida, R. (2007). *Creative class: people who change the future*. M.

Schwab, K., Malleret, T. (2020). COVID-19: The Great reset. *2020 World Economic Forum*. Forum, iss. 1.0.

Seve, L. (1972). *Marxism and Personality theory*. M.

Yakovleva, N. (2021). Contradictions of Transformation and Genesis Socially Oriented Model of Education (Political Economy Approach). *Problems in Political Economy*, 3(27), 183–197.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д. Р. Сугаипов¹

РАНХиГС (Москва, Россия)

УДК: 330.567.2

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ УВЕРЕННОСТИ В РОССИИ²

Статья посвящена краткосрочному прогнозированию расходов на конечное потребление домашних хозяйств с помощью индекса потребительской уверенности в России. В работе проведен сравнительный анализ подходов к прогнозированию потребления с использованием опережающего индикатора в различных странах и построены на- укасты потребления на квартальных данных за период с 2000 по 2021 г. В отличие от большинства исследований, основанных на сезонно-скорректированных временных рядах, в текущем исследовании используются сезонно-дифференцированные времен- ные ряды. Для определения предсказательной силы индекса строится несколько мо- делий, в которые по очереди включаются индекс потребительской уверенности, лаги индекса, а также лаги потребления. Сравнение качества различных спецификаций с помощью среднеквадратической ошибки прогноза демонстрирует, что включение индекса потребительской уверенности в модели увеличивает точность как вневы- борочных, так и внутривыборочных прогнозов. Проведённые статистические тесты подтверждают, что включение в модель опережающего индикатора улучшает ка- чество прогнозов.

Ключевые слова: прогнозирование, наукастинг, потребление, индекс потре- бительской уверенности.

Цитировать статью: Сугаипов, Д. Р. (2022). Прогнозирование потребления на основе ин- декса потребительской уверенности в России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 45–70. <https://doi.org/10.38050/01300105202223>.

¹ Сугаипов Дени Ризванович — м.н.с., Лаборатория математического моделирования экономических процессов, Институт прикладных экономических исследований, Россий- ская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: sugaipov-dr@ganepa.ru, ORCID: 0000-0001-9215-9729.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы госу- дарственного задания РАНХиГС.

D. R. Sugaipov
RANEPA (Moscow, Russia)
JEL: C53, E21

FORECASTING CONSUMPTION USING THE CONSUMER CONFIDENCE INDEX IN RUSSIA¹

The paper considers short-term forecasting of household final consumption expenditures using the consumer confidence index in Russia. The article presents a comparative analysis of consumption forecasting approaches using a leading indicator in various countries. The author makes consumption nowcasts based on quarterly data for the period from 2000 to 2021. Unlike most studies based on seasonally adjusted time series, the current study uses seasonally differentiated time series. To determine the predictive power of the index, the author builds several models which include in turn the consumer confidence index, index lags, and consumption lags. The quality comparison of different specifications with the root mean squared forecast error demonstrates that the inclusion of the consumer confidence index in the model increases the accuracy of both out-of-sample and in-sample forecasts. The conducted statistical tests confirm that the inclusion of a leading indicator in the model improves the quality of forecasts.

Keywords: forecasting, nowcasting, consumption, consumer confidence index.

To cite this document: Sugaipov, D. R. (2022). Forecasting consumption using the consumer confidence index in Russia. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 45–70. <https://doi.org/10.38050/01300105202223>.

Введение

Потребление домашних хозяйств является одной из центральных тем современных экономических исследований, а его изучение — одной из главных задач макроэкономики. Это объясняется тем, что оно составляет важнейшую долю национального продукта. По данным государственной статистики, только на конечное потребление домохозяйств в России в 2020 г. приходилось 52 трлн 424,6 млрд руб. в текущих ценах — это около половины ВВП страны.

При этом для выработки эффективных мер экономической политики недостаточно наблюдать лишь за динамикой основных макроэкономических показателей. Необходимо также строить точные прогнозы и выявлять тенденции развития экономики. Именно поэтому существует большое количество различных исследований, посвящённых прогнози-

¹ This research is supported by Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

рованию потребления. Основной пласт работ в этой области концентрируется на определении роли потребительской уверенности в экономических процессах. Тому есть несколько объяснений. Во-первых, расходы домашних хозяйств на конечное потребление и индекс потребительской уверенности (ИПУ) сильно коррелированы (Carroll et al., 1994). Взаимосвязь двух показателей прослеживается и на данных российской статистики, что представлено на рис. 1. Поэтому кажется, что показатель, отражающий совокупные потребительские ожидания населения, может содержать в себе какую-то ценную информацию о будущем уровне потребления, а, значит, может быть важен для его прогнозирования. Во-вторых, некоторые учёные считают, что изменения в потребительской уверенности могут приводить к экономическим колебаниям. Таким образом, потребительская уверенность может оказаться движущей силой, влияющей на экономику. В-третьих, данные по расходам домашних хозяйств на конечное потребление публикуются со значительной задержкой в отличие от данных по индексу потребительской уверенности. В таком случае индекс позволяет не только строить краткосрочные и среднесрочные прогнозы потребления, но и оценивать показатель на текущий момент времени, когда данные по потреблению за текущий квартал ещё не опубликованы, а индекс потребительской уверенности уже известен.

Такое оценивание мы вслед за (Banbura et al., 2010) называем наукастингом¹. Эти предположения звучат убедительно, если учесть и тот факт, что появление каких-нибудь важных новостей, как например, анонсов рецессий в экономике, может приводить к падению и уверенности потребителей, и расходов домохозяйств (Eggers et al., 2021).

Между тем, такие классические модели, как гипотеза жизненного цикла (Modigliani, Brumberg, 1954) и гипотеза постоянного дохода (Friedman, 2018), не могут объяснить, почему потребительская уверенность способна предсказывать изменения в потреблении. Как пишут в работах (Carroll et al., 1994; Ludvigson, 2004; Асуña et al., 2020), гипотеза постоянного дохода предсказывает рост потребления в случае неожиданного увеличения постоянной компоненты дохода. А так как индивиды рациональны и сглаживают своё потребление во времени, то ожидаемые в будущем изменения должны полностью учитываться в их текущих расходах. В таком случае потребительская уверенность не должна обладать никакой предсказательной способностью для будущего потребления, но мы наблюдаем иную картину на реальных данных.

¹ От англ. nowcasting.

*Рис. 1. Динамика показателей потребления
и индекса потребительской уверенности в России*
Источник: составлено автором.

Существующие эмпирические исследования, посвящённые прогнозированию потребления, в целом сходятся на том, что индекс потребительской уверенности является важным для построения прогнозов. Так, предсказательная способность этого показателя ставится под сомнение в работах (Fuhrer, 1993; Croushore, 2005), тогда как его важность подчеркнута во многих других статьях как на данных США (Carroll et al., 1994; Ludvigson, 2004), так и Индонезии (Juhro, Iyke, 2020), Чили (Acuña et al., 2020), Южной Кореи (Song, Shin, 2019) и стран Европы (Gausden, Hasan, 2020). В этих исследованиях используются различные методы для прогнозирования, строятся прогнозы внутри и вне выборки, рассматриваются разные индексы уверенности потребителей.

И несмотря на то, что этот индекс может являться важным как для построения прямых прогнозов, так и наукастов, исследований, посвящённых прогнозированию потребления с помощью индекса потребительской уверенности в России, ещё нет. Тем не менее, существует большое количество отечественных статей, посвящённых прогнозированию макропоказателей с помощью различных передовых методов. Для этих целей используются и векторные модели авторегрессии (Демешев, Малаховская, 2016; Пестова, Мамонов, 2016, Fokin, Polbin, 2019), и методы машинного обучения (Gareev, 2020).

В соответствии с этим целью нашей работы является прогнозирование потребления с помощью индекса потребительской уверенности на данных по российской статистике. Кроме того, вместо сезонно-скорректированных временных рядов показателей, которые использовались в большей

части предыдущих работ, мы будем использовать сезонно-дифференцированные.

Настоящая статья состоит из трёх разделов. Первый раздел посвящён анализу зарубежных исследований по прогнозированию расходов домашних хозяйств на конечное потребление. Во втором разделе мы приводим описание используемых данных и эконометрической модели для построения наукастов. В третьем разделе описаны результаты моделирования и тестов на сравнение качества прогнозов, а в заключении сформулированы выводы о важности индекса потребительской уверенности для прогнозирования потребления в России.

Обзор литературы по прогнозированию потребления с помощью индекса уверенности потребителей

Различные взгляды на роль потребительской уверенности в экономике описывает в своей работе (Fuhrer, 1993). Так, существуют мнения, что:

1. Потребительская уверенность может являться причиной экономических колебаний. Падение совокупного потребления происходит не вследствие снижения доходов или займов, а только по причине сокращения расходов из-за малой уверенности домохозяйств в будущем.
2. Потребительская уверенность способна предсказывать экономические колебания. Так, уверенность не является причиной деловых циклов, но благодаря ей можно прогнозировать другие макроэкономические переменные.
3. Потребительская уверенность отражает предсказательную способность индивидов. Учитывая, что этот индекс основан на ожиданиях индивидов о будущем, он также может указывать на их потребительское поведение. Таким образом, потребительская уверенность может являться важной для прогнозирования потребления.
4. Потребительская уверенность отражает текущие экономические условия, в которых находятся домохозяйства. Возможно, этот индекс содержит информацию об экономике, которую не отражают другие известные экономические показатели.
5. Потребительская уверенность демонстрирует лишь информацию об экономике, которая нам уже известна. Это означает, что потребительская уверенность не является важным показателем для экономистов.

Самым интересным для нас является вопрос о том, может ли этот показатель помочь в прогнозировании потребления. Это возможно по двум основным причинам, во-первых, индивиды могут больше потреблять в будущем, если лучше чувствуют себя в настоящем, а во-вторых, индивиды могут знать о том, что в будущем изменятся условия на рынке

труда или на продуктовом рынке ещё до того, как появится официальная статистика, что также повлияет на потребление экономических агентов. Именно поэтому потребительская уверенность может помочь в предсказании потребления.

Обычно для прогнозирования потребления во многих исследованиях используются эконометрические модели, где в левой части уравнения расположены темпы роста потребления, а в правой — лаги индекса потребительской уверенности и контрольных переменных, среди которых можно выделить финансовые показатели и само потребление в предыдущих периодах. Например, в работе (Fuhrer, 1993) такое уравнение представлено в следующем виде:

$$\Delta C_t^i = b_0 + \sum_{j=1}^4 b_j X_{t-j} + \sum_{k=1}^4 c_k S_{t-k} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где ΔC_t^i — это темпы роста различных категорий расходов домашних хозяйств, а именно совокупных реальных потребительских расходов; расходов на автотранспортные средства; расходов на все товары, кроме автотранспортных средств и расходов на услуги. X_{t-j} — это набор контрольных переменных, наблюдаемых в период $t-j$, которые могут прогнозировать потребление. В данном случае использовались лаги дохода и потребления. S_{t-k} — это Мичиганский индекс потребительской уверенности в период $t-k$.

Для того чтобы выяснить, обладает ли индекс уверенности потребителей какой-то предсказательной способностью, обычно оценивается несколько спецификаций модели. Так, (Fuhrer, 1993) сначала включает в правую часть уравнения только индекс, а затем добавляет в неё и другие показатели. Учёному на основе квартальных данных за длинный период времени удаётся выяснить, что предсказательная способность индекса очень сильно падает при добавлении контрольных переменных. Таким образом, в этой работе был сделан вывод о том, что потребительская уверенность не играет значительной роли.

Аналогичную методологию оценки применяли и в исследовании (Carroll, 1994). Здесь авторы задавались двумя вопросами — может ли индекс уверенности потребителей предсказывать потребление, и содержит ли этот индекс какую-то иную информацию о будущем потреблении, кроме той, которая уже доступна в других макроэкономических показателях. Чтобы определить предсказательную способность, учёные вычислили значение R^2 из регрессии роста различных переменных, характеризующих потребление домашних хозяйств, на лаги значений индекса потребительской уверенности.

Для оценки потребительской уверенности использовался всё тот же Мичиганский индекс, составленный на основе опросов потреби-

лей. Но в отличие от предыдущей работы проверка гипотез осуществлялась на основе двух выборок. Это было связано с тем, что в какой-то момент университет Мичигана стал выкладывать помесечные данные вместо квартальных. Для более длинного периода авторы просто сконструировали из месячных данных средние по кварталам. А для более короткого использовали месячные. Таким образом, исследователям были доступные данные по США за период с первого квартала 1955 г. по третий квартал 1992 г. для первого случая и данные с января 1978 г. для второго.

Аналогично ранее рассматриваемой нами работе, для оценки потребления использовались разные переменные, характеризующие расходы домохозяйств, и в итоге исследователи получили, что индекс потребительской уверенности обладает хорошей предсказательной способностью на периоде в первый квартал (он предсказывает 14% вариации показателя). При этом результаты оказались чувствительны к изменению рассматриваемого периода и переходу к месячным данным.

Затем предсказательная способность проверялась с помощью модели, в которую включили контрольные переменные. Вектор контрольных переменных содержал по четыре лага потребления и роста реального трудового дохода.

Авторы обнаружили, что уверенность сама по себе обладает значительной предсказательной силой, хоть она и падает при добавлении в модель других переменных, которые также могут предсказывать потребление. Тем не менее, значимость этого показателя сохраняется. Стоит отметить, что в этой работе строились только внутривыборочные прогнозы.

Как подмечено в исследовании (Dees, Brinca, 2013), одна из основных проблем с использованием индексов потребительской уверенности состоит в том, что эти показатели подвержены ошибке измерения. К такому исходу приводят как неточность вопросов, которые задают респондентам, так и проведение обследований для подсчёта индексов на маленьких выборках. Между тем, в большей части литературы используются именно статистические индексы, основанные на опросах домохозяйств. Так, в США основными индексами являются индекс потребительской уверенности Мичиганского университета (the University of Michigan's Consumer Sentiment Index) и индекс потребительской уверенности от Conference Board (the Conference Board's Consumer Confidence Index). Как указывают (Ludvigson, 2004; Croushore, 2005), эти индексы имеют несколько важных отличий. Они проявляются в размерах выборки, методологии опросов и конструкции индикаторов. Каждый из индексов составляется на основе пяти вопросов, которые касаются как текущей экономической ситуации, так и будущей. В соответствии с этим каждый индекс можно разбить на две отдельные компоненты и проверять прогнозную способность индексов отдельно для каждой из них.

Стоит выделить наиболее существенные отличия двух показателей. Так, Мичиганский индекс основывается на телефонных опросах 500 домохозяйств, а индекс Conference Board составляется с помощью почтовой рассылки. Их респондентов значительно больше — около 5000 домохозяйств принимают участие в исследованиях. При этом ответы приходят только от 70%. Так, для обоих индексов актуальна проблема ошибки измерения.

Несмотря на это, (Ludvigson, 2004) строит прогнозы потребления на данных с первого квартала 1968 г. по четвертый квартал 2002 г., т.е. на максимально возможном периоде времени, для которого доступны оба индекса. Прогноз осуществляется внутри выборки для пяти категорий расходов домашних хозяйств (совокупные расходы, расходы на автотранспортные средства, расходы на все товары за исключением автомобилей, расходы на услуги и расходы на товары длительного пользования (за исключением автотранспортных средств)).

В базовую модель автор включает не только зависимую переменную в виде лагов потребительской уверенности, но ещё и фиктивную переменную для периодов войн и рецессий, так как это периоды сильной волатильности экономических показателей.

Чтобы понять, может ли потребительская уверенность содержать информацию, которая не отражается в других экономических показателях, автор включает дополнительные контрольные переменные в правую часть уравнения. Среди них — лаги зависимой переменной, роста уровня трудовых доходов, (логарифм) первой разности реальных цен акций и первая разность ставки трёхмесячного казначейского векселя. Финансовые показатели включаются в модель по той же причине — информация, содержащаяся в уверенности, может быть аналогична той, которая наблюдается и в них.

Результаты в целом оказались смешанными. Для совокупных потребительских расходов предсказательная способность невелика для обоих индексов, включённых по отдельности. Включение обоих показателей увеличивает предсказательную способность для категории совокупные расходы на товары за исключением автомобилей. А для остальных категорий потребления результаты либо слабее, либо включение новых переменных снижает предсказательную способность модели.

Что же касается работы (Croushore, 2005), то использование двух вариантов индекса потребительской уверенности — это не единственный вклад этой статьи. Гораздо более важным выглядит использование данных в реальном времени. Предыдущие исследователи, оценивавшие уравнение, которое мы выписывали выше, использовали последние доступные им данные, которые легко получить из стандартных статистических баз. Это удобно, потому что потребительские расходы и личный доход со временем пересматриваются и корректируются так же, как и дефлятор, ис-

пользуемый для построения реальных значений переменных, а значит, именно эти последние опубликованные данные наилучшим образом характеризуют экономику.

В целом же исследователи всегда имеют выбор, на каких данных оценивать модели. Можно выбрать данные, выпущенные вскоре после проведения опроса, данные, доступные непосредственно перед пересмотром показателей, и актуальные данные. (Croushore, 2005) же считает, что индивиды формируют свои прогнозы на основе доступных им данных и не учитывают тот факт, что государство внесёт в расчёты методологические изменения, поэтому кажется логичным использовать и в исследовании те же самые данные в реальном времени.

Спецификация модели в этом случае почти такая же, как и в предыдущих работах. Но есть несколько отличий в процедуре оценки. Первое — небольшое, состоит в том, что исследователь сначала оценивает модель, где слева стоит разность логарифмов реальных расходов на потребление, а справа разности логарифмов реальных доходов, ставок процента по трёхмесячным казначейским облигациям и логарифмов реальных цен акций (измеренных с помощью индекса S&P 500). Реальные значения были получены из номинальных с помощью корректировки на индекс цен на личные потребительские расходы. И только потом включает в модель индексы потребительской уверенности, сравнивая, как меняется среднеквадратическая ошибка прогноза. Второе — важное отличие, учёный предполагает, что ошибка модели ϵ_t — это MA(1) процесс. Поэтому оценивает регрессию методом нелинейных наименьших квадратов (non-linear least squares — NLS). Также автор решает изучить предсказательную способность показателя как внутри выборки, так и вне её.

Результаты оценки оказываются неутешительными. Качество прогноза ухудшается при добавлении индексов потребительской уверенности. Оценивание с помощью обычного МНК снижает ошибку для базовой модели, но включение индексов всё так же ухудшает прогноз. При этом среднеквадратическая ошибка оказывается наименьшей при построении прогноза внутри выборки. Кроме того, использование разностей вместо уровней переменных не приводит к улучшению результатов.

Что касается исследований по другим странам, то здесь интересные результаты были получены в работе (Dees, Brinca, 2013). Исследователи решили ответить на вопрос, вносит ли потребительская уверенность вклад в прогнозирование потребления в США и Еврозоне. Для этого они использовали сезонно-скорректированные временные ряды за период с первого квартала 1985 г. по второй квартал 2010 г. В качестве индикаторов потребительской уверенности применялся Мичиганский индекс для США и индекс, построенный Генеральным директором

по экономике и финансам Европейской комиссии, для стран Европы. При этом строились как внутривыборочные, так и вневыборочные прогнозы. Кроме обычно включаемых в модель переменных, авторы также контролировали показатели жилищного благосостояния, реальные цены акций, краткосрочные процентные ставки, уровень безработицы и реальные цены на нефть.

Как и в большей части работ, авторы сначала оценивали регрессию потребления на индекс потребительской уверенности, а затем постепенно включали большее количество переменных для проверки предсказательной способности потребительской уверенности. Этот простой анализ показал, что индексы потребительской уверенности США не помогают прогнозировать потребительские расходы, когда в модель добавляются новые переменные, но европейские индексы оказываются важными для стран Евросоюза.

После этого учёные решили добавить в модели для каждой страны переменные, характеризующие экономику и индексы потребительской уверенности другой страны. Таким образом, авторам удалось обнаружить «канал уверенности». Выяснилось, что добавление переменных Еврозоны не улучшает прогнозную модель для США, но переменные США улучшают модель для Еврозоны.

Этот найденный канал отражает тот факт, что новости имеют свойство быстро распространяться по всему миру. То, что он работает только в одну сторону, не столь удивительно, если помнить о том, что публикации индикаторов уверенности США в экономической прессе и на финансовых рынках очень важны для экономики.

Новый взгляд на проблему привносит работа (Lahiri et al., 2015). Авторы этой статьи отмечают, что предыдущие исследования хоть и указывали на то, что потребительская уверенность может просто отражать информацию, доступную в остальных переменных, но не вносили достаточное число контрольных переменных для проверки своих гипотез. Поэтому учёные решают использовать динамическую факторную модель, чтобы проверить, насколько важен индекс потребительской уверенности в прогнозировании потребления.

Для подтверждения своих идей авторы сначала оценили базовую модель, спецификация которой почти не отличается от (1). При этом они рассматривали как совокупные индексы, так и их компоненты. Не получив интересных результатов, авторы сконструировали динамическую факторную модель, которая сможет учесть большее число показателей.

Учёные оценивают новую модель, используя данные в реальном времени и последние опубликованные данные. Определение предсказательной способности, как и раньше, происходит с помощью сравнения среднеквадратических ошибок для моделей без и с потребительской уверенностью.

В результате было получено, что меры потребительской уверенности повышают точность прогнозов и внутри, и вне выборки, а для таких категорий потребления, как расходы на услуги и совокупные расходы, это улучшение статистически значимо. В среднем включение индекса приводит к снижению среднеквадратической ошибки примерно на 8%. Для расходов на услуги и совокупного потребления — на 15 и 10% соответственно.

Как мы уже говорили, индексы потребительской уверенности, основанные на опросах, имеют некоторые явные недостатки. Но благодаря удобству использования большинство исследований опираются именно на них для прогнозирования потребления. Однако существуют работы, которые находят альтернативу стандартным переменным. Примером такой работы является (Song, Shin, 2019).

В этой статье предлагается иной подход — конструирование индекса потребительской уверенности на основе новостных источников (NCSI) в Южной Корее. Построение индекса включает в себя три основных этапа. На первом этапе авторы собирают новости и обрабатывают тексты, на втором применяют анализ тональности для каждой найденной статьи, а на третьем создают помесячные временные ряды.

Новостные источники отбираются по ключевым словам, которые могут охарактеризовать отношение потребителей к текущей экономической ситуации и их ожидания. После обработки текста авторам становится необходимо лишь определить семантическую ориентацию каждого слова. Здесь стоит обратить внимание на одно существенное отличие индекса, построенного авторами, от обычного индекса потребительской уверенности.

Нам известно, что агрегирование ответов на вопросы индивидуальных опросников по экономическим условиям на пять классов (очень положительный, положительный, нейтральный, отрицательный, очень отрицательный) даёт нам индекс потребительской уверенности (CSI^1), который можно вычислить по следующей формуле:

$$CSI = \frac{\sum \left[\begin{array}{l} \text{очень положительный} * 1 + \text{положительный} * 0,5 + \\ + \text{нейтральный} * 0 + \text{отрицательный} * (-0,5) + \\ + \text{очень отрицательный} * (-1) \end{array} \right]}{\sum \text{всего ответов}}$$

Тогда как для расчёта индекса, основанного на новостях (NCSI), учёные могут использовать только три варианта:

¹ Consumer sentiment index.

$$NCSI = \frac{\sum \left(\begin{array}{l} \text{позитивное слово} * 1 + \text{нейтральное слово} * 0 + \\ + \text{негативное слово} * (-1) \end{array} \right)}{\sum \text{всего слов}}.$$

Как указывают сами исследователи, это снижает и вариацию показателя, и его полезность в качестве экономического индекса. Хотя авторами также подчёркивается и высокая корреляция этих двух переменных.

В этой работе для прогноза потребления вне выборки использовался уже знакомый нам метод. В левой части уравнения были представлены различные категории потребления. А именно — индексы товаров длительного и краткосрочного пользования, а также индекс розничных продаж. Для правой части уравнения авторы использовали контрольные переменные занятости и безработицы. Это объясняется тем, что увеличение уровня занятости приводит к росту расходов потребителей, а вместе с тем растёт и потребительская уверенность. Если же растёт уровень безработицы, то происходит обратный процесс.

В результате учёные обнаруживают, что обычный индекс влияет на продажи незначимо, а построенный на новостях — значимо и положительно. Для категорий товаров краткосрочного и длительного пользования также была обнаружена лучшая предсказательная способность именно у новостного индекса.

В целом, исследований, посвящённых прогнозированию потребления на основе индекса уверенности потребителей, для развитых и развивающихся стран проведено очень много. Так, в работе (Gausden, Hasan, 2020) сравнивается эффективность показателей потребительской уверенности в прогнозировании расходов домашних хозяйств в пяти европейских странах вне выборки. Для каждой страны строится несколько регрессий, содержащих различные индексы уверенности. Авторы используют квартальные данные с поправкой на сезонные колебания по Франции, Германии, Италии, Нидерландам и Великобритании для проведения эконометрического анализа. Оценка проводится по уже знакомой нам модели (1). И в итоге учёным не удаётся доказать, что какой-то из индексов обладает сравнительными преимуществами по сравнению с остальными во всех рассматриваемых странах.

Иной подход к анализу роли потребительской уверенности предложен в исследовании (Асиña et al., 2020). Эта работа посвящена прогнозированию потребления с помощью индекса потребительской уверенности в Чили.

Так, авторы предполагают, что, во-первых, высокая потребительская уверенность положительно связана с будущими расходами. Во-вторых,

хорошее настроение потребителей, которое измеряется остатками регрессии показателей потребительской уверенности на макроэкономические переменные, также положительно связано с будущими расходами. И, в-третьих, показатели потребительской уверенности имеют более высокую предсказательную силу для положительных изменений потребительских расходов, чем для отрицательных.

Последняя гипотеза была сформулирована из-за финансовой неграмотности чилийских потребителей. Так, авторы считают, что среди чилийцев распространены поведенческие предубеждения. Поэтому расходы потребителей будут асимметрично меняться в ответ на одинаковые изменения в потребительском оптимизме и пессимизме. Кажется, что потребители будут чересчур остро реагировать на пессимистичные экономические прогнозы и будут чаще переоценивать негативные новости, что и приведёт к снижению предсказательной способности индекса потребительской уверенности для прогнозирования отрицательных изменений потребления.

В работе используются данные по показателям потребительской уверенности, основанные на двух разных опросах. Также исследователи вводят в модель большое число контрольных переменных. Они контролируют на доход потребителей, реальное и финансовое благосостояние домашних хозяйств, уровень безработицы, стоимость кредита. Для всех переменных вычисляются логарифмы и первые разности. Кроме того, все переменные рассматриваются в реальном выражении.

Хотя авторы и проводят МНК-оценку, тем не менее, они указывают на серьёзную проблему, связанную с ней. Как пишут учёные, лаги потребления в правой части уравнения являются эндогенными по отношению к ошибке. Чтобы избавиться от проблемы эндогенности, исследователи применяют GMM-оценивание с лагами прогнозных переменных в качестве инструментов.

По полученным результатам авторам удаётся подтвердить свою первую гипотезу о том, что высокая потребительская уверенность положительно связана с будущими расходами. Результаты оказываются значимыми как при оценке внутри, так и вне выборки.

Затем, чтобы проверить свою вторую гипотезу, авторам приходится разбить индексы на две компоненты. Одна из них отражает информацию, которая содержится в других фундаментальных показателях, а вторая отражает потребительские настроения. После этого применяется следующая методология. Сначала оценивается уравнение регрессии потребительской уверенности на набор макроэкономических переменных с их лагами.

Остатки из этого уравнения и являются мерой потребительских настроений. Затем, так же, как и раньше, оценивается предсказательная способность этой переменной для прогноза потребления. Оценка GMM даёт ста-

статистически значимые результаты и таким образом, учёным удаётся сделать вывод о том, что потребительская уверенность обладает предсказательной силой не только благодаря тому, что в ней содержится информация о других фундаментальных переменных, но и благодаря какой-то иной информации.

Для проверки своего третьего предположения авторы конструируют две новые модели. Одна регрессия для положительных изменений в потреблении, а другая — для отрицательных. Коэффициенты в модели с положительным изменением потребления оказываются выше, чем в альтернативной спецификации, а тест Вальда показывает, что эта разница значима на однопроцентном уровне. Подтверждается, что потребительская уверенность лучше предсказывает положительные изменения уровня потребления.

Конечно, можно использовать и другие опережающие показатели для прогнозирования потребления. Например, в работе (Juhro, Iyke, 2020) по Индонезии для этих целей используется не только индекс потребительской уверенности, но ещё и индекс деловой уверенности.

Чтобы измерить предсказательную способность показателя уверенности внутри выборки, авторы вычисляют скорректированный R^2 , а затем сравнивают его с таким же показателем из модели, в которую добавляют больше контрольных переменных. В данном случае — это лаги потребления, лаги роста трудового дохода, первая разность цен акций и краткосрочной ставки процента.

Ещё одной отличительной чертой этого исследования является то, что здесь в качестве показателя потребления используется не только реальное, но ещё и номинальное потребление. Для обоих показателей авторы находят высокую прогнозную силу индексов уверенности. В соответствии с этим данная работа пополняет ряд исследований, в которых подчёркивается необходимость учёта потребительской уверенности для предсказания расходов домашних хозяйств.

В табл. 1 приведено сравнение подходов к прогнозированию потребления с помощью индекса потребительской уверенности для разных стран. Можно заметить, что небольшая предсказательная сила индекса уверенности потребителей обнаруживается только в исследованиях по США, тогда как в других странах либо выявляется значительный вклад ИПУ в улучшение качества прогнозов потребления, либо получают смешанные результаты в зависимости от рассматриваемых групп расходов или же выбранного индекса. Эти результаты оказываются устойчивыми к выбору вариантов прогнозирования (внутри или вне выборки) и доступным периодам наблюдений.

Сравнение подходов к прогнозированию потребления

Источники	Страны	Используемые модели	Прогнозы	Период	Результаты
Fuhrer, 1993	США	VAR	Внутривыборочный и вневыборочный	1954–1990	Небольшая предсказательная сила ИПУ
Carroll, 1994	США	В работе не описана конкретная спецификация модели	Внутривыборочный	1955–1992	Значительная предсказательная сила ИПУ
Ludvigson, 2004	США	В работе не описана конкретная спецификация модели	Внутривыборочный	1968–2002	Смешанные для разных категорий расходов домохозяйств
Croushore, 2005	США	NLS, OLS	Внутривыборочный и вневыборочный	1982–2002	Небольшая предсказательная сила ИПУ
Dees, Brinca, 2013	США, страны Европы	Nonlinear model, VAR	Внутривыборочный и вневыборочный	1985–2010	Небольшая предсказательная сила ИПУ для США, значительная для стран Европы
Lahiri et al., 2015	США	Dynamic factor model	Внутривыборочный и вневыборочный	1982–2014	Смешанные для разных категорий расходов
Song, Shin, 2019	Южная Корея	ARMA	Вневыборочный	2014–2017	Смешанные для разных индексов
Gausden, Hasan, 2020	Страны Европы	OLS	Вневыборочный	1985–2016	Смешанные для разных стран
Acuña et al., 2020	Чили	OLS, GMM	Внутривыборочный и вневыборочный	2001–2015	Большая предсказательная сила ИПУ
Juhro, Iyke, 2020	Индонезия	В работе не описана конкретная спецификация модели	Внутривыборочный	2000–2019	Большая предсказательная сила ИПУ

Источник: составлено автором.

Таким образом, существует большое количество разнообразных исследований, подтверждающих значимое влияние потребительской уверенности на потребление. Они используют похожие методы прогнозирования, рассматривают разные индексы уверенности и используют различные контрольные переменные, но по большей части исследователи получают схожие результаты. При этом зачастую выходит, что использование таких простых методов оценивания, как МНК, может давать прогнозы лучшего качества.

Данные и используемая модель

Для построения прогнозов потребления мы используем квартальные данные по расходам домашних хозяйств на конечное потребление и индексу потребительской уверенности, публикуемые Росстатом. Индекс потребительской уверенности является опережающим индикатором по сравнению с потреблением. Так, первые ежеквартальные оценки потребления публикуются спустя 64 дня после отчётного периода, тогда как значения индекса за соответствующий квартал уже известны к этому моменту.

Российский индекс потребительской уверенности составляется на основе опросов потребительских ожиданий населения. Они проводятся ежеквартально начиная с 1998 г. и охватывают 5 тысяч человек в возрасте от 16 лет. Для построения композитного индекса потребительской уверенности используются пять частных: индексы произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения, экономической ситуации в России, благоприятности условий для крупных покупок. В рамках проводимого обследования респонденты могут давать пять различных вариантов ответа на вопросы об общей экономической ситуации в стране и личном материальном положении. Среди них — определённо положительные, скорее положительные, нейтральные, скорее отрицательные, определённо отрицательные¹. В соответствии с этим, для рассматриваемого нами индекса также является актуальной проблема ошибки измерения.

Мы будем использовать в нашем исследовании данные именно по композитному индексу, публикуемому Росстатом. Таким образом, мы собрали данные за период с четвертого квартала 1998 г. по второй квартал 2021 г. Для построения внутривыборочных прогнозов мы будем использовать данные до первого квартала 2015 г. Прогнозы вне выборки будут строиться на данных с первого квартала 2015 г. по второй квартал 2021 г. включительно. В дополнение к этому мы изменим правую границу для вневыбо-

¹ Методология обследования потребительских ожиданий населения: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

рочного прогноза и исключим кварталы 2020 и 2021 гг. из анализа, чтобы проверить, насколько сильно кризисный период, возникший в результате эпидемии коронавируса, может снижать точность прогнозов. Таким образом, у нас будут две выборки для вневыборочных прогнозов — расширенная и урезанная.

Важно подчеркнуть, что мы используем в своей работе не сезонно-скорректированные данные, а сезонно-дифференцированные. Для этого мы рассчитываем разность индексов потребительской уверенности и разность логарифмов потребления по отношению к соответствующему кварталу предыдущего года. В результате таких преобразований максимально доступный для проведения расчётов набор данных уменьшается, и первой доступной датой становится четвертый квартал 1999 г. Кроме того, включение лагов потребления и индекса потребительской уверенности в модель также уменьшает число доступных нам для расчётов данных. Мы включаем до 1–2 лагов потребления и индекса в модель, и в соответствии с этим левая граница финальной выборки сдвигается до второго квартала 2000 г. Описательная статистика по финальному набору данных представлена в табл. 2. Для наглядности все наблюдения во временном ряде ИПУ были поделены на 100.

На рис. 2 представлены автокорреляционные функции для потребления и индекса уверенности потребителей. Пунктирными линиями обозначены 95%-е доверительные интервалы. Графики демонстрируют существенную автокорреляцию в обоих временных рядах.

Таблица 2

Описательная статистика

Переменная	Число наблюдений	Минимум	Медиана	Среднее	Максимум
Потребление	84	–0,244	0,061	0,047	0,141
ИПУ	84	–0,354	0,013	0,007	0,310

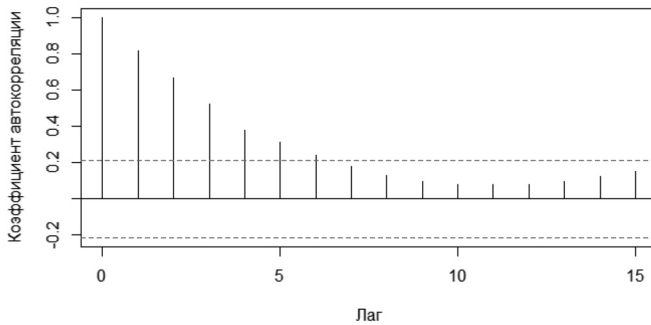
Источник: рассчитано автором.

Чтобы проверить качество прогнозов, мы используем метрику среднеквадратической ошибки прогноза (Root Mean Squared Forecast Error). Она рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{RMSFE} = \sqrt{\frac{\sum_{t=1}^T (\hat{y}_t - y_t)^2}{T}},$$

где $\hat{y}_t$ — прогнозные значения показателя в момент времени t , y_t — фактические значения, T — количество периодов времени, на которые строится прогноз. Чем ниже значение этого показателя, тем выше точность наукастов.

Автокорреляция потребления

Автокорреляция ИПУ

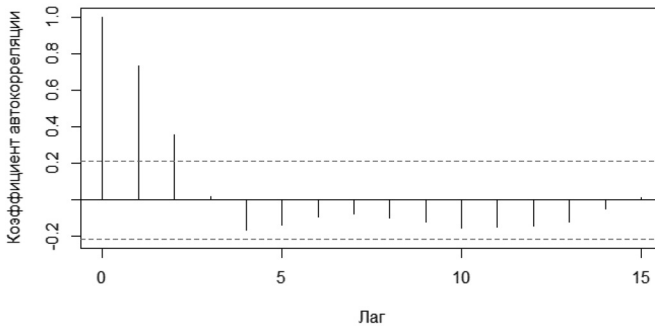

Рис. 2. Автокорреляционные функции основных показателей

Источник: составлено автором

Для прогнозирования потребления мы решили оценить следующую модель с помощью МНК:

$$C_t = \alpha_0 + \sum_{i=0}^N \beta_i S_{t-i} + \sum_{j=1}^K \gamma_j X_{t-j} + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где C_t — разности логарифмов потребления, S_{t-i} — разности индексов потребительской уверенности в период $t-i$, N — число лагов индекса, X_{t-j} — набор контрольных переменных в период $t-j$, K — число лагов контрольных переменных. В качестве контроля мы включаем в модель потребление с лагами. Конечно, в модель можно включить и гораздо большее число других контрольных переменных, но даже благодаря добавлению в модель только лагов потребления мы сможем сделать выводы о наличии предсказательной силы у индекса потребительской уверенности.

Для того чтобы выявить, может ли индекс потребительской уверенности являться важным фактором для прогнозирования потребления,

мы решили оценить несколько различных спецификаций модели. В первую очередь, мы построим наивный прогноз, при котором прогнозным значением показателя будет являться значение этого же показателя в предыдущем периоде. Именно этот наивный прогноз будет эталоном для сравнения качества остальных прогнозов. Затем мы построим модели, в которых в правую часть уравнения будет включаться только индекс потребительской уверенности или только лаг потребления. А после мы будем добавлять как лаги индекса, так и лаги потребления.

При этом мы будем строить рекурсивные вневыборочные прогнозы. То есть сначала мы будем оценивать коэффициенты модели, после строить прогноз на один квартал вперёд, а затем заново оценивать модель, включая ещё один квартал, и снова строить прогноз на шаг вперёд. Повторяя эту операцию, мы получим вектор наукастов потребления.

Результаты прогнозирования

В табл. 3 приведены значения RMSFE для наивного прогноза и четырёх различных вариантов внутривыборочного прогнозирования. В столбцах указано, какие переменные включаются в правую часть уравнения (2) для построения наукастов потребления. Как мы видим, прогноз, полученный только с помощью индекса потребительской уверенности, оказывается менее точным даже по сравнению с наивным прогнозом. При этом добавление лагов как потребления, так и индекса приводит к улучшению качества прогнозов. Если учесть, что прогнозирование только с помощью лага потребления лишь немного превосходит по качеству наивный прогноз, то добавление индекса потребительской уверенности в такую модель снижает среднеквадратическую ошибку на 31% по сравнению с наивным прогнозом.

Наиболее точной оказывается модель, в которую включается большее число контрольных переменных. Регрессия на индекс потребительской уверенности, лаги индекса и лаги потребления почти на 38% превосходит по качеству наивный прогноз.

Таблица 3

Качество внутривыборочных прогнозов потребления

Выборка: второй квартал 2000 г. — четвертый квартал 2014 г.					
	Наивный прогноз	Регрессоры			
		ИПУ	Лag потребления	ИПУ, лag потребления	ИПУ, лag ИПУ, два лага потребления
RMSFE	0,022	0,0427	0,0214	0,0151	0,0137

Источник: рассчитано автором.

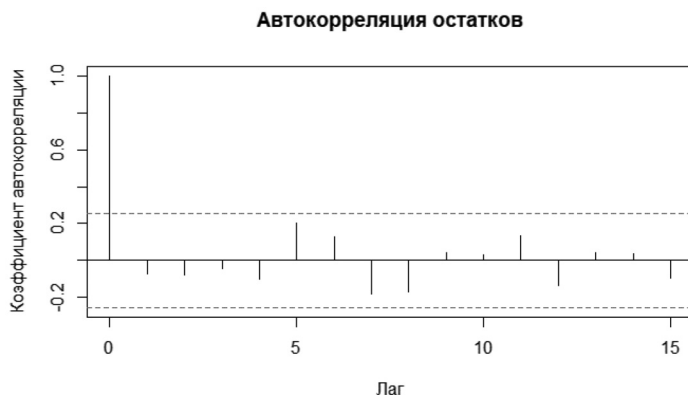

Рис. 3. Автокорреляционная функция остатков
Источник: составлено автором.

Для проверки адекватности последней из представленных моделей было решено провести тесты на автокорреляцию остатков. Проведённый нами тест Бреуша-Годфри показал, что p -значение превышает 10%-й уровень значимости. Это означает, что гипотеза об отсутствии автокорреляции не отвергается. В пользу этого говорит и автокорреляционная функция остатков модели, представленная на рис. 3. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы автокорреляции в последней модели нет.

В табл. 4 представлены среднеквадратические ошибки прогноза, полученные при вневыборочном прогнозировании потребления на двух различных периодах времени. Эти результаты свидетельствуют о том, что наукастинг потребления лишь при помощи индекса потребительской уверенности уступает даже наивному прогнозированию и приводит к увеличению среднеквадратической ошибки прогноза на обеих выборках. Наукасты потребления, построенные только с помощью лага показателя, также оказываются не слишком точными. Для полной выборки точность прогноза оказывается на 10% выше, чем у наивного, а для урезанной выборки на 2,5% ниже. В целом же точность наукастов на урезанной выборке выше, чем на полной.

Но для того чтобы понять, является ли индекс потребительской уверенности важным для прогнозирования потребления, необходимо сравнить результаты оценки модели с индексом потребительской уверенности и лагом потребления с результатами оценки модели без индекса. Так, если в модель кроме лага потребления добавляется ещё и индекс потребительской уверенности, то точность прогнозов только возрастает. При такой спецификации среднеквадратическая ошибка уменьшается на 10 и 23% по сравнению с наивным прогнозом для полной и урезанной выборок

соответственно. При этом добавление большего числа контрольных переменных не приводит к сильному увеличению или уменьшению точности прогнозов.

Таблица 4

Качество вневыборочных прогнозов потребления

Выборка: первый квартал 2015 г. — второй квартал 2021 г.					
	Наивный прогноз	Регрессоры			
		ИПУ	Лag потребления	ИПУ, лag потребления	ИПУ, лag ИПУ, два лага потребления
RMSFE	0,0676	0,0912	0,0667	0,0606	0,0648
Выборка: первый квартал 2015 г. — четвертый квартал 2019 г.					
	Наивный прогноз	Регрессоры			
		ИПУ	Лag потребления	ИПУ, лag потребления	ИПУ, лag ИПУ, два лага потребления
RMSFE	0,0309	0,0774	0,0317	0,0239	0,0234

Источник: рассчитано автором.

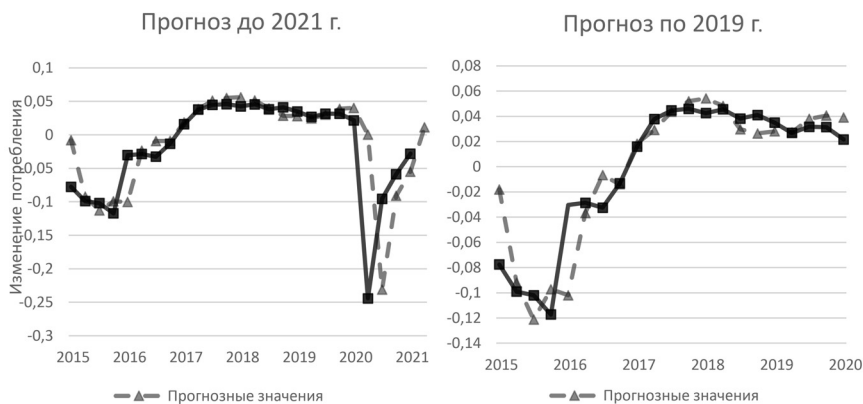

Рис. 4. Вневыборочные прогнозы потребления

Источник: составлено автором.

На рис. 4 представлены вневыборочные прогнозы потребления с первого квартала 2015 г. по второй квартал 2021 г. и по четвертый квартал 2019 г. для вариантов с наименьшими RMSFE, т.е. когда потребление прогнозируется за счёт индекса потребительской уверенности и лага самого потребления в первом случае и для большего числа контрольных переменных во втором. Как мы видим, модели лучше справились с прогнозированием потребления во время кризиса 2015 г., а не 2020 г. В абсо-

лютом значении отклонения прогнозных значений от фактических в начале рассматриваемого периода были намного меньше.

Из примечательного стоит отметить ещё два момента. Во-первых, наша модель предсказывает, что темпы роста потребления во втором квартале 2021 г. станут положительными. Во-вторых, даже наличие опережающего индикатора не позволяет точно предсказывать неожиданные сильные изменения расходов домохозяйств. Так, благодаря модели можно было бы предугадать существенное падение потребления в начале 2020 г. (модель предсказывает -2% -й темп роста потребления в первом квартале), но фактическое падение всё равно оказалось намного больше (-24%). Такая динамика обусловлена особенностью последнего кризиса, который в рамках карантинных мер наиболее сильно ударил по потреблению домохозяйств, что не удаётся уловить с помощью простой линейной модели. При этом отрицательный шок потребления в 2020 г. был кратковременным, что является естественным в условиях ввода ограничительных мер на короткий (относительно периода модели) промежуток времени. В предыстории шоки создавали инерционное воздействие на потребление, что и рационализировало включение лага потребления в модель. При прогнозировании же в 2020 г. наличие лага потребления только исказило прогноз. И от него разумно было бы отказаться. Однако в будущем, когда эпидемиологическая ситуация нормализуется, целесообразно пользоваться исходной моделью с лагом потребления, чтобы улавливать существующую инерцию в динамике показателя.

На самом деле многие авторы отмечают, что модели плохо справляются с построением прогнозов макроэкономических показателей во время пандемии (Schorfheide, Song, 2020; Lenza, Primiceri, 2020). В таком случае обычно предлагается отбрасывать наблюдения за период кризиса при оценивании.

Также для более точного сравнения качества прогнозов было решено провести тест Диболда — Мариано (Diebold, Mariano, 1995). По аналогии с (Gareev, 2020; Ulyankin, 2020) мы используем этот тест с корректировкой (Harvey et al., 1997) для малых выборок. Так как мы хотим узнать, является ли индекс потребительской уверенности важным для прогнозирования потребления, то мы будем проводить тест для каждой пары моделей, кроме наивного прогноза. Нулевая гипотеза этого теста гласит, что качество двух различных прогнозов совпадает. В качестве альтернативной гипотезы можно рассматривать либо тот вариант, что качество прогнозов различно, не указывая на то, какая модель лучше, либо то, что одна из моделей более или менее точная, чем другая. Мы будем опираться на второй вариант.

Результаты проведённых нами статистических тестов для каждого из вневыборочных прогнозов представлены в виде матриц на рис. 5.

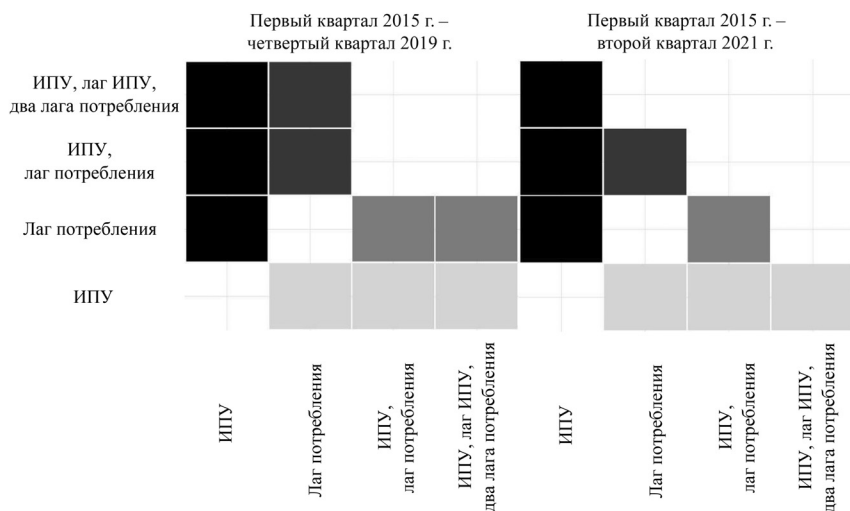

Рис. 5. Результаты тестов Диболда—Мариано на сравнение качества прогнозных моделей
 Источник: составлено автором.

На каждой панели мы можем увидеть четыре разных оттенка — два тёмных цвета и два светлых. Тёмные цвета означают, что модель, соответствующая строке, оказалась более точной, чем модель, соответствующая столбцу. Полностью чёрный цвет означает, что модель, расположенная по вертикали, оказалась лучше, чем модель, расположенная по горизонтали, на 5%-м уровне значимости. Чуть более светлый означает, что качество прогноза модели по вертикали выше, чем у модели по горизонтали на 10%-м уровне значимости. Два светлых оттенка указывают на то, что модель, соответствующая столбцу, оказалась менее точной, чем модель, соответствующая строке. Аналогично самые светлые прямоугольники обозначают, что мы отвергаем гипотезу о равенстве двух прогнозов на 5%-м уровне значимости. А чуть более тёмные обозначают, что мы отвергаем нулевую гипотезу на 10%-м уровне. Мы можем заметить, что модель с индексом потребительской уверенности и лагом потребления обладает более высоким качеством прогноза, чем модель только с индексом или только с лагом для обеих выборок. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что добавление индекса уверенности потребителей улучшает прогнозы потребления, а значит, этот показатель важен для прогнозирования потребления как внутри, так и вне выборки.

Несмотря на то, что МНК-модели дают хорошие результаты, современные исследования всё чаще полагаются на методы машинного обучения при построении прогнозов. В основном их использование необходимо

для решения проблемы проклятия размерности. Она возникает из-за того, что динамику макроэкономических показателей может объяснять большое число переменных, включаемых в правую часть уравнения.

Вполне возможно, что использование более продвинутых методов анализа может существенно улучшить качество прогнозов потребления. Одними из самых популярных методов являются методы регуляризации, такие как Ridge, LASSO и Elastic Net. В их основе лежит идея о том, что качество прогнозов можно улучшить за счёт наложения штрафов за включение слишком большого числа параметров. Подробное описание этих методов представлено, например, в работе (Gareev, 2020).

При построении таких моделей необходимо сначала выбрать значения дополнительных параметров, отвечающих за важность штрафа и за вид штрафной функции (для случая эластичной сети). В настоящей работе эти параметры выбирались с помощью кросс-валидации на k блоках, где значение k было решено взять равным 10.

В табл. 5 представлены результаты прогнозирования потребления с помощью различных методов для модели с наибольшим числом объясняющих переменных (индекс потребительской уверенности с лагом и два лага потребления). Можно заметить, что внутривыборочный прогноз, построенный с помощью МНК, обладает наилучшим качеством по сравнению с моделями машинного обучения. Остальные методы оказываются немного хуже.

Таблица 5

Качество прогнозов потребления различными методами

Внутривыборочный прогноз: второй квартал 2000 г. — четвертый квартал 2014 г.				
	МНК	Ridge	LASSO	Elastic Net
RMSFE	0,0137	0,0139	0,0144	0,0144
Вневыборочный прогноз: первый квартал 2015 г. — второй квартал 2021 г.				
	МНК	Ridge	LASSO	Elastic Net
RMSFE	0,0648	0,061	0,0622	0,0604

Источник: рассчитано автором.

Что касается вневыборочных прогнозов, то здесь ситуация иная — прогноз, построенный с помощью МНК, оказывается наихудшим по качеству. А наименьшее значение RMSFE получается в модели, построенной с помощью метода Elastic Net. В целом, все методы машинного обучения показывают улучшение качества вневыборочного прогноза примерно на 4–5% по сравнению с обычным МНК. Можно сделать вывод о том, что применение более продвинутых методов машинного обучения позволяет добиться ещё большего улучшения качества прогнозов.

Заключение

В настоящей работе были построены прогнозы потребления домашних хозяйств в России на данных со второго квартала 2000 г. по второй квартал 2021 г. с помощью индекса потребительской уверенности. Нам удалось выявить, что индекс уверенности потребителей является важным фактором, способным предсказывать потребление в будущем. Учёт ожиданий потребителей увеличивает точность как вневыборочных, так и внутривыборочных прогнозов, что подтверждается и тестом Диболда — Мариано. Добавление в модель лагов потребления снижает прогнозную способность индекса, но тем не менее мы можем сделать вывод о том, что опережающие показатели содержат в себе ценную информацию о будущем. Важно и то, что учёт индекса уверенности потребителей приводит к улучшению прогнозов и в том случае, когда экономика находится в кризисном состоянии. Таким образом, государственным органам важно учитывать такие опережающие показатели как индекс, рассмотренный в настоящей работе, для построения прогнозов и принятия решений о проведении экономической политики.

Список литературы

- Демешев, Б. Б., & Малаховская, О. А. (2016). Макроэкономическое прогнозирование с помощью BVAR Литтермана. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 20(4).
- Пестова, А., & Мамонов, М. (2016). Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики. *Экономическая политика*, 11(4), 56–92.
- Acuña, G., Echeverría, C., & Pinto-Gutiérrez, C. (2020). Consumer confidence and consumption: Empirical evidence from Chile. *International Review of Applied Economics*, 34(1), 75–93. <https://doi.org/10.1080/02692171.2019.1645816>
- Bañbura, M., Giannone, D., & Reichlin, L. (2010). *Nowcasting* (No. 1275). ECB Working Paper.
- Carroll, C. D., Fuhrer, J. C., & Wilcox, D. W. (1994). Does consumer sentiment forecast household spending? If so, why?. *The American Economic Review*, 84(5), 1397–1408.
- Croushore, D. (2005). Do consumer-confidence indexes help forecast consumer spending in real time?. *The North American Journal of Economics and Finance*, 16(3), 435–450. <https://doi.org/10.1016/j.najef.2005.05.002>
- Dees, S., & Brinca, P. S. (2013). Consumer confidence as a predictor of consumption spending: Evidence for the United States and the Euro area. *International Economics*, 134, 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2013.05.001>
- Diebold, F. X., & Mariano, R. S. (1995). Comparing predictive accuracy. *Journal of Business and Economic Statistics*, 13(3), 253–263.
- Eggers, A. C., Ellison, M., & Lee, S. S. (2021). The economic impact of recession announcements. *Journal of Monetary Economics*. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2021.03.002>

Fokin, N., & Polbin, A. (2019). Forecasting Russia's Key Macroeconomic Indicators with the VAR-LASSO Model. *Russian Journal of Money and Finance*, 78(2), 67–93. <https://doi.org/10.31477/rjmf.201902.67>

Friedman, M. (2018). *Theory of the consumption function*. Princeton university press.

Fuhrer, J. C. (1993). What role does consumer sentiment play in the US macroeconomy? *New England Economic Review*, (Jan), 32–44.

Gareev, M. (2020). Use of Machine Learning Methods to Forecast Investment in Russia. *Russian Journal of Money and Finance*, 79(1), 35–56. <https://doi.org/10.31477/rjmf.202001.35>

Gausden, R., & Hasan, M. S. (2020). Comparative performances of measures of consumer and economic sentiment in forecasting consumption: a multi-country analysis. *Applied Economics*, 52(10), 1088–1104. <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1659489>

Harvey, D., Leybourne, S., & Newbold, P. (1997). Testing the equality of prediction mean squared errors. *International Journal of forecasting*, 13(2), 281–291. [https://doi.org/10.1016/S0169-2070\(96\)00719-4](https://doi.org/10.1016/S0169-2070(96)00719-4)

Juhro, S. M., & Iyke, B. N. (2020). Consumer confidence and consumption expenditure in Indonesia. *Economic Modelling*, 89, 367–377. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.11.001>

Lahiri, K., Monokroussos, G., & Zhao, Y. (2016). Forecasting consumption: The role of consumer confidence in real time with many predictors. *Journal of Applied Econometrics*, 31(7), 1254–1275. <https://doi.org/10.1002/jae.2494>

Lenza, M., & Primiceri, G. E. (2020). How to Estimate a VAR after March 2020 (No. w27771). *National Bureau of Economic Research*. <https://doi.org/10.3386/w27771>

Ludvigson, S. C. (2004). Consumer confidence and consumer spending. *Journal of Economic perspectives*, 18(2), 29–50. <https://doi.org/10.1257/0895330041371222>

Modigliani, F., & Brumberg, R. (1954). Utility analysis and the consumption function: An interpretation of cross-section data. *Franco Modigliani*, 1(1), 388–436.

Schorfheide, F., & Song, D. (2020). Real-Time Forecasting with a (Standard) Mixed-Frequency VAR During a Pandemic. *Federal Reserve Bank of Philadelphia*, 20–26. <https://doi.org/10.21799/frbp.wp.2020.26>

Song, M., & Shin, K. S. (2019). Forecasting economic indicators using a consumer sentiment index: Survey-based versus text-based data. *Journal of Forecasting*, 38(6), 504–518. <https://doi.org/10.1002/for.2584>

Ulyankin, F. (2020). Forecasting Russian Macroeconomic Indicators Based on Information from News and Search Queries. *Russian Journal of Money and Finance*, 79(4), 75–97. <https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.75>

References

Demeshev, B., & Malakhovskaya, O. (2016). Macroeconomic Forecasting with a Littermann's BVAR Model. *HSE Economic Journal*, 20(4).

Pestova, A., & Mamonov, M. (2016). Estimating the Influence of Different Shocks on Macroeconomic Indicators and Developing Conditional Forecasts on the Basis of BVAR Model for the Russian Economy. *Ekonomicheskaya Politika*, 11(4), 56–92.

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

А. В. Галанова¹

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Д. И. Епифанова²

НИУ «Высшая школа экономики» / PricewaterhouseCoopers Россия
(Москва, Россия)

УДК 336.763.26

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ЦЕНЫ АКЦИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ

Современные социальные сети становятся существенным фактором ценообразования на рынке ценных бумаг в силу того, что генерируемая ими информация расширяет совокупный новостной фон, определяющий цены акций в соответствии с господствующей в настоящее время теорией эффективного рынка. Новости, генерируемые в электронных средствах массовой информации, затрагивают абсолютно все сферы формирования спроса и предложения не только на производимые товары, но через них и на цены акций компаний их производителей. Обычно взаимосвязь между производством товара и ценой акции его производителя прослеживается через экономические показатели прибыли, размеров дивидендов и т.п. Социальная информация не имеет прямого экономического содержания, тем не менее, согласно теории эффективного рынка, и такого рода информация должна влиять на цену акции. В статье доказываются влияние публикации фотографий блогера-лидера мнений в одежде определенного бренда на котировки акций компании, владеющей данным брендом. С помощью метода событийного анализа выявлено кратковременное повышение рыночной цены акций компаний после публикации фотографий блогером-лидером мнений в Instagram, особенно если речь идет о бренде из категории люкс. Одновременно установлено, что профессия и пол самого блогера-лидера мнений не оказывают влияния на величину аномальной доходности акции, вызванной публикацией его фотографии. Это подчеркивает относительно высокую обособленность самого титула «лидер мнений» по сравнению с личными характеристиками блогера и превращает данный титул в специфический самостоятельный фактор ценообразования цены акции.

Ключевые слова: социальная сеть, Instagram, блогер, лидер мнений, метод событийного анализа, фондовый рынок, цена акции, аномальная доходность.

¹ Галанова Александра Владимировна — к.э.н., доцент базовой кафедры инфраструктуры финансовых рынков, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: agalanova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-8560-269X.

² Епифанова Диана Игоревна — стажер-исследователь, НИУ «Высшая школа экономики»; старший консультант, PricewaterhouseCoopers Россия; e-mail: diana.epifanova@pwc.com, ORCID: 0000-0002-9685-8911.

Цитировать статью: Галанова, А. В., & Епифанова, Д. И. (2022). Влияние социальных сетей на цены акций производителей одежды. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 71–93. <https://doi.org/10.38050/01300105202224>.

A. V. Galanova

HSE University (Moscow, Russia)

D. I. Epifanova

HSE University / PricewaterhouseCoopers Russia (Moscow, Russia)

JEL: G14, G41

INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE CLOTHING COMPANIES' STOCK PRICES

Modern social networks are becoming a significant factor in stock market pricing because the information they generate expands the aggregate news background that determines stock prices according to currently prevailing efficient market theory. The news generated in the electronic media affect all the spheres forming supply and demand not only for manufactured goods but also through them for the prices of their manufacturers' stocks. Normally, the relationship between the production of goods and the share price of its manufacturer is traced through economic indicators of profit, size of dividends, etc. Social information does not have a direct economic content. However, according to efficient market theory this kind of information should influence the share price. The article proves the influence of a trend-setter photo wearing certain brand clothes on the stock quotes of the company that owns this brand. The event analysis method reveals a short-term increase in company's share market price after the publication of a trend-setting blogger photos on Instagram, especially when it comes to a luxury brand. At the same time, the trend-setter profession and gender do not affect the abnormal rate of stock return resulted from the publication of his photograph. It proves a relative isolation of the "trend setter" itself in comparison with the personal characteristics of a blogger and turns this title into a specific independent factor in stock pricing.

Keywords: social network, Instagram, blogger, trend setter, event study method, stock market, stock price, abnormal return.

To cite this document: Galanova, A. V., & Epifanova, D. I. (2022). Influence of social networks on the clothing companies' stock prices. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 71–93. <https://doi.org/10.38050/01300105202224>.

Введение

Социальные сети привлекают внимание инвесторов при принятии инвестиционных решений (Sun et al., 2018; Teti et al., 2019). В данном исследовании речь идет о влиянии информации в социальных сетях на цены акций компаний, относящихся к отрасли производителей одежды известных брендов.

Особенностью отражения данной сферы в социальных сетях является существование большого числа так называемых «лидеров мнений» — инфлюенсеров. Ими признаются блогеры (люди), имеющие более 1 млн подписчиков в Instagram.

Ведущие компании-производители одежды активно используют социальные сети в качестве особого инструмента своей рекламы, увеличения и поддержки спроса на производимую ими продукцию. Для данного рода инструмента характерна, с одной стороны, необходимость «беспрерывного» и систематического информирования потенциальных покупателей о появлении новых моделей одежды в зависимости от сезона, предпочтений и моды, а, с другой стороны, активное влияние на покупательский спрос через широко известных (публичных) личностей, всегда выступающих (появляющихся) на публике в одежде известных брендов или же прямо рекламирующих их.

Данный вопрос еще недостаточно проработан в силу новизны экономического эффекта, достигаемого социальными сетями, что вызывает большой научный и практический интерес.

Цель данного исследования — подтвердить факт наличия влияния публикации фотографий лидеров мнений в одежде определенного бренда в социальной сети Instagram на рыночную цену акций компаний, владеющих этими брендами одежды.

Основными задачами исследования являются установление различий влияния на цены акций компаний-владельцев брендов разных категорий лидеров мнений, определение временных сроков этого влияния, предложение возможных причин, объясняющих исследуемое влияние.

В качестве метода исследования используется метод событийного анализа.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что публикация фотографий лидера мнений может стать фактором принятия решений при реализации краткосрочной инвестиционной стратегии относительно акций компаний-производителей одежды.

Обзор релевантных научных источников

Существующая научная литература о рынке производителей одежды чаще всего посвящена влиянию выбора товарного бренда известными людьми на спрос на товары, производимые под этим брендом, со стороны масс покупателей (Safi et al., 2018). Исследования показывают, что это влияние положительное. Из этого вытекает, что, с одной стороны, многим потребителям свойственно подражать вкусу известных людей, а, с другой стороны, это указывает и на своего рода отсутствие у таких потребителей собственных (личных) вкусов.

Помимо этого, исследователи уделяют внимание анализу экономических новостей, таких как публикация финансовой отчетности, размер

дивидендных выплат, изменения в руководстве, заявления сотрудников, занимающих высокие должности в компании, и т.д. (Holthausen & Larcker, 1992; Lee et al., 2019). Однако тот факт, что известный человек публикует фотографию в одежде того или иного бренда, также может рассматриваться инвесторами как сигнал к покупке акций этого бренда. Об этом свидетельствует анализ настроений пользователей китайского аналога Facebook — Weibo (Sun et al., 2018). Результаты показали, что влияние косвенных факторов (частота поиска в Google, настройки инвесторов, публикации) при выборе инвестиционной стратегии значимо, причем наибольшее влияние на выбор инвесторов оказывают частота упоминаний в обсуждениях в социальных сетях и настроение инвесторов по поводу тех или иных событий при обсуждении.

Кроме того, существующие исследования указывают на четкую зависимость выпуска комментариев (новостей) от лидера мнений и изменения цены акций компаний, владеющих соответствующим торговым брендом. Еще в 1995 г., задолго до появления социальных сетей как канала продвижения, Агравал и Камакура одними из первых стали рассматривать экономический эффект от взаимодействия брендов одежды и известных людей (Agrawal & Kamakura, 1995). Результаты проведенного авторами исследования показали, что рекламные контракты положительно влияют на доходность акций, а сам факт заключения таких договоров со знаменитостями может рассматриваться инвесторами как существенный информационный сигнал.

Одной из наиболее актуальных работ по теме данного исследования является статья Ирмак, посвященная влиянию конкретного человека на биржевые цены акций компаний-производителей одежды — Мишель Обамы (Yergmask, 2011). Автор проанализировал, наряды какой торговой марки носила бывшая первая леди США на публичных мероприятиях, а также котировки акций компании, которой принадлежит этот бренд, с помощью метода событийного анализа и обнаружил между ними прямую зависимость.

Выводы вышеупомянутых исследователей позволяют полагать, что анализ упоминаний компаний-производителей одежды и принадлежащих им брендов в социальной сети Instagram также позволит выявить их влияние на цены акций этих компаний.

Исходная информация

Хотя, как было сказано выше, под лидерами мнений обычно понимаются блогеры социальных сетей, имеющие более миллиона подписчиков, будем исходить из гипотезы о том, что наиболее заметное влияние на цену акции характерно для блогеров, имеющих хотя бы десятки миллионов подписчиков. Поэтому в данном исследовании в качестве лиде-

ров мнений были взяты топ-50 аккаунтов из социальной сети Instagram, согласно аналитическому агентству PureAuditor. Метрики, используемые этим агентством, являются наиболее популярными среди маркетологов для анализа вовлеченности потребителей.

Критерием включения в выборку является наличие в профиле лидера мнений фотографий, на которых упоминаются торговые бренды, принадлежащие компаниям, акции которых торгуются на фондовом рынке. Соответствующие профили представлены в табл. 1.

Таблица 1

Топ-50 аккаунтов по вовлеченности пользователей

№	Название аккаунта в Instagram	Пол владельца аккаунта	Профессия владельца аккаунта	Число подписчиков (млн чел.)
1	Kylie Jenner*	Женский	Модель	166
2	Selenagomez*	Женский	Певица	172
3	Arianagrande*	Женский	Певица	179
4	Kendall Jenner*	Женский	Модель	126
5	Beyonce	Женский	Певица	145,1
6	Billieeilish*	Женский	Певица	59,7
7	Kimkardashian*	Женский	Модель	164,5
8	Zendaya*	Женский	Актриса	67
9	TaylorSwift	Мужской	Певец	130,7
10	Neymar*	Мужской	Спортсмен	136,6
11	Therock*	Мужской	Актёр	177,4
12	Kloekardashian*	Женский	Модель	107
13	Jlo*	Женский	Певица	118
14	Kourtneykardash*	Женский	Модель	89
15	Camila_cabello*	Женский	Певица	48,8
16	Shawnmendes	Мужской	Певец	56,2
17	LiliReinhard*	Женский	Актриса	22,7
18	Gigihadid*	Женский	Модель	52,3
19	KatyPerry*	Женский	Певица	92,9
20	Kingjames*	Мужской	Спортсмен	62,6
21	Karolg*	Женский	Певица	29
22	Leomessi*	Мужской	Спортсмен	146,8
23	Badgalriri*	Женский	Певица	80,6
24	K.mbappe*	Мужской	Спортсмен	40
25	Jennierubyjane*	Женский	Певица	21,8

№	Название аккаунта в Instagram	Пол владельца аккаунта	Профессия владельца аккаунта	Число подписчиков (млн чел.)
26	Lalalalisa_m*	Женский	Певица	31,1
27	Justinbieber*	Мужской	Певец	131
28	Champagnepapi	Мужской	Певец	65,7
29	Robertdowneyjr	Мужской	Актёр	46,2
30	Tomholland2013	Мужской	Актёр	34,5
31	Emmawatson	Женский	Актриса	56,4
32	Iamcardib	Женский	Певица	63
33	Ddlovato	Женский	Певица	80,4
34	Paulodubala	Мужской	Спортсмен	37,7
35	Lelepons	Женский	Модель	40,5
36	Priyankachopra*	Женский	Певица	36
37	Chrishemsworth	Мужской	Актёр	40,5
38	Vindiesel	Мужской	Актёр	63,2
39	Davidbeckham	Мужской	Спортсмен	62,6
40	Ladygaga	Женский	Певица	40,8
41	Thenotoriousmma	Мужской	Спортсмен	36,2
42	Willsmith	Мужской	Актёр	44,4
43	Shakira	Женский	Певица	66,7
44	Mosalah	Мужской	Спортсмен	37,9
45	Harrystyles	Мужской	Актёр	27,2
46	Dualipa	Женский	Певица	43
47	Jamesrodriguez10	Мужской	Спортсмен	45,4
48	Badbunnypr	Женский	Актриса	25,9
49	Virat.kohli	Мужской	Спортсмен	54,7
50	Paulpogba	Мужской	Спортсмен	40,7

* — пользователи, вошедшие в исследование.

Источник: составлено авторами по данным агентства HypeAuditor.

Перечисленные блогеры преимущественно являются гражданами США, Великобритании и ряда европейских стран. Из 50 аккаунтов 28 блогеров — женщины, 22 — мужчины. Максимальное количество подписчиков — 179 млн., минимальное — 21,8 млн. На рис. 1 видно, что 30 блогеров имеют до 60 млн подписчиков, на оставшиеся 20 приходится от 60 до 179 млн подписчиков.

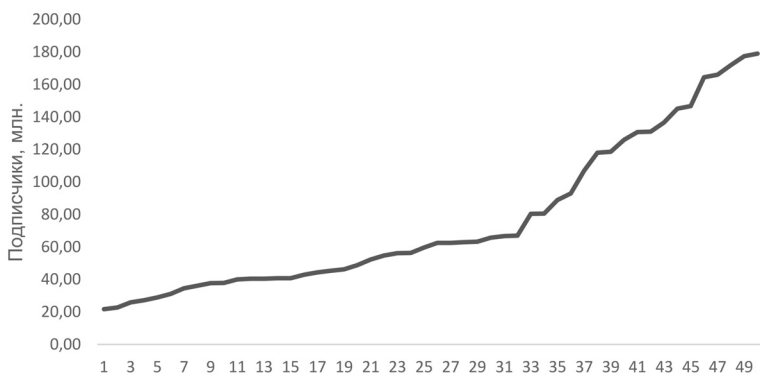

Рис. 1. Распределение блогеров по количеству подписчиков
Источник: авторская выборка из социальной сети Instagram.

По роду деятельности выбранные блогеры делятся следующим образом: 21 — певцы; 11 — актеры; 11 — спортсмены; 7 — модели. Данная разбивка позволяет установить, влияют ли пол, сфера деятельности и количество подписчиков на повышение или понижение доходности акций при соответствующей публикации.

Исследование основывается на данных о публикациях за 2019 г. Следует отметить, что получение подобной выборки связано с высокими затратами. Авторы решили ограничиться одним годом, чтобы установить существование возможного влияния социальных сетей на цены акций.

За 2019 г. выбранные 50 блогеров опубликовали 251 фотографию, удовлетворяющую критериям поиска. Дата публикации каждой из 251 фотографий принимается за событие применительно к выбранному методу событийного анализа.

В табл. 2 приведены бренды и компании, которые были отмечены лидерами мнений в 2019 г. Подавляющее большинство из них — представители люксового сегмента производителей одежды — 14 из 22 выявленных компаний.

Таблица 2

Бренды, вошедшие в исследование и их головные компании

Бренд	Компания	Категория
Adidas	Adidas	спортивная одежда
Reebok	Adidas	спортивная одежда
Moschino	Aeffe	люкс
Burberry	Burberry Group Plc Dante	люкс
Versace	Capri Holding	люкс

Бренд	Компания	Категория
Christian Dior	Christian Dior	люкс
Coach	Coach	люкс
Cartier	Compagnie Financière Richemont S. A.	люкс
Guess	Guess	массовый потребитель
H&M	Hennes&Mauritz	массовый потребитель
Hermes	Hermes	люкс
Bershka	Inditex	массовый потребитель
Alexander McQueen	Kering	люкс
Balenciaga	Kering	люкс
Balmain	Kering	люкс
Bottega Veneta	Kering	люкс
Gucci	Kering	люкс
Yves Saint Laurent	Kering	люкс
Victoria's Secret	L Brands	массовый потребитель
Celine	LVMH	люкс
Fendi	LVMH	люкс
Fenty	LVMH	люкс
Fenty Beauty	LVMH	люкс
Givenchy	LVMH	люкс
Hublot	LVMH	люкс
Louis Vuitton	LVMH	люкс
Marc Jacobs	LVMH	люкс
Nike	Nike	спортивная одежда
Miu Miu	Prada Holding S. P. A.	люкс
Prada	Prada Holding S. P. A.	люкс
Puma	PUMA	спортивная одежда
Calvin Klein	PVH	люкс
Tommy Hilfiger	PVH	люкс
Ralph Lauren	Ralph Lauren	люкс
Stuart Weitzman	Tapestry	люкс
Tiffany&Co	Tiffany&Co	люкс
Under Armour	Under Armour	спортивная одежда

Источник: составлено авторами по данным Instagram и Bloomberg.

Данные о ценах акций компаний за 2019 г. были взяты из информационной базы Bloomberg в виде средней цены закрытия, согласно методологии событийного анализа, использованной в исследованиях (Студников, 2012; Погожева, 2013).

В табл. 3 представлена разбивка компаний по количеству отметок на публикациях и количеству лидеров мнений, которые отмечали бренды, принадлежащие данным компаниям в 2019 г. Наибольшее количество публикаций наблюдалось у компаний LVMH (44) и Adidas (32). При этом наибольшее количество лидеров мнений также отметило компанию LVMH и компанию Kering — 10 и 9, соответственно.

Таблица 3

Описание компаний и выборки, участвовавших в исследовании

Компания	Бренды	Количество публикаций	Количество лидеров мнений, отметивших бренды
Adidas	Adidas, Reebok	32	6
Aeffe	Moschino	4	3
Burberry Group Plc Dante	Burberry	9	5
Capri Holding	Versace	27	7
Christian Dior	Christian Dior	10	6
Compagnie Financière Richemont S. A.	Cartier	1	1
Guess	Guess	3	1
Hennes&Mauritz	H&M	1	1
Hermes	Hermes	2	1
Inditex	Bershka	1	1
Kering	Alexander McQueen, Balenciaga, Balmain, Bottega Veneta, Gucci, Yves Saint Laurent	21	9
L Brands	Victoria's secret	1	1
LVMH	Celine, Fendi, Fenty, Givenchy, Hublot, Louis Vuitton, Marc Jacob	44	10
Nike	Nike	16	3
Prada Holding S. P. A.	Miu Miu, Prada	20	4
PUMA	Puma	1	1
PVH	Cavin Klein, Tommy Hilfiger	27	6
Ralph Lauren	Ralph Lauren	3	2

Компания	Бренды	Количество публикаций	Количество лидеров мнений, отметивших бренды
Tapestry	Stuart Weitzman	4	1
Tiffany&Co	Tiffany&Co	10	2
Under Armour	Under Armour	11	1
Всего		253	24

Источник: составлено авторами по данным Instagram и Bloomberg.

Для определения «нормальной» доходности в рамках рыночной модели необходимо использовать рыночный индекс. В силу того, что все компании, представленные в табл. 3, торгуются на разных рынках, было решено использовать индекс, специфичный именно для рынка производителей одежды.

Для определения нормальной доходности используются два ценовых индекса (табл. 4). Первый из них — Refinitiv Europe Apparel & Accessories Price Return Index, составляемый агентством Thompson Reuters. В него входят 16 компаний-производителей одежды, которые торгуются на европейских биржах Euronext, Paris Stock Exchange, Milan Stock Exchange, Borsa Italiano и др. Второй индекс — отраслевой показатель S&P 500 Apparel, Accessories & Luxury Goods, в который входят акции 19 компаний-производителей одежды, преимущественно торгуемые на американских биржах.

Таблица 4

**Компании и используемые индексы
для определения нормальной доходности**

Компания	Индекс
Adidas	Refinitiv
Aeffe	S&P500
Burberry Group Plc Dante	Refinitiv
Capri Holding	S&P500
Christian Dior	Refinitiv
Guess	S&P500
Hennes&Mauritz	Refinitiv
Hermes	Refinitiv
Inditex	Refinitiv
Kering	Refinitiv
L Brands	Refinitiv

Компания	Индекс
LVMH	Refinitiv
Nike	S&P500
Prada Holding S. P. A.	Refinitiv
PUMA	Refinitiv
PVH	S&P500
Compagnie Financière Richemont S. A.	Refinitiv
Ralph Lauren	S&P500
Tapestry	S&P500
Tiffany&Co	S&P500
Under Armour	S&P500

Источник: Bloomberg, Reuters.

Методология исследования

Данное исследование подразумевает анализ влияния факта публикации фотографии лидера мнений на цены акций. Для этого используются методы событийного и регрессионного анализа.

Суть метода событийного анализа заключается в выявлении реакции фондового рынка на различные события. Основными характеристиками этой реакции являются аномальная доходность и кумулятивная аномальная доходность, которые возникают в течение небольшого временного промежутка до и после исследуемого события. В случае если событие выпадает на день, когда биржи закрыты, в данном исследовании берется следующий рабочий день.

Метод событийного анализа подразумевает поиск аномальной доходности на заданном периоде времени в зависимости от степени влияния события на компанию и на рынок. Существует несколько методов расчета «нормальной» (теоретической) доходности. Наиболее распространенными являются: а) модель со средним, где «нормальную» доходность считается как среднюю доходность ценной бумаги за предыдущий период, обычно это 120 дней (Погожева, 2013); б) рыночная модель, согласно которой «нормальная» доходность считается с помощью рыночного индекса. Имеются и более сложные многофакторные модели. Однако их использование с точки зрения повышения точности результатов имеет спорный характер (Brown & Warner, 1985; Галанов, Галанова, Шибяев, 2017).

В данном исследовании используется рыночная модель. Небольшое окно события позволяет отказаться от трёхфакторных моделей, однако, в отличие от модели со средним, рыночная модель позволяет достичь

результатов с более низкой дисперсией аномальной доходности (Погожева, 2013).

Доходность акции рассчитывается по формуле (1):

$$R_{it} = \ln \frac{P_{it}}{P_{it-1}}, \quad (1)$$

где P_{it} , P_{it-1} — цена закрытия по акции компании i в день t ($t - 1$).

«Нормальная» доходность в данном исследовании рассчитывается по следующей формуле:

$$R_{it} = \alpha_i + \beta_i R_{mt}, \quad (2)$$

где R_{it} — нормальная доходность; R_{mt} — доходность рыночного индекса в момент времени t (формула расчета доходности идентична формуле (1); α_i и β_i — параметры рыночной модели, оцениваемые с помощью расчета линейной регрессии на заданном окне в выбранном временном промежутке.

Аномальная доходность (AR_{it}) рассчитывается как разница между «нормальной» доходностью и реальной, т.е. той, которая наблюдалась в момент события (формула (3)):

$$AR_{it} = R_{it} - \alpha_i - \beta_i R_{mt}. \quad (3)$$

Для оценки силы влияния каждого события на рыночную стоимость акций в рамках событийного окна рассчитывается средняя аномальная доходность (формула (4)):

$$AAR_t = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N AR_{it}, \quad (4)$$

где AAR_t (*Average Abnormal Return*) — средняя аномальная доходность.

Для подсчета изменения доходностей в течение нескольких дней используются показатели кумулятивной аномальной доходности (формула (5)).

$$CAR_{t_1, t_2} = \sum_{t=t_1}^{t_2} AR_t, \quad (5)$$

где CAR_t (*Cumulative Abnormal Return*) — кумулятивная аномальная доходность.

Для определения значимости полученных результатов используется t -тест (формула (6)):

$$t = \frac{CAAR}{\frac{S}{\sqrt{n}}}, \quad (6)$$

где S — стандартное отклонение выборки; n — количество наблюдений.

Еще один фактор, который напрямую влияет на результаты исследования, — это размер событийного окна. Обычно при анализе результатов операционной деятельности компании используют временной промежуток $[-5; +5]$ (Климарев, Студников, 2011). Так как появление фотографий в социальной сети — довольно частое явление, в данном исследовании рассматриваются следующие временные промежутки: $[-2; +4]$ $[-2; +2]$, $[0; +2]$ и $[0; +1]$.

Для тестирования гипотез о влиянии пола и профессии лидера мнений используется тест Чоу. Основной его задачей является проверка на равенство коэффициентов в разных выборках. Статистика Чоу определяется уравнением (формула (7) для двух подвыборок):

$$\frac{(RSS - RSS_1 - RSS_2) / k}{(RSS_1 + RSS_2) / (n - 2k)} \sim F(k, n - 2k), \quad (7)$$

где RSS , RSS_1 , RSS_2 — сумма квадратов остатков для регрессии по всей выборке и по ее частям; n — количество наблюдений; k — количество подвыборок.

Результаты исследования

На рис. 2 и 3 показано распределение аномальной доходности по всем событиям из выборки. Согласно полученным распределениям как в день публикации, так и на следующий день после нее, наибольшее количество событий характеризовалось аномальной доходностью от 0 до 1%. Кроме того, это же распределение показывает небольшое количество событий, вызвавших аномальную доходность больше 2% или меньше -2%. Как видно из самой формы рисунков, распределение имеет вид нормального, что дает право использовать t -тест для определения значимости выборки.

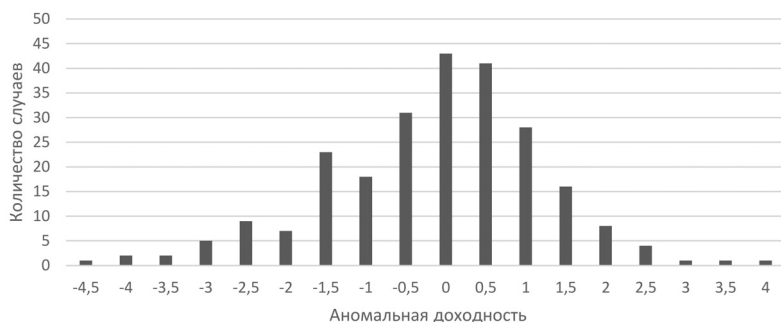

Рис. 2. Распределение AR в день публикации (t_0)

Источник: вычисления авторов.

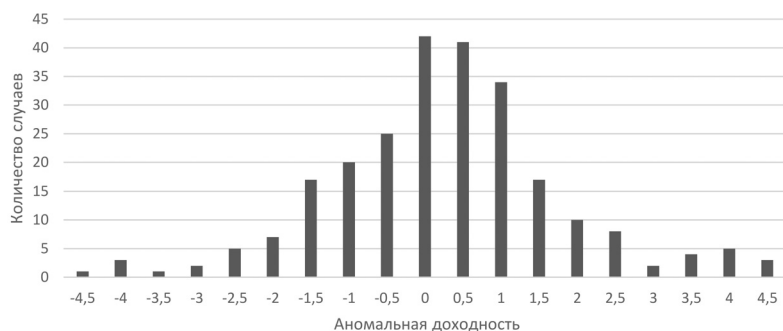

Рис. 3. Распределение AR в первый день после публикации (t_1)

Источник: составлено авторами.

В табл. 5 представлены значения средней и кумулятивной аномальной доходности для всех событий в выборке на временном промежутке за 2 дня до публикации и 4 дня после. Результаты показывают, что новость о публикации фотографии в Instagram вызывает положительную реакцию рынка. За день до и два дня после цены акций компаний-производителей одежды в среднем положительно реагируют на анализируемое событие. При этом значимыми на 10%-м уровне значимости оказались значения средней аномальной доходности в день публикации и в день после. В эти два дня доходность акций возрастает на 0,28% и затем еще на 0,12%. Однако если рассмотреть показатель кумулятивной аномальной доходности, то он, действительно, показывает положительные результаты как в окне $[0; +2]$, так и $[0; +1]$, но результаты статистически значимы на 10%-м уровне только на втором окне событий, т.е. в день публикации и один день после.

Таблица 5

AAR и CAR для всех 251 публикаций

№ дня в окне события	AAR (%)	t-статистика
-2	-0,03	-0,17
-1	-0,11	0,35
0	0,28	2,39*
1	0,12	2,04*
2	0,09	-0,55
3	-0,19	0,86
4	-0,04	-0,68

Временной интервал	CAR (%)	t-статистика
[−2; +4]	−0,01	0,44
[−2; +2]	0,08	−0,24
[0; +2]	0,35	1,54
[0; +1]	0,42	2,04*

* — значимость на 10%-м уровне значимости; ** — значимость на 5%-м уровне значимости.

Источник: составлено авторами.

Отдельно стоит обратить внимание на зависимость аномальных доходностей от категории одежды, производимой компанией. В данном исследовании представлено три категории — люкс (luxury), спортивная одежда (sportswear) и масс-маркет (mass market). К компаниям из категории люкс, согласно табл. 2, относится 14 из 22 компаний, участвовавших в расчетах, и 149 событий из 251.

Для начала рассмотрим результаты исследования только по категории компаний, продающих одежду класса люкс (табл. 6).

Таблица 6

AAR и CAR для компаний, производящих одежду категории люкс

№ дня в окне события	AAR (%)	t-статистика
−2	−0,12	−0,73
−1	−0,02	−0,27
0	0,32	2,07*
1	0,08	1,32
2	0,01	1,19
3	−0,22	−1,53
4	0,04	−0,61

Временной интервал	CAR(%)	t-статистика
[−2; +4]	0,09	0,56
[−2; +2]	0,27	0,96
[0; +2]	0,42	1,73
[0; +1]	0,47	2,73**

* — значимость на 10%-м уровне значимости; ** — значимость на 5%-м уровне значимости.

Источник: составлено авторами.

В целом они остались неизменными: наибольшая аномальная доходность наблюдается в день публикации и на следующий день после нее, да-

лее она становится отрицательной и в конечном итоге стабилизируется. С другой стороны, AAR в случае сектора люкс значим только в день публикации, но показывает более высокую доходность. Скорее всего, это объясняется тем, что реакция рынка на публикацию краткосрочная, и при выходе новости инвесторы реагируют на нее немедленно и далее переключаются на другие новости. Кумулятивная аномальная доходность также показала более высокий уровень, чем на всей выборке — 0,47% при уровне значимости 5%, что подтверждает реакцию рынка на такой тип новостей.

В выборку производителей спортивной одежды (табл. 7) попало 4 компании и 59 событий из 251. Наибольшую активность в социальной сети блогеры проявили в отношении компании Adidas — 32 публикации за год в выборке. Однако, судя по результатам анализа, публикация фотографий в Instagram не оказывает большого влияния на цены акций. Единственным значимым оказался день события, однако даже в этот день доходность ниже, чем в общей выборке, и составила всего 0,12% с уровнем значимости 10%. Кумулятивная аномальная доходность оказалась незначимой в любом окне события.

Положительная и значимая аномальная доходность дает основания полагать, что фотографии спортивных брендов одежды оказывают краткосрочное влияние на цены акций, однако не такое большое, как в случае с одеждой класса люкс.

Таблица 7

AAR и CAR для компаний категории «спортивная одежда»

№ дня в окне события	AAR (%)	t-статистика
–2	–0,05	–1,53
–1	–0,11	–1,67
0	0,12	1,97*
1	0,04	1,14
2	–0,09	0,62
3	0,01	–0,33
4	–0,04	–1,65

Временной интервал	CAR(%)	t-статистика
[–2; +4]	–0,12	–1,32
[–2; +2]	–0,09	–0,12
[0; +2]	0,07	1,34
[0; +1]	0,16	1,75

* — значимость на 10%-м уровне значимости; ** — значимость на 5%-м уровне значимости.

Источник: составлено авторами.

Представленный в выборке сектор «массовый рынок» (табл. 8) составляют 4 компании и наименьшее количество событий — 43. Скорее всего, это можно объяснить тем, что для массовой аудитории компании используют другие способы продвижения — телевизионная реклама и реклама в печатных изданиях, а реклама через лидеров мнений составляет меньшую долю в маркетинговом бюджете.

Судя по представленным в табл. 8 результатам, цены акций также не испытывают сильного влияния от публикаций лидеров мнений. В день публикации аномальная доходность показала самый низкий уровень по сравнению с другими секторами и всей выборкой — 0,04% при 5%-м уровне значимости. При этом ни одно событийное окно не показало необходимый уровень значимости.

Таблица 8

AAR и CAR для компаний категории «массовый рынок»

№ дня в окне события	AAR (%)	t-статистика
–2	–0,32	0,22
–1	–0,01	1,04
0	0,04	–2,7**
1	–0,06	–0,23
2	0,32	1,09
3	–0,19	–0,16
4	0,1	0,37

Временной интервал	CAR(%)	t-статистика
[–2; +4]	–0,2	–0,51
[–2; +2]	–0,04	–1,53
[0; +2]	0,28	–0,6
[0; +1]	0	–1,04

* — значимость на 10%-м уровне значимости; ** — значимость на 5%-м уровне значимости.

Источник: составлено авторами.

На рис. 4 представлена разбивка кумулятивных аномальных доходностей по категориям в разные временные окна. Согласно расчетам, наиболее значимым оказалось только окно [0; 1] в общей выборке и в категории luxury. По рисунку видно, что аномальная доходность примерно приравнивается к нулю на семидневном промежутке [–2; +4] и увеличивается при сокращении интервала, достигая своего максимума на промежутке [0; 1]. Это означает, что у исследуемого явления краткосрочный эффект, и через день после события наблюдается стабилизация цены ак-

ций — её снижение. Это подтверждают и результаты анализа: на третий день после события аномальная доходность наблюдается на всей выборке (–0,19), а для люксового сегмента она составляет –0,22.

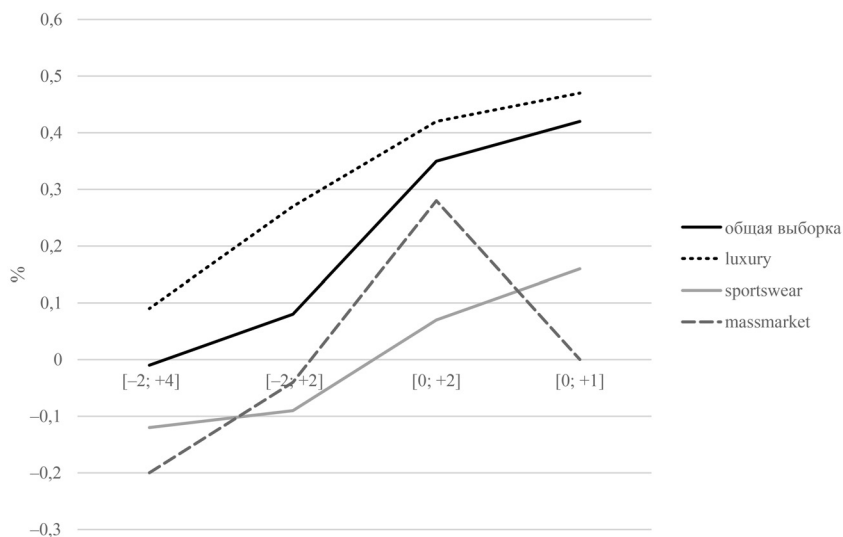

Рис. 4. Динамика CAR для всех категорий исследуемых компаний

Источник: составлено авторами.

Результаты событийного анализа позволяют сделать вывод о том, что в большинстве своем акции компаний-производителей одежды показывают положительную аномальную доходность в ответ на публикации лидеров мнений. При этом результаты зависят от категории производителей одежды. Так, наибольшую аномальную доходность при публикации фотографии показывают компании люкс-сегмента, в день публикации доходность акций с вероятностью 90% увеличится на 0,32% или на 0,47% кумулятивно в день публикации и на следующий день. С другой стороны, сегменты масс-маркета и спортивной одежды показывают более низкую аномальную доходность в день публикации — 0,12 и 0,04, соответственно.

Регрессионный анализ позволяет выявить наличие и значимость эффекта публикаций лидеров мнений в социальных сетях на цены акций компаний-производителей одежды. Для этого результаты событийного анализа — кумулятивные аномальные доходности по каждому событию на интервале [0; 1] — будут сравниваться с профилем лидера мнений (табл. 1) с помощью регрессионного анализа. Таким образом, получаем выборку размером в 251 событие (табл. 9), в которой будут использованы две категориальные переменные — пол (Gender) и профессия. В выборке участвуют лидеры мнений четырех профессий: модель, певец, актер и спортсмен.

Выборка, участвующая в регрессионном анализе

Variable	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
CARValue	251	1,168782	0,5968595	−5,2338	6,3342
Gender	251	0,8247012	0,3809822	0	1
Actor	251	0,1394422	0,3470995	0	1
Model	251	0,4780876	0,5005177	0	1
Singer	251	0,2589641	0,4389411	0	1
Sportsman	251	0,1195219	0,3250498	0	1
Followers	251	103,2291	51,71289	21,8	179

Для построения многофакторной регрессии для переменной, отвечающей за профессию лидера мнений, в модели используются колонки со значениями 0 и 1, в частности, для строк с названиями «Actor», «Model», «Singer». У одного события может стоять 1 только в одной колонке из четырех, в остальных трех должны быть 0. Для построения многофакторной регрессии берутся только первые 3 из 4 колонок, отведенных под категориальную переменную, так как необходимо избежать составления вырожденной матрицы.

Для определения влияния пола строятся три регрессии — зависимость аномальных доходностей от количества подписчиков на всей выборке, на событиях с участием мужчин и на событиях с участием женщин. Расчеты проводятся в Stata.

Еще до подсчета теста результаты построения регрессий показывают, что R-квадрат увеличивается на выборках отдельно по мужчинам и по женщинам. Так, на общей выборке R-квадрат равен 0,63, на выборке с женщинами — 0,67, а с мужчинами 0,7. Это может говорить о том, что при разделении выборки на две части регрессия обладает лучшей объясняющей способностью.

Результат расчета F статистики в рамках теста Чоу (формула (7)) дает следующие результаты: $F = 3,215$, F статистика на 5% уровне значимости $F(1; 249) = 3,89$. Поскольку $3,89 > 3,215$, следовательно, зависимость выборки от пола отсутствует.

Для проверки влияния профессии лидера мнений, строится регрессия зависимости аномальных доходностей от количества подписчиков и от трех фиктивных переменных — профессия модель, певец и актер.

Получаем уравнение вида:

$$CAR = 0,155 * followers - 0,35 * actor - 23 * model - 11 * singer + 15,6,$$

где *actor*, *model*, *singer* — фиктивные переменные.

Коэффициент детерминации выше по сравнению с уравнением с полом как фиктивной переменной и равен 0,71, уравнение статистически значимо.

Проверка отсутствия зависимости от профессии с помощью теста Чоу (формула (7)) показывает, что $F = -2,02$, F-статистика на 5%-м уровне значимости $F(3; 246) = 2,65$. Тем самым, зависимость от профессии лидера мнений не наблюдается.

Выводы

Результаты расчетов позволяют заключить, что имеет место повышение доходности акций компаний в день публикации и на следующий день после нее, но при этом важное значение имеет категория, к которой принадлежит компания. Так, наибольшее повышение доходности при публикации фотографии лидером мнений показала категория люкс, меньшую — производители спортивной одежды, и статистически незначимую реакцию демонстрирует сегмент масс-маркета. Так, аномальная доходность в день события для выборки компаний люкс-сегмента составляет 0,32, для масс-маркета — 0,04, для спортивной одежды — 0,12, что говорит о наличии зависимости величины аномальных доходностей от сектора производителя одежды.

Проведенные расчеты и тесты показали, что величина аномальной доходности не зависит от профиля лидера мнений. Реакция доходности акций на публикацию не зависит ни от пола лидера мнений, ни от его профессии (в выборке участвовали модели, актеры, спортсмены и певцы).

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с расширением выборки. Это позволит выявить большее количество факторов, которые могут влиять на величину аномальной доходности, и более точно посчитать само изменение доходности под влиянием новой публикации.

Заключение

В данной работе с помощью метода событийного анализа было проведено исследование влияния публикаций фотографий лидеров мнений в Instagram, имеющих десятки и более миллионов подписчиков, на цены акций компаний-производителей одежды. Полученные результаты показали, что публикация фотографии с отмеченным на ней брендом одежды, хотя и очень краткосрочно, но все же влияет на цены акций компании, которой принадлежит этот бренд. В среднем такое влияние не выходит за пределы дня публикации и следующего за ним дня. При этом краткосрочное (по сути однодневное) аномальное повышение доходности цены

акции компании-владелицы бренда очень быстро сменяется ее последующим возвратом к обычному («нормальному») уровню доходности акции.

Научной проблемой является вопрос об экономической причине роста цены акции при публикации фотографии лидера мнений. Очевидно, что реакция читателей блога косвенно отражает их текущее мнение по поводу того, что они и в дальнейшем будут покупать новые модели одежды такого-то бренда, а это уже касается будущих прибылей компании, а потому и курса ее акций в целом. Однако выявленная краткосрочность влияния публикации на цену акции не может быть непосредственно объяснена ростом производства брендовой одежды и вытекающим из этого ростом прибыли компании.

Используемый анализ основан на сравнении аномальной и «нормальной» доходностей акции. Фондовый рынок устроен таким образом, что аномальная доходность «долго» не сохраняется, а «быстро» возвращается к «нормальной» доходности. Этим и объясняется краткосрочный характер влияния публикации о бренде на цену акции компании его владельца.

Краткосрочная связь между публикацией фотографии и изменением цены акции компании-владелицы бренда возникает не потому, что имеется какое-то скрытое экономическое основание. Можно предположить, что такого рода краткосрочная связь возникает, например, в силу того, что на фондовом рынке активно используются торговые роботы, в которых заложены стратегии торговли, опирающиеся на событийный анализ, включая и те события, которые являются предметом данной статьи. Автоматические торговые стратегии на фондовом рынке часто настроены на учет целого круга событий и новостей, которые имеют самые разнообразные формы проявления в электронных средствах массовой информации, поддающиеся автоматической обработке по заданному критерию.

Использование событийного анализа в работе торговых роботов на фондовом рынке означает, что цена акции имеет не только экономическую (фундаментальную) основу, но становится еще и следствием используемых стратегий автоматической торговли. Выявленная в результате анализа неоднородность влияния фотографии лидера мнений на цену акции, может быть объяснена тем, что учет анализируемого события в автоматических торговых стратегиях совпадает с одновременным учетом в них и иных информационных событий, влияние которых на динамику цены акции тоже заложено в торговых алгоритмах, в том числе и в противоположном направлении. Например, публикация фото блогера в одежде бренда могла сопровождаться информацией, которая, возможно, оказала «компенсирующее» воздействие по отношению к росту цены акции, которого «требовала» публикация фото как такового.

Применительно к динамике цены акции компании-бренда возможна и долгосрочная ситуация, при которой происходит постепенное нако-

пление информации о краткосрочных «скачках» аномальной доходности по мере неоднократных публикаций фотографий брендового товара в социальных сетях (и не только в Instagram). Накопление социальной информации может быть фактором превышения в течение довольно длительного времени уровня «нормальной» доходности акций компании-бренда над доходностью компаний-конкурентов или даже над доходностью фондового рынка (бенчмарка).

В свете изложенного выше возможным направлением дальнейшего развития данного исследования может стать анализ влияния социальных сетей в виде частоты возникающих аномальных доходностей цен акций компаний-брендов на наличие тенденции к относительному повышению их рыночной доходности.

Список литературы

Галанов, В. А., Галанова, А. В., Шibaев, С. Р. (2017). Случайное и закономерное изменение цены акции в зависимости от длины временного интервала. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, Т. 10, 4(52), 228–241.

Климарев, Н. В., Студников, С. С. (2011). Методологические проблемы применения метода событийного анализа в финансовых исследованиях. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 6, 58–67.

Погожева, А. А. (2013). Использование событийного анализа для оценки информационной значимости рекомендаций аналитиков по российским эмитентам. *Корпоративные финансы*, 2(26), 32–45.

Студников, С. С. (2012). Метод событийного анализа в исследованиях доходности корпоративных финансов. *Вестник Института экономики РАН*, 3, 45–55.

Яворская, А. В., Яворский, В. М. (2015). Метод событийного анализа на примере данных по кросс-линтингу российских компаний. *Вести Высших Учебных Заведений Черноземья*, 1(39), 95–104.

Agrawal, J. & Kamakura, W. (1995). The Economic Worth of Celebrity Endorsers: An Event Study Analysis. *Journal of Marketing*, 59(3), 56–62.

Brown, S. J. & Warner, J. B. (1985). Using daily stock returns: The case of event studies. *Journal of Financial Economics*, Volume 14, Issue 1, 3–31.

Carlson, B. D., Donovan, D. T., Deitz, G. D., Bauer, B. C., Lala, V. (2020). A customer-focused approach to improve celebrity endorser effectiveness. *Journal of Business Research*, Vol. 109, 221–235.

Holthausen, R. W & Larcker, D. F. (1992). The prediction of stock returns using financial statement information. *Journal of Accounting and Economics*, Volume 15, Issues 2-3, 373–411.

Lee, T. K., Cho, J. H., Kwon, D. S., & Sohn, S. Y. (2019). Global stock market investment strategies based on financial network indicators using machine learning techniques. *Expert Systems with Applications*, 117, 228–242.

Safi, H., Azouri, M. & Azouri, A. (2018). The effect of celebrity endorsement on consumer behavior: Case of the Lebanese jewelry industry. *Arab Economic and Business Journal*, 13, 190–196.

Sun, Y., Chen, G., Liu, X. & Hao, Y. (2018). How mood affects the stock market: Empirical evidence from Chinese microblog. *CONF-IRM 2018 Proceedings*. 2. <https://aisel.aisnet.org/confirm2018/2>

Teti, E., Dallochio, M. & Aniasi, A. (2019). The relationship between twitter and stock prices. Evidence from the US technology industry. *Technological forecasting and Social Change, Elsevier*, vol. 149(C).

Yermack, D. (2011). The Michelle Markup: The First Lady's Impact on Stock Prices of Fashion Companies. *Available at SSRN*: <https://ssrn.com/abstract=1596803>

Исследование товарного рынка России: какие товары, кому и как продаются в соц-сетях (2019, Март 19). Сайт журнала VC: <https://vc.ru/marketing/61479-issledovanie-tovarnogo-rynka-rossii-kakie-tovary-komu-i-kak-prodayutsya-v-socsetyah>

Статистика западных соцсетей: месячная аудитория, доход с пользователя, присутствие брендов (2016, Ноябрь 3). Сайт VC: <https://vc.ru/social/19705-social-media-stat>

Consumer market outlook, Statista annual report (2019). Statista website: <https://www.statista.com/outlook/90010000/100/womens-apparel/worldwide>.

Coronavirus Shutdowns came at the worst possible time for fashion and luxury retail (2020, April 21). Forbes website: <https://www.forbes.com/sites/stevendennis/2020/04/21/covid-19-and-fashion-and-luxury-retails-lost-season/#2162c40a707f>

Instagram gets serious about ads, opening planforms to all (2017, Sep. 9). Fortune website: <https://fortune.com/2015/09/09/instagram-advertising/>

The state of fashion, annual report McKinsey&BOF (2019) <https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/the-state-of-fashion-2020-navigating-uncertainty>.

Pulse of fashion industry, BCG (2019) <https://www.businessoffashion.com/organisations/global-fashion-agenda/projects/pulse-of-the-fashion-industry>.

References

Galanov, V. A., Galanova, A. V., Shibaev, S. R. (2017). Random and Regular Stock Price Change Depending on a Time Span. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, T. 10, 4(52)*, 228–241.

Klimarev, N. V., Studnikov, S. S. (2011). Methodological Problems of Application of Event Study Method in Financial Researches. *Moscow University Economics Bulletin*, 6, 58–67.

Pogozheva, A. A. (2013). Employment of Event Study to Estimate Informational Significance of Analysts' Recommendations of Russian Emitters. *Journal of Corporate Finance Research*, 2(26), 32–45.

Studnikov, S. S. (2012). A Method of Event Analysis in Researches of Profitability in Corporate Finance. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 3, 45–55.

Yavorskaya, A. V., Yavorski, V. M. (2015). Event Analysis Method Based on the Example of Data on Cross-Listing of Russian Companies. *News of Higher Educational Institutions of the Chernozem Region*, 1(39), 95–104.

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

Д. А. Герцекович¹

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Е. Ю. Бунеева²

Иркутский национальный исследовательский
технический университет (Иркутск, Россия)

Т. Д. Константинова³

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Я. К. Паленная⁴

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

УДК: 336.76:51

ПРИНЦИП СКОЛЬЗЯЩЕЙ ВЕРИФИКАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ БАЗОВЫХ КРИТЕРИЕВ ПОРТФЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена инвестиционному анализу, одним из наиболее актуальных и востребованных методов которого являются портфельные методы. В традиционной постановке теории портфеля подразумевается, что базовые критерии портфельной теории, такие как ожидаемая доходность и уровень риска, для всех рассматриваемых финансовых инструментов рассчитываются по историческим данным одинаковой длины и остаются неизменными на протяжении всего времени эксплуатации модели. Предлагаемый авторами подход представляет собой модификацию модели Г. Марковица, суть которой заключается в том, что для вычисления ожидаемой доходности и уровня риска для каждого анализируемого финансового инструмента отыскивается своя оптимальная (уникальная) длина обучающей выборки. Поиск экстремума целевой функции осуществляется методом полного перебора (цикловая оптимизация), что обеспечивает достижение глобального экстремума критерия оптимизации при ограничении на предельно допустимый уровень риска. Величина выборки подбирается по двум критериям качества, в основу которых положена точность вырабатываемых про-

¹ Герцекович Давид Арташевич — к.э.н., доцент, Иркутский государственный университет; e-mail: davidgerc@yahoo.com, ORCID: 0000-0003-2544-8656.

² Бунеева Евгения Юрьевна — к.э.н., доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет; e-mail: eugorbachevskaya@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7017-7272.

³ Константинова Татьяна Дмитриевна — студент, Иркутский государственный университет; e-mail: tanyu.konstantinova.2014@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6288-0248.

⁴ Паленная Яна Константиновна — студент, Иркутский государственный университет; e-mail: sagelie@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5933-6081.

гнозов, а именно: 1) из условия минимума суммы квадратов отклонений прогнозных значений ожидаемой доходности, от ее реальных значений; 2) из условия максимизации таких результатов прогнозов, когда ожидания инвестора оправдались и при минимуме результатов, когда реальная доходность оказалась меньше предполагаемой. Селекция оптимальной длины обучающей выборки осуществляется по принципу скользящей верификации на независимом материале. Изложенная процедура апробирована на реальных примерах: прогноза доходности фондового рынка США и прогнозе урожайности основных сельскохозяйственных культур Российской Федерации. Изложенный алгоритм, положенный в основу синтеза широко диверсифицированных портфелей, позволяет значительно повысить эффективность принимаемых инвестиционных решений, чему способствует учет особенностей как изучаемых рынков, так и соответствующих финансовых инструментов.

Ключевые слова: доходность, риск, теория портфеля, идентификация, скользящая верификация, модель Марковица, инвестиционные стратегии, принятие решений.

Цитировать статью: Герцекович, Д. А., Бунеева, Е. Ю., Константинова, Т. Д. & Паленная, Я. К. (2022). Принцип скользящей верификации как основа для идентификации базовых критериев портфельного анализа. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 94–109. <https://doi.org/10.38050/01300105202225>.

D. A. Gertsekovich

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

E. Yu. Buneeva

Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

T. D. Konstantinova

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

Ia.K. Palennaia

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

JEL: G11, G17

THE PRINCIPLE OF SLIDING VERIFICATION AS A BASIS FOR IDENTIFICATION OF THE ESSENTIAL CRITERIA OF THE PORTFOLIO ANALYSIS

This article provides the investment analysis, with the portfolio method being one of the foremost instruments. The traditional portfolio theory implies that its essential criteria such as expected return and risk rate for all considered financial instruments are estimated from the historical data of equal length and are invariant throughout the usage period of the model. The authors suggest the approach which is a development of the Markowitz model. The point being, to estimate the expected return and the risk rate for each financial instrument in focus, an effective (own) learning sample is determined. The extremum seeking for the target function is performed through the method of full enumeration (cycle optimization) which

provides the global extremum of the optimization criterion with restriction to the maximum permissible risk level. The sample size is tried upon two quality criteria considering accuracy of forecasts, namely: 1) the minimum condition of the sum of squared deviations of the projected values for the expected return, real values, 2) the maximization of the predicted forecasts when the investor expectations are met, with the minimal results when the real return appeared lower than the predicted one. The selection of the learning sample optimal length is performed on the principle of sliding verification of independent material. The described procedure is tested on realistic examples: the US stock market return forecast and staple crop yield gain forecast in the Russian Federation. The suggested algorithm underlying the synthesis of extensively diversified portfolios improves e investment problem solving effectiveness with contribution of considerations of both the markets in focus and the suitable financial instruments.

Keywords: return, risk, portfolio theory, identification, sliding verification, Markowitz model, investment strategies, decision-making.

To cite this document: Gertsekovich, D. A., Buneeva, E.Yu., Konstantinova, T. D. & Palennaia, Ia.K. (2022). The principle of sliding verification as a basis for identification of the essential criteria of the portfolio analysis. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 94–109. <https://doi.org/10.38050/01300105202225>.

Введение

Теория инвестиций в ходе своего развития преодолела несколько этапов своего развития. До 1952 г. такие экономисты, как И. Фишер (Фишер, 1930), Дж. М. Кейнс (Кейнс, 1936; 1937; 2007) и др., полагали, что размер инвестиций в полной мере определяется нормой дохода. Кардинально теория инвестиций изменилась после выхода работы Г. Марковица (Марковиц, 1952). Принципиальным отличием модели Марковица явилось определение нового критерия в теории принятия инвестиционных решений — уровня риска через уровень разброса доходностей от их ожидаемых значений. Дальнейшее развитие теории портфеля связано с работами У. Шарпа. Им была предложена так называемая однофакторная модель рынка капиталов, в которой формирование инвестиционного портфеля осуществляется на основе регрессионного анализа. Позднее Дж. Тобин предложил включить в анализ безрисковые активы, например, государственные облигации. Работы У. Шарпа (Шарп, 2016), Дж. Линтнера (Lintner, 1965), Я. Мосина (Mossin, 1966), открыли следующий этап в инвестиционной теории, связанный с так называемой моделью оценки капитальных активов, или CAPM (Capital Asset Price Model). Основным результатом CAPM явилось установление соотношения между доходностью и риском актива для равновесного рынка. Далее М. Милером (Miller, 1978), М. Шоулсом и Ф. Блэком была предложена модель опционов. Эта модель основывалась на возможности осуществления безрисковой сделки с одновременным использованием акции и выписанным на нее опционом.

Задача формирования широко дифференцированного инвестиционного портфеля в классической постановке предполагает проведение расчетов оценок ожидаемых доходностей, уровня риска, ковариаций и других статистических характеристик по историческим данным одинаковой длины для всего перечня исследуемых финансовых инструментов. Ставится задача сформировать оптимальный портфель из рассматриваемого набора ценных бумаг: обыкновенных акций, производных финансовых инструментов, инвестиционных фондов недвижимости REIT, биржевых инвестиционных фондов ETF, ценных бумаг с фиксированным доходом (привилегированных акций, облигаций и др.); денежных средств в определенной валюте с заданной процентной ставкой наращивания, биржевых товаров, таких, например, как золото, нефть и др. (Markovitz, 1952; Шарп, 2016; Tobin, 1965; Lintner, 1965; Merton, 1971; Гитман и Джонк, 1997; Ферри, 2013; Bernstein, 2001; Герцекович, 2008; Герцекович, 2019 и мн. др.).

Перечисленные выше активы представляют собой различные отрасли промышленности и финансов. Большинство известных технических индикаторов: скользящая средняя, графические модели, MACD, ADX и др. (Элдер, 2003; ЛеБо, Лукас, 1999), одинаково эффективны для широкого круга инструментов. Ключевым показателем, определяющим специфику различных рынков и их индивидуальность, является показатель, отражающий «время жизни» актива. Наиболее характерными инструментами, различающимися по перечисленным выше показателям, можно назвать следующие: мясо свиное, мясо говяжье, медь, пшеница, японская иена, опционы, фьючерсные или форвардные контракты и мн. др. Различия в их динамике обуславливают различие в таких параметрах, как порядок уравнения авторегрессии, число точек осреднения для вычисления скользящей средней (Гитман и Джонк, 1997; Герцекович, 2008). Указанные различия в параметрах перечисленных моделей и обуславливают вариабельность оптимальных длин обучения различных финансовых инструментов (Дамодоран, 2007). Предложенное динамическое формирование базы исторических данных на основе принципа скользящей верификации инвестиционного портфеля имеет несомненную практическую значимость, так как позволяет связать воедино идентификацию оптимального размера обучающей выборки и специфику соответствующего рынка.

Критики портфельной теории негативно высказываются в основном о двух ее базовых положениях (см. например: Roll, 1977; Siegel, 1992):

1. Принимаемые инвестиционные решения основываются на предположении о том, что значения доходности и риска, вычисленные по прошлым данным, могут являться основой для формирования инвестиционной политики в настоящий момент времени (Шарп, 2016). Несмотря на то, что в многочисленных исследованиях возможность успешного прогнозирования динамики финансовых инструментов подвергается сомнению, авторы настоящего сообщения полагают:

- а) Можно перечислить обширный класс примеров моделей, позволяющих с удовлетворительной для инвесторов-практиков эффективностью синтезировать прогнозы динамики финансовых инструментов, представляющих различные рынки с заблаговременностью от месяца до года (портфель победителя: (Дамодоран, 2007; DeBondt, Thaler, 1985; DeBondt, Thaler, 1987; Jegadeesh, 1990; Jegadeesh, Titman, 1993), стратегию «портфель победителя» У. Шарп (Шарп, 2016) называет эту модель *momentum investors* — импульсные инвесторы (инерционные инвесторы), способ Дж. О'Шаughnessи (O'Shaughnessy, 2005), ставки на результаты спортивных состязаний, способ выбора акций у Грэма (Грэм, 2018) и др.
- б) Указать ряд удачных примеров, демонстрирующих на независимом материале результативность портфельного анализа, как в учебных, так и в практических задачах.
- с) Даже если принять крайнюю точку зрения о полной невозможности предсказать динамику финансовых инструментов, то и в этом случае базовые принципы портфельного анализа помогут сформировать такой инвестиционный портфель, характеристики «непопулярности» которого (такие как: исключение из рассмотрения финансовых инструментов, которые в недалеком прошлом показали негативные инвестиционные результаты, диверсификация и др.) позволят инвестору с минимальными потерями «пережить» неблагоприятный период времени.

2. Оценка вариации доходностей осуществляется по общепринятой формуле, в то время как для инвестора неблагоприятными являются только те случаи, когда ожидаемые доходности превосходят реальные (Фабозци, 2000). Апробации инвесторов-практиков показали, что применение полудисперсии не только не повышает качество получаемых оценок уровня риска, но и в некоторых случаях оказывает негативное влияние (Bernstein, 2001).

Методология. Исходя из изложенного выше и опираясь на основы теории портфеля, предлагается процедура синтеза инвестиционного портфеля на переменной обучающей выборке в основу которой положен принцип скользящей верификации (Герцекович, Бабушкин, 2019).

Пусть исследуемый набор ценных бумаг задан соответствующими временными рядами *одинаковой длины*, представляющими собой реализации котировок соответствующих ценных бумаг. Другими словами, данные, которыми располагает инвестор, представляют собой двухмерный массив, число строк в котором равно числу рассматриваемых ценных бумаг — m , а число столбцов n — объем исторических данных, т.е. число временных интервалов (баров). Введем следующие обозначения: $D_R(i, j)$ — реализованная доходность i -й ценной бумаги, j — номер временного интер-

вала (бара), $D_A(i, \kappa)$ — ожидаемая (рассчитанная инвестором) доходность i -й ценной бумаги, κ — номер временного интервала (бара) для которого эта величина рассчитана (табл. 1).

Таблица 1

Исторические данные о доходностях m активов

Номер актива	Номер временного интервала						
	1	2	...	q_I	q_I+1	...	n
1	$D_R(1, 1)$	$D_R(1, 2)$	...	$D_R(1, q_I)$	$D_R(1, q_I+1)$	...	$D_R(1, n)$
2	$D_R(2, 1)$	$D_R(2, 2)$	...	$D_R(2, q_I)$	$D_R(2, q_I+1)$	...	$D_R(2, n)$
...	...	...	...	...	...	...	...
m	$D_R(m, 1)$	$D_R(m, 2)$	...	$D_R(m, q_I)$	$D_R(m, q_I+1)$	...	$D_R(m, n)$

Источник: составлено авторами.

Ожидаемым результатом диверсификации является оптимальный портфель, т.е. перечень ценных бумаг из первоначального набора и соответствующих весов, с которыми они входят в результирующий инвестиционный портфель.

Поскольку портфельные инвесторы при принятии инвестиционных решений опираются на два базовых параметра: ожидаемую доходность и уровень риска, теорию портфеля называют двухпараметрической моделью (two-parameter model). Именно поэтому для выполнения поставленной задачи необходимо по временным рядам доходностей соответствующих ценных бумаг, которыми располагает инвестор, оценить будущую доходность и уровень риска уникальный для каждой ценной бумаги в отдельности и для инвестиционного портфеля в целом.

По Г. Марковицу (Марковиц, 1952) риск инвестиций в определенный тип ценных бумаг определяется вероятностью отклонения реализованной доходности от ожидаемого значения. Предположим, что в течение некоторого ближайшего временного интервала существующие на рынке тенденции сохранятся, тогда прогнозируемое значение доходности можно определить на основе обработки исторических данных о динамике котировок этих активов в прошлом, таким образом, ожидаемая доходность — это результат, на который инвестор может рассчитывать в течение ближайшего временного интервала (например, один месяц). Месячный интервал — это достаточно удобный и широко распространенный в инвестиционной практике временной горизонт. Так, например, помесечными данными по ценам и дивидендам финансовых инструментов, брокерские фирмы присылают месячные отчеты (Брейли, Майерс, 2008; Ferri, 2013) и мн. др.

Тогда разность между ожиданиями инвестора и фактической доходностью анализируемого временного интервала по каждому из рассма-

триваемых активов в полной мере отразит качество выработанного прогноза.

Иными словами, если $D_R(i, j) - D_A(i, j) = 0$, то ожидания инвестора выполняются в точности, если же $D_R(i, j) - D_A(i, j) > 0$, то ожидания инвестора перевыполняются. И наоборот, если $D_R(i, j) - D_A(i, j) < 0$, то ожидания инвестора оказались завышенными, а реальная доходность меньше предполагаемой. Примем это количественное выражение за основу для формирования критерия оптимальности.

В свою очередь, ожидаемая доходность — это средняя, которую можно рассчитать по последним одному, двум, трем и т.д. предшествующим значениям доходности изучаемого актива или группы активов. Продолжая увеличивать число исторических данных для вычисления ожидаемой доходности от текущего момента времени в прошлое, инвестор по априори выбранному критерию качества получает возможность синтезировать оптимальную длину обучающей выборки (т.е. такое наиболее приемлемое число исторических данных, которые будут использоваться для вычисления ожидаемой доходности).

Для повышения качества вырабатываемых инвестиционных стратегий предлагается процедура, предназначенная для восстановления медленно изменяющихся во времени базовых критериев портфельного анализа: доходности и риска, учитывающая эффект «старения» информации. Впервые задача подбора оптимальной длины обучающей последовательности при выборе наилучшей эмпирической модели была сформулирована Г. И. Гершенгорном (Гершенгерн, 1977).

Для иллюстрации эффекта медленного изменения во времени базовых критериев портфельного анализа ожидаемой доходности D_R и риска R_S были использованы известные данные за 1926–1993 гг. (Шарп, 2016, 5). Сравнение производилось по принципу скользящей верификации (Герцекевич, Бабушкин, 2019). С этой целью просчитывалась ожидаемая доходность и уровень риска за 1926–1974 гг. На графике (ось абсцисс) это временная точка «1975». Далее самые «старые» данные 1926 г. из рассмотрения исключались, а в анализ включались «свежие» данные 1975 г. (на графике временная точка «1976») и т.д. до 1993 г. включительно. По значениям ожидаемой доходности и риска рассчитывается отношение доходности к риску, которое наиболее информативно отражает те изменения, которые происходят на фондовом рынке США (рис. 1). Из рис. 1, по оси абсцисс которого откладывается время, а по оси ординат — отношение доходности к риску, следует, что начиная с середины 1970-х гг. инвестиционная привлекательность фондового рынка США практически неуклонно уменьшалась, тогда как в середине 1980-х гг. происходит достаточно уверенный разворот тенденции и начинается подъем, который продолжается до 1993 г. Достаточно высокая вариация критерия на рассматриваемом временном интервале свидетельствует о том, что критерий отношения ожидаемой

доходности к уровню риска не только информативен на достаточно высоком уровне, но и позволяет с достаточной для практических целей заблаговременностью предсказать угрозу наступления неблагоприятного в инвестиционном плане временного периода.

Для реализации алгоритма оптимизации величины обучающей выборки весь ряд доходностей в хронологическом порядке поделим на две непересекающиеся последовательности: обучающую — q_1 и проверочную — q_2 , тогда:

$$\begin{aligned} q_1 + q_2 &= n, \\ q_1, q_2 &> 0. \end{aligned}$$

По данным предшествующих доходностей, из подсистемы q_1 для каждого актива i , подбирается оптимальный интервал длины k , при котором по

$$D_R(i, t_{q_1-k}), D_R(i, t_{q_1-k+1}), \dots, D_R(i, t_{q_1}) \quad (1)$$

получаются наиболее точные прогнозы на

$$D_R(i, t_{q_1+1}), D_R(i, t_{q_1+2}), D_R(i, t_n). \quad (2)$$

Прогноз по данным проверочной последовательности осуществляется на основе принципа скользящей верификации.

Рис. 1. Дрейф отношения ожидаемой доходности к уровню риска

Источник: составлено авторами по материалам.

Данные (1) используются для «обучения» модели. Затем, по полученным критериям делается «экзамен» на данных (2). Алгоритм поиска оптимальной длины обучения инвестиционного портфеля с адаптацией базовых критериев работает следующим образом.

Пусть в обучающей последовательности будет $n_{об}$ наблюдений. По последним $n_{об}$ наблюдениям из q_1 рассчитывается ожидаемая доходность — $D_A(i, q_1 + 1)$. По найденной величине делается прогноз на следующую временную точку. $D_R(i, q_1 + 1)$ — это реальная доходность. Тогда $E_R(i, q_1 + 1)$ — ошибка прогноза:

$$E_R(i, q_1 + 1) = (D_R(i, q_1 + 1) - D_A(i, q_1 + 1)),$$

запоминается. Далее, первая временная точка из обучающей последовательности отбрасывается и добавляется первая точка из проверочной последовательности (на которой алгоритм скользящей верификации был испытан). Ожидаемая доходность пересчитывается по обновленным данным и т.д. Модель с заданным числом наблюдений на обучении $n_{об}$ последовательно испытывается на всех временных точках q_2 из проверочной последовательности.

Последовательно наращивая длину обучающей последовательности от 1 до q_1 , оптимальная длина обучающей последовательности ($n_{опт}$) для каждого i -го актива отыскивается по результатам значений следующих критериев:

1) Поиска минимума критерия $Kr(1)$:

$$Kr(1) = \min(S(n_{об})) = \sum_{j=q_{1+1}}^n (D_R(i, j) - D_A(i, j))^2.$$

Цель данного критерия — отыскать такую длину обучающей последовательности, при которой минимизируется средняя ошибка прогноза доходности (без учета знака ошибки).

2) Поиска максимума критерия $Kr(2)$:

$$S_1 = \sum_{j=q_{1+1}}^n (D_R(i, j) - D_A(i, j)), \text{ для случаев, когда } E_R(i, q_1 + 1) > 0.$$

$$S_2 = \sum_{j=q_{1+1}}^n (D_R(i, j) - D_A(i, j)), \text{ для случаев, когда } E_R(i, q_1 + 1) < 0.$$

Тогда критерий оптимальности $Kr(2)$ можно записать как:

$$Kr(2) = S_1 + S_2.$$

Цель критерия состоит в поиске такой (оптимальной) длины обучающей выборки, при которой достигает максимума сумма результатов благоприятных для инвестора прогнозов за вычетом результатов негативных результатов. Назовем его критерий оптимизма.

Последовательный сравнительный анализ эффективности модели осуществляется при ограничении на предельно допустимый уровень риска:

$$\sqrt{\frac{1}{q_2} \sum_{j=q_{1+1}}^n (D_R(i, j) - D_A(i, j))^2} \leq V, \quad (3)$$

где (3) — это стандартное отклонение результатов испытания модели с фиксированным число исторических данных на ее обучении, V — заданный инвестором, предельный уровень риска. Суть последнего неравенства состоит в том, чтобы исключить из рассмотрения те варианты

из числа рассмотренных, которые не отвечают поставленной задаче синтеза оптимального инвестиционного портфеля. Параллельный синтез оптимальных длин обучающей выборки по двум критериям обусловлен двумя причинами:

1. Критерий минимизации суммы квадрат ошибок не эффективен при исследовании временных рядов, в которых превалирует случайная составляющая (биржевые товары).
2. Анализ по двум критериям дает «панорамный» эффект, так как позволяет более обстоятельно изучить объект.

Выполнив идентификацию оптимальной длины обучения последовательно для каждого актива, из общего числа m , мы, вообще говоря, получаем одномерный массив, содержащий m элементов (m уникальных длин обучения для каждого исследуемого финансового актива) — $L(I: m)$.

Апробация. Предложенный метод синтеза оптимальной длины обучения был испытан на двух задачах, выбор которых обусловлен большим числом исторических данных:

Задача 1. Ценные бумаги. Данные о многолетней динамике фондового рынка США за 1926–1993 гг. (казначейские векселя ($Kв$), обыкновенные акции ($Ао$), долгосрочные государственные ($Ог$) и корпоративные облигации ($Ок$) а также данные о изменении индекса потребительских цен ($Ін$)) (Шарп, 2016). Для оценки оптимальной длины обучения данные за 1984–1993 гг. были выделены в проверочную последовательность. В табл. 2 приводятся ошибки прогноза $E_R(i, q_1 + 1)$, отражающие качество оценки ожидаемой доходности в зависимости от числа наблюдений (от 1 до 38 лет).

Таблица 2

**Поиск оптимальной длины обучения
для основных финансовых инструментов фондового рынка США
(критерий оптимизма)**

Длина обучающей выборки	$Kв$	$Ог$	$Ок$	$Ао$	$Ін$
1	–5,9	17,6	8,5	–12,5	–1,1
2	–9,4	1,4	–8,7	–19,4	–1,5
3	–13,6	1,9	–7,5	–10,1	–3,7
4	–16,6	4,6	–4,5	–14,4	–6,3
5	–18,8	10,1	1,3	–14,3	–9,6
6	–20,4	15,6	7,0	–12,5	–12,6
7	–21,4	19,2	10,8	–9,5	–15,0
8	–22,1	22,9	13,8	–7,9	–17,3
9	–22,4	28,2	17,9	–7,3	–19,5
10	–22,5	33,5	23,2	–3,4	–22,0
11	–22,4	38,0	27,8	3,1	–24,5
12	–21,7	44,7	34,7	8,7	–26,6

Длина обучающей выборки	$Kв$	$Oг$	$Oк$	$Aо$	$Iп$
13	–20,4	49,5	39,6	12,0	–27,9
14	–18,9	52,4	42,3	16,9	–28,5
15	–17,3	55,2	44,9	22,9	–28,6
16	–15,9	57,6	47,1	27,8	–28,4
17	–14,5	60,2	49,3	30,3	–28,0
18	–13,3	63,3	52,3	34,5	–27,6
19	–12,1	66,5	55,8	39,5	–26,9
20	–10,8	69,4	58,6	41,8	–25,8
21	–9,4	71,9	61,1	42,1	–24,4
22	–8,2	74,1	63,3	43,7	–23,0
23	–6,9	76,7	65,5	44,6	–21,7
24	–5,6	79,0	68,0	45,6	–20,3
25	–4,2	82,5	70,0	45,7	–18,8
26	–2,8	83,0	72,0	44,5	–17,3
27	–1,5	84,3	73,4	44,7	–16,0
28	–0,2	85,9	74,9	44,4	–14,7
29	2,3	88,8	77,6	42,6	–12,4
30	2,5	88,6	77,6	41,2	–12,2
31	3,7	89,7	78,7	39,9	–11,1
32	5,0	91,0	79,9	37,9	–10,0
33	6,1	92,3	81,3	36,1	–9,1
34	7,3	93,9	82,8	33,5	–8,5
35	8,4	95,2	84,1	30,8	–7,7
36	9,5	96,1	85,1	29,4	–7,0
37	10,6	97,3	86,4	27,5	–6,6
38	11,7	98,3	87,4	26,2	–6,5
Статистические показатели					
Стандартное отклонение (на q_2)	2,5	10,2	9,0	12,7	1,7
Оптимальная длина обучения — ($n_{об}$)	40	40	40	24	1
Ожидаемое превышение реальной годовой доходности при оптимальной длине обучения	1,2	9,8	8,7	4,6	–0,1
Соотношение числа удачных прогнозов к числу неудачных в точке экстремума	2,3	9	9	1	1

Источник: составлено авторами.

В табл. 2 и 3 стандартное отклонение и другие результаты статистической обработки приведены по данным проверочной последовательности. По долгосрочным государственным и корпоративным облигациям получены сравнимые по качеству прогнозы, что свидетельствует о том, что кор-

поративные облигации наравне с государственными можно использовать как одну из составляющих при формировании широко дифференцированного инвестиционного портфеля. Сравнительные оценки качества прогнозов соответствуют общепринятым представлениям специалистов. Так, например, соотношение числа удачных прогнозов к неудачным для обыкновенных акций значительно превосходит таковое для казначейских векселей и облигаций. При прогнозе изменения индекса потребительских цен оптимальная длина обучения оказалась равной минимально возможному значению, что свидетельствует о неоспоримом превосходстве так называемого инерционного прогноза (этот, уникальный результат получен и по критерию максимальной близости) (рис. 2). Для обыкновенных акций оптимальная длина обучающей выборки, синтезированная по критерию максимальной близости, так же оказалась близкой к результатам, представленным в табл. 2 (рис. 2). Оптимальные длины для казначейских векселей и облигаций достигаются на правой границе.

Задача 2. Биржевые товары. Данные за 1945–2017 гг. о динамике урожайности сельскохозяйственных культур в России (зерновые в целом (*Z*), сахарная свекла (*Ss*), овощи (*Ow*), картофель (*Kr*), подсолнечник (*Ps*)) (Инвестиции в России. 2017, 2017). По указанным данным для вышеперечисленных культур были рассчитаны приросты урожайности (в %). Для простоты изложения в дальнейшем будем называть их доходностями. Для оценки оптимальных длин обучения данные 1985–2017 гг. были выделены в проверочную последовательность. Результаты апробации процедуры поиска оптимальной длины обучения (соответствующие ошибки прогноза — $E_R(i, q_1 + 1)$) представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Поиск оптимальной длины обучения для биржевых товаров
(критерий оптимизма)**

Длина обучающей выборки	<i>Z</i>	<i>Ss</i>	<i>Ps</i>	<i>Kr</i>	<i>Ow</i>
1	–9,0	–18,2	–27,9	19,5	8,9
2	5,0	–10,4	–18,9	15,9	9,3
3	6,2	–11,9	–13,2	16,2	10,2
4	0,2	–28,6	–18,3	10,7	7,8
5	5,5	–30,8	–17,8	11,4	6,6
6	3,3	–35,2	–15,8	12,8	6,5
7	9,5	–25,5	–9,8	19,3	8,8
8	8,3	–21,0	–6,3	21,8	8,9
9	8,6	–18,8	–3,8	22,4	8,9
10	4,5	–18,5	–1,4	24,6	10,2
11	4,4	–18,6	2,0	23,7	11,4
12	5,7	–14,5	5,1	26,5	13,5

Длина обучающей выборки	Z	Ss	Ps	Kr	Ow
13	4,0	−16,9	5,3	23,7	12,1
14	4,0	−16,3	6,3	23,2	12,3
15	3,8	−14,0	7,8	24,4	13,6
16	1,8	−12,2	10,2	24,8	14,1
17	2,6	−9,2	12,6	25,6	14,8
18	2,5	−6,4	15,0	26,5	16,1
19	3,5	−4,2	15,8	26,3	16,4
20	0,6	−4,0	15,8	25,8	16,4
21	−0,2	−2,9	17,3	25,3	16,9
22	−1,7	−5,2	15,9	23,4	15,9
23	−2,6	−4,6	16,0	22,1	15,8
24	−4,4	−5,3	15,5	21,3	15,8
25	−5,9	−4,8	14,1	20,3	15,3
26	−6,9	−5,8	11,5	19,6	14,3
Статистические показатели					
Стандартное отклонение (на q_2)	14,8	78,5	13,4	30,8	42,1
Оптимальная длина обучения ($n_{об}$)	7	21	21	18	21
Ожидаемое превышение реальной годовой доходности при оптимальной длине обучения	0,3	−0,1	0,5	0,8	0,5
Соотношение числа удачных прогнозов к числу неудачных в точке экстремума	1,1	0,9	0,9	1,0	1,3

Источник: составлено авторами.

В целом, на рассматриваемом временном интервале по биржевым товарам наилучшие по точности прогнозы получены по зерновым в целом и по овощам, наихудшие — по сахарной свекле — систематическое завышение прогноза. Последнее может быть обусловлено тем, что для этой культуры стандартное отклонение в несколько раз превосходит по величине другие культуры (Брейли, Майерс, 2008). По величине соотношения числа удачных прогнозов к неудачным, лидером являются овощи.

Рисунок 2 представляет собой визуализацию результатов синтеза оптимальных длин обучения для оценки ожидаемой доходности в модели Г. Марковица. На графике, кроме исходных сельскохозяйственных культур, отображены результаты усреднения результатов оптимизации. На графике по оси абсцисс откладывается величина обучающей выборки, а по оси ординат — величина критерия максимального оптимизма. На последнем из шести представленных графиков показаны результаты оптимизации по усредненным значениям критерия оптимальности для задачи 2. Смысл такого усреднения — демонстрация эффективности предлага-

емого подхода. А именно, сторонники классического подхода в задаче формирования инвестиционного портфеля могут воспользоваться полученным результатом следующим образом: для оценки ожидаемой доходности и уровня допустимого риска инвестору необходимо и достаточно использовать исторические данные за последние 19 лет.

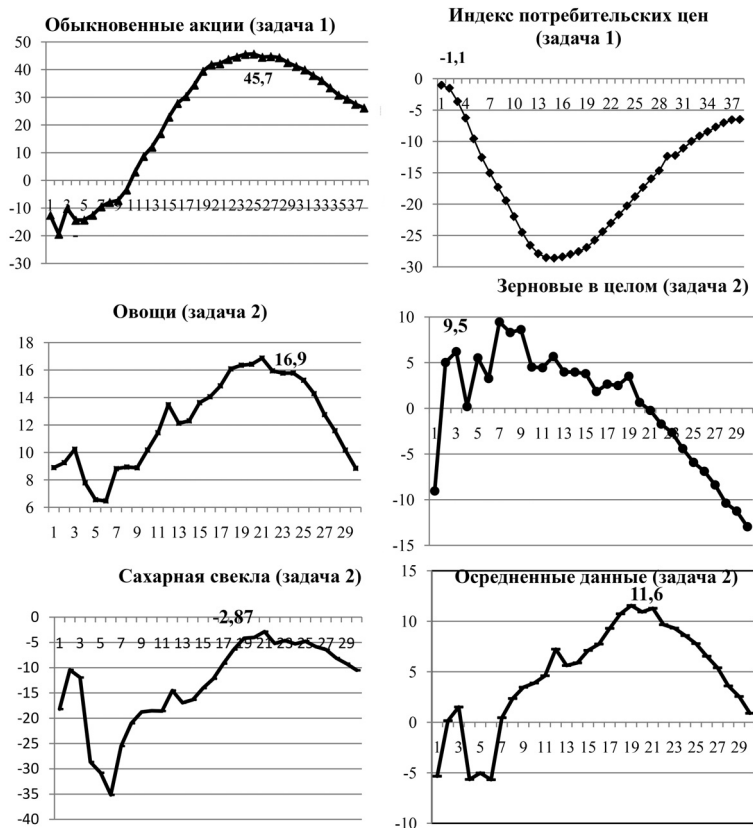

Рис. 2. Визуализация результатов поиска оптимальной длины обучения
Подписи на рисунках указывают оптимальное значение критерия оптимальности.
Источник: составлено авторами по материалам.

Для индекса изменения потребительских цен оптимум находится на левой границе. В общем случае, по окончании полного исследования по синтезу оптимальных величин обучения для достаточно широкого набора финансовых активов, инвестору в его дальнейшей практической деятельности при расчете базовых критериев портфельного анализа (ожидаемой доходности и уровня риска) рекомендуется использовать обучающие выборки различной, уникальной для каждого актива, длины. Правый край

этих выборок соответствует текущему моменту времени, тогда как левые края будут различаться.

В дальнейшем, в рамках ближайшего инвестиционного горизонта (принятого временного интервала или бара), найденные величины оптимальных длин обучения необходимо регулярно уточнять на основе вновь поступившей информации.

Список литературы

Брейли, Р., Майерс, С. (2008). *Принципы корпоративных финансов* М.: ЗАО «Олимп-Бизнес».

Герцекевич, Д. А., Бабушкин Р. В. (2019). Динамический портфельный анализ мировых фондовых индексов. *Мир экономики и управления*, Т. 19, № 4, 14–30. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-4-14-.

Герцекевич, Д. А. (2008). *Количественные методы анализа финансовых рынков* Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та.

Гершенгорн, Г. И. (1977). Пакет программ для построения эмпирических дифференциальных уравнений. *Долгосрочные прогнозы природных явлений*. Новосибирск : Наука.

Гитман, Л. Дж., Джонк, М. Д. (1997). *Основы инвестирования*. М.: Дело.

Грэм, Б. (2018). *Разумный инвестор: Полное руководство по стоимостному инвестированию*. М.: Альпина Паблишер.

Дамодоран, А. (2007). *Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов*. М.: Альпина.

Инвестиции в России. 2017. Стат. сб. Росстат. М.

Кейнс, Дж.М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. М.: Эксмо.

ЛеБо, Ч., Лукас, Д. В. (1999). *Компьютерный анализ фьючерсных рынков*. М.: Альпина.

Фабозци, Ф. Дж. (2000). *Управление инвестициями*. М.: ИНФРА-М.

Ферри, Р. (2013). *Все о распределении активов. Легкий способ начать свой путь*. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер».

Шарп, У., Александер, Г., Бэйли, Дж. (2016). *Инвестиции*. М.: ИНФРА-М.

Элдер, А. (2003). *Как играть и выигрывать на бирже*. М.: Диаграмма.

Bernstein, U. (2001). *The Intelligent Asset Allocator. How to Build Your Portfolio to Maximize Returns and Minimize Risk*. The McGraw-Hill Companies, Inc.

DeBondt, W. F. M., Thaler, R. (1985). Does the stock market overreact? *Journal of Finance*, Vol. 40, 793–805.

DeBondt, W. F. M., Thaler, R. (1987). Further evidence on investor overreaction and stock market seasonality. *Journal of Finance*, Vol. 42, 557–581.

Jegadeesh, N. (1990). Evidence of Predictable Behavior of Security Returns. *Journal of Finance*, Vol. 45, № 3, 890–891.

Jegadeesh, N., Titman, S. (1993). Returns to Buying Winners and Selling Losers: Implications for Stock Market Efficiency. *Journal of Finance*, Vol. 48, № 1, 65–91.

O'Shaughnessy, J. (2005). *What Works on Wall Street*. McGraw-Hill, XVI, 273–295.

Fisher, I. (1930). *The Theory of Interest*. The Macmillan Company, N. Y.

Gertsekovich, D., Grigorova, L., Peshkov, V. (2019). Return on investment in REIT real estate funds. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 667(1), № 012025.

- Keynes, J. M. (1936). *General Theory of Employment, Interest and Money*. Harcourt, Brace, N. Y.
- Keynes, J. M. (1937). General Theory of Employment. *Economic Journal*, Vol. 51, № 2.
- Lintner, J. (1965). The Valuation of Risk Assets and the Selection of Risky Investments in Stock Portfolios and Capital Budgets. *Review of Economics and Statistics*, 47, 1, 13–37.
- Markovitz, H. M. (1952). Portfolio selection. *J. of Finance*, Vol. 7, № 1, 77–91.
- Merton, R. C. (1971). Optimum consumption and portfolio rules in a continuous time model. *Journal of Economic Theory*, 3, 373–413.
- Miller, M. H. (1978). Dividends and Taxes, *Journal of Financial Economics*. M. Scholes, 6.
- Mossin, J. (1966). Equilibrium in a Capital Asset Markets. *Econometrica*, Vol. 34, № 4, 768–783.
- Roll, R. A. (1977). Critique of the Asset Pricing Theory's Tests. Part 1. On Past and Potential Testability of the Theory. *Journal of Financial Economics*, 4, № 2 (March), 129–176.
- Siegel, J. J. (1992). The Equity Premium: Stock and Bond Returns Since 1802. *Financial Analysts Journal*, 48, № 1 (January/February), 28–38.
- Tobin, J., Hahn, F. H., Brechling, F. P. R. (1965). *The Theory of Portfolio Selection. Theory of Interest Rates*. London: MacMillan.

References

- Breyli, R., Mayers, C. (2008). *The principles of corporate finance*. M.: Company «Olimp — Buisness».
- Gercekovich, D. A., Babushkin R. V. (2019). Dynamic Portfolio Analysis of World Stock Indexes. *World of Economics and Management*, V. 19, № 4. 14–30. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-4-14-.
- Gercekovich, D. A. (2008). *Quantative methods of market analysis*. Irkutsk: Irkutsk state university publisher.
- Gershengorn, G. I. (1977). *A software package for constructing empirical differential equations. Longterm forecasts of natural phenomena*. Novosibirsk: Science.
- Gitman, L. Dj., Djonk, M. D. (1997). *The basis of investment*. M.: Delo.
- Gram, B. (2018). *Reasonable investor: The complete guide to value investing*. M.: Alpina Publisher.
- Damodaran, A. (2007). *Investment estimation: Tools and methods of estimation of any assets*. M.: Alpina.
- Investments in Russia* (2017). Statitics. Rosstat. M.
- Keins, Dj. M. (2007). *General theory of employment, interest and money. Favorites*. M.: Eksmo.
- LeBo, Ch., Lukas, D. V. (1999). *Computer analysis of futures markets*. M.: Alpina.
- Fabocci, F. J. (2000). *Investments management*. M.: INFRA-M.
- Ferri, R. (2013). *All about asset allocation. An easy way to start your journey*. M.: «Mann, Ivaniv, Ferber» Publisher.
- Sharp, U., Alexander, G., Beyli, J (2016). *Investments*. M.: INFRA-M.
- Elder, A. (2003). *How to play and win on markets*. M.: Diagramma.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

А. А. Комзолов¹

РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва, Россия)

Т. В. Кириченко²

РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва, Россия)

В. Д. Бархатов³

РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва, Россия)

М. В. Манежева⁴

ООО «НИИГазэкономика» (Москва, Россия)

УДК: 331.45

АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ

В статье представлен обзор основных существующих методических подходов к проведению процедуры количественной оценки профессиональных рисков работников организаций. Методологическую основу работы составляют анализ актуальных научных публикаций, а также исследование методов и инструментов, используемых при выполнении оценки профессиональных рисков. В рамках исследования авторами определены преимущества и недостатки использования каждой рассматриваемой методики, дана оценка возможности применения методик при обосновании мероприятий по улучшению условий труда и снижению производственного травматизма и профессиональной заболеваемости. В ходе исследования выявлено, что большинство действующих методик, основанных на балльно-интервальных системах оценки и матричных методах, имеет существенные ограничения, в том числе невозможность их применения для формирования перечня мероприятий по снижению профессиональных рисков и низкий уровень обоснованности используемых параметров и критериев оценки рисков. На основании проведенного анализа авторами сформу-

¹ Комзолов Алексей Алексеевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой безопасности цифровой экономики и управления рисками, РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина; e-mail: aes@ганера.ru, ORCID: 0000-0001-6268-854X.

² Кириченко Татьяна Витальевна — д.э.н., профессор, заместитель зав. кафедрой безопасности цифровой экономики и управления рисками, РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина; e-mail: TVKirichenko@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6408-0228.

³ Бархатов Владимир Дмитриевич — к.э.н., доцент кафедры безопасности цифровой экономики и управления рисками, РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина; e-mail: vdbar@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1137-7263.

⁴ Манежева Мария Валерьевна — м.н.с. отдела анализа профессиональных рисков, ООО «НИИГазэкономика»; e-mail: mariamanezheva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3644-5007.

лированы требования к методическому подходу к количественной оценке профессиональных рисков.

Ключевые слова: охрана труда, профессиональные риски, количественная оценка, производственный травматизм, профессиональные заболевания, методический подход.

Цитировать статью: Комзолов, А. А., Кириченко, Т. В., Бархатов, В. Д., & Манежева, М. В. (2022). Анализ методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 110—141. <https://doi.org/10.38050/01300105202226>.

A. A. Komzolov

Gubkin University (Moscow, Russia)

T. V. Kirichenko

Gubkin University (Moscow, Russia)

V. D. Barkhatov

Gubkin University (Moscow, Russia)

M. V. Manezheva

Niigazeconomika LLC (Moscow, Russia)

JEL: J28

THE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO OCCUPATIONAL RISK ASSESSMENT

The article presents an overview of the main available methodological approaches to implement the procedure of a quantitative assessment of workforce's occupational risk in companies. The research methodology is based on the analysis of recent scientific publications and the investigation of methods and tools used in occupational risk assessment. In this study, the authors identify the advantages and disadvantages of using each methodology considered, assess the feasibility of the methods applied in activities aimed at improving the working conditions, industrial traumatism and occupational diseases reduction. The study proves that existing techniques based on rating-interval evaluating systems and matrix methods have significant limitations including infeasibility of application for the development of the list of activities to reduce occupational risk and a low level of evidence of the indicators and the assessment criteria applied. The analysis concludes with the requirements for the methodological approach to a quantitative occupational risk assessment.

Keywords: labor protection, occupational risk, quantitative assessment, industrial traumatism, occupational diseases, methodological approach.

To cite this document: Komzolov, A. A., Kirichenko, T. V., Barkhatov, V. D., & Manezheva, M. V. (2022). The analysis of methodological approaches to occupational risk assessment. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 110—141. <https://doi.org/10.38050/01300105202226>.

Введение

В контексте настоящей статьи профессиональный риск трактуется как неопределенное событие, которое при реализации может оказать негативное влияние на состояние здоровья работников в результате воздействия вредных и опасных производственных факторов. Применение данного определения обусловлено положениями Стандарта Комитета спонсорских организаций Комиссии Тредвея (COSO) (The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2017), стандарта по управлению рисками PMI (Project Management Institute, 2019), международного стандарта ISO 31000 (International Organization for Standardization, 2018) (отечественный аналог — ГОСТ Р ИСО 31000 (Менеджмент риска. Принципы и руководство, 2019)), где под риском понимается следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей.

В соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) (ст. 209, 212, 219), а также ч.1 ст. 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2001) работодатель обязан информировать работников об условиях труда на рабочих местах, в том числе об уровнях существующих профессиональных рисков.

Статья 209 ТК РФ (Трудовой кодекс Российской Федерации, 2001) и ст. 3 Закона № 125-ФЗ (Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, 1998) определяют два основных вида последствий реализации профессиональных рисков: возникновение профессионального заболевания в результате воздействия вредных и опасных производственных факторов и травмирование при несчастном случае на производстве.

На сегодняшний день отсутствуют единый концептуальный подход и утвержденная унифицированная методика оценки профессиональных рисков. Работодатель вправе руководствоваться любыми действующими документами для выбора метода оценки риска, который будет определен с учетом имеющихся производственных процессов и технологий, характера выполняемых работ и закреплен в локальных актах организации.

Приказом Минтруда РФ №796 утверждены рекомендации по выбору метода оценки уровня профессиональных рисков (Об утверждении Рекомендаций по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков, 2021). В рекомендациях представлен ряд критериев, которыми необходимо руководствоваться при выборе метода оценки уровня профессиональных рисков, дано краткое описание применяемых в Российской Федерации и зарубежной практике методов оценки уровня профессиональных рисков, а также рассмотрены процесс и этапы выбора метода оценки. Методы, изложенные в разра-

ботанном документе, в полном объеме представлены в международном стандарте ISO 31010 (International Organization for Standardization, 2019), отечественный аналог — ГОСТ Р 58771 (Менеджмент риска. Технологии оценки риска, 2019).

Целью исследования, представленного в статье, является сравнительный анализ ряда методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков.

Задачи исследования включают:

- определение основных методических подходов к оценке профессиональных рисков;
- проведение сравнительного анализа рассматриваемых методических подходов, выявление возможностей и ограничений их применения;
- разработку требований к методическому подходу к количественной оценке профессиональных рисков на основании существующих нормативно-методических актов, стандартов по управлению рисками и результатов сравнительного анализа рассматриваемых методических подходов.

В данной статье авторами были выдвинуты следующие гипотезы:

гипотеза 1: в существующих методических подходах отсутствует возможность оценки профессиональных рисков количественно (с получением численного результата, например, в натуральном или денежном выражении);

гипотеза 2: существующие методические подходы не позволяют обобщать мероприятия по снижению профессиональных рисков.

Данные гипотезы проверены в рамках исследования настоящей статьи.

Анализ теоретико-методологических подходов к оценке профессиональных рисков

Анализ российских и международных подходов к оценке профессиональных рисков приводится в ряде научных публикаций (Сердюк, 2016; Старовойтов и др., 2018; Ефремова, 2010; Быстрова, 2007; Минько, 2002; Севастьянов, 2008).

В настоящей статье представлен сравнительный анализ существующих методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков на примере следующих положительно зарекомендовавших себя в зарубежной и/или российской практике и представляющих научный интерес методик:

- Методика оценки и управления рисками EcoStandard group;
- Методика оценки профессиональных рисков с использованием индекса ОВР (разработана АНО «Институт безопасности труда»);

- Методика оценки индивидуального профессионального риска (разработана ФГБНУ «НИИ медицины труда» совместно с ЗАО «Клинический институт охраны труда»;
- Методика анализа и оценки рисков ОАО «РЖД»;
- Многофакторная оценка профессиональных рисков по показателям состояния охраны труда (ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России);
- Методика оценки показателей профессионального риска, установленных Фондом социального страхования РФ;
- Методология Failure Mode and Effects Analysis (Анализ видов и последствий отказов);
- Методика экспертной оценки рисков Норвежской компании Det Norske Veritas (DNV).

Методика оценки и управления рисками EcoStandard group

Концепция методики оценки профессиональных рисков EcoStandard group базируется на использовании метода Файн-Кинни, усовершенствованного в части определения граничных значений интервалов вероятности (красная, желтая и зеленая зоны в блоке «Вероятность»). Модификация метода направлена на снижение субъективной составляющей в процессе экспертной оценки (EcoStandard group, 2020).

Суть метода Файн-Кинни заключается в трехмерной оценке профессиональных рисков работника по составляющим, выраженным в условных баллах:

- степень подверженности работника воздействию вредных и опасных факторов на рабочем месте (длительность воздействия опасности в течение рабочего дня (смены);
- вероятность возникновения риска на рабочем месте;
- последствия для здоровья работника в случае реализации риска.

В рамках метода Файн-Кинни для более точной оценки профессиональных рисков учитываются наиболее тяжелые последствия.

Так, для каждой идентифицированной опасности определяется индекс профессионального риска по формуле:

$$I_{\text{ПР}} = \text{П}_\text{д} \cdot \text{В}_\text{р} \cdot \text{П}_\text{с}, \quad (1)$$

где $\text{П}_\text{д}$ — подверженность профессиональному риску; $\text{В}_\text{р}$ — вероятность реализации риска; $\text{П}_\text{с}$ — последствия реализации риска.

Применяемые весовые коэффициенты, используемые в методе, указаны в табл. 1.

Таблица 1

Определение балльных значений вероятности, подверженности, последствий в рамках метода Файн-Кинни

Вероятность		Подверженность		Последствия	
Баллы	Прогноз вероятности несчастного случая	Баллы	Характер воздействия опасности	Баллы	Описание тяжести последствий
0,1	Фактически невозможно	0,5	Очень редко (до 1 раза в год)	1	Микротравма
0,2	Почти невозможно				
0,5	Можно представить, но невероятно	1	Редко, не чаще 1 раза в месяц	3	Несчастные случаи с легким исходом с оформлением листка временной нетрудоспособности
1	Невероятно	2	Иногда (не чаще 1–3 раз в месяц)	7	Несчастные случаи с тяжелым исходом с оформлением листка временной нетрудоспособности. Установление групп инвалидности
3	Нехарактерно, но возможно	3	В среднем — 1 раз в неделю	15	Групповые несчастные случаи с тяжелым исходом. Смертельные случаи
6	Очень вероятно	6	Ежедневно в течение рабочего дня	40	Гибель людей и материальных ценностей, разрушения оборудования зданий и сооружений
10	Скорее всего произойдет	10	Постоянно в течение рабочей смены	100	Чрезвычайная ситуация с большим числом жертв

Источник: EcoStandard group (2020).

Установленные уровни риска ранжируются с учетом тяжести последствий и срочности принятия корректирующих мер по шкале, приведенной в табл. 2.

**Значимость риска и приоритетность мероприятий по его снижению
в рамках метода Файн-Кинни**

Индекс профессионального риска, $I_{\text{пр}}$	Значимость профессионального риска	Приоритет мероприятий по снижению уровня профессиональных рисков
0–20	Малый риск	Специальных мер не требуется. Следует контролировать уровень опасности
21–70	Умеренный риск	Обратить внимание, спланировать и выполнить мероприятия по снижению риска
71–200	Значительный риск	Необходимо запланировать и выполнить мероприятия по снижению риска в сжатые сроки
201–400	Высокий риск	Необходимо принятие экстренных мер по снижению риска
Более 400	Сверхвысокий риск	Необходимо прекратить деятельность до устранения опасности или снижения риска

Источник: EcoStandard group (2020).

По данной методике, значения индекса профессионального риска $I_{\text{пр}}$ менее 20 баллов (реже — до 70 баллов) формируют границу допустимого (приемлемого) риска.

К недостаткам метода можно отнести получение качественных оценок профессиональных рисков и отсутствие алгоритма перевода этих оценок в количественный вид, а также возникновение двойного счета (по параметрам «Вероятность» и «Подверженность») при вычислении индекса профессионального риска. Кроме того, в методике EcoStandard group не отражен порядок учета профессиональных заболеваний.

**Методика оценки профессиональных рисков
с использованием индекса ОВР
(АНО «Институт безопасности труда»)**

Данный методологический подход является модифицированным методом Элмери, разработанным АНО «Институт безопасности труда».

Согласно методике, процесс оценки профессиональных рисков работников заключается в использовании индекса ОВР и основан на процедуре ранжирования уровня требований безопасности (Старовойтов, 2018).

Метод представляет собой систему контроля безопасности условий труда, основанную на принципе наблюдения за состоянием условий труда на рабочих местах.

Исследуемый в данной методике показатель — Индекс ОВР — выражается в виде отношения «соответствует» — «не соответствует», при этом несоответствия классифицируются как обязательные, важные и рекомендации:

- пункты с индексом «О» (обязательные) содержат наиболее важные требования безопасности, несоблюдение которых может привести к травме или профзаболеванию;
- пункты с индексом «В» (важные) содержат требования безопасности, несоблюдение которых не приводит непосредственно к травме или заболеванию, но указывает на недостаточный уровень организации деятельности в области охраны труда или может привести к более тяжелым последствиям несчастного случая;
- пункты с индексом «Р» (рекомендации) содержат требования по организации рабочего места и трудового процесса, которые носят рекомендательный характер, но выполнение которых свидетельствует об уровне культуры производственной безопасности в компании и внимании руководства и персонала к вопросам охраны труда.

Соответствие каждому из пунктов О, В, Р на анализируемом рабочем месте оценивается в 3, 2 и 1 балл соответственно. Индекс ОВР рассчитывается по формуле:

$$\text{Индекс ОВР} = \frac{\text{COOTB}("O".3 + "B".2 + "P".1)}{\text{BCE}("O".3 + "B".2 + "P".1)} \cdot 100. \quad (2)$$

Задачи, которые решает данный метод:

- выявление нарушений требований инструкций и правил по охране труда;
- снижение числа факторов рисков, способствующих возникновению несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;
- формирование предложений в план мероприятий по улучшению условий труда в компании.

Получаемые по методике результаты не учитывают вероятность профзаболеваний при работе во вредных условиях труда. Данное обстоятельство объясняется тем, что средства индивидуальной защиты снижают уровни вредного воздействия производственных факторов (при условии соблюдения порядка и правил использования СИЗ), следовательно, в ходе проведения производственного контроля нарушения не фиксируются. Данный метод также не позволяет подробно проанализировать и определить источники возникновения опасных и вредных производственных факторов, а, следовательно, и оценивать конкретные риски на рабочем месте.

Фактически применение данной методики ограничивается аудитом условий труда, проводимым с целью выявления несоответствий с точки зрения законодательных требований к условиям труда на предприятии, и не позволяет ранжировать рабочие места по уровню профессиональных рисков и обосновывать мероприятия (за исключением мероприятий по устранению серьезных нарушений).

Методика оценки индивидуального профессионального риска (ИПР)

Специалистами ЗАО «Клинский институт охраны и условий труда» разработана методика оценки индивидуального профессионального риска (далее — ИПР) с учетом условий труда на рабочем месте (по результатам измерений в ходе специальной оценки условий труда и производственного контроля) и состояния здоровья работника (Клинский институт охраны и условий труда, 2008).

В методике ИПР учитываются случаи профзаболеваний и травмирования на данном рабочем месте. Результатом расчетов является одночисловой показатель риска.

Исходные данные для расчета ИПР работника включают:

- условия труда на рабочем месте в процессе выполнения сотрудником профессиональной деятельности;
- состояние здоровья работника;
- возраст работника;
- трудовой стаж работника во вредных и (или) опасных условиях труда;
- число зарегистрированных в истекшем году случаев травмирования и профзаболеваний на данном и аналогичных рабочих местах.

Показатель вредности условий труда на рабочем месте определяется по формуле (3) на основании результатов, полученных при проведении СОУТ (табл. 3):

$$ПВ = (B_{\phi} - B_{\text{д}}) \cdot K_{\text{бм}}, \quad (3)$$

где B_{ϕ} — сумма баллов для всех факторов на рабочих местах (балл определяется по табл. 3); $B_{\text{д}}$ — сумма баллов для всех факторов рабочих мест при условии, что по результатам специальной оценки условий труда им присвоен класс 2 (допустимый); $K_{\text{бм}} = 0,5$ — коэффициент перевода в безразмерный вид (балл).

Балльная оценка классов условий труда в рамках метода ИПР

Класс условий труда, установленный для фактора	1	2	3.1	3.2	3.3	3.4	4
Балл (вес вредности условий труда для фактора)	2	2	4	8	16	32	64

Источник: (Клинский институт охраны и условий труда, 2008).

Интегральная оценка (ИОУТ) вредности и опасности условий труда на рабочем месте определяется с учетом воздействия производственных факторов с различными классами вредности на основе ранжирования рабочих мест организации по формуле:

$$\text{ИОУТ} = \frac{100 \cdot [(ПВ - 1) \cdot 6 + P]}{2334}, \quad (4)$$

где 100 — коэффициент пропорциональности; 2334 — число, характеризующее все теоретически возможные уникальные комбинации значений ПВ ≥ 1 , РТ и ОЗ; Р — ранг, устанавливаемый на основании экспертных коэффициентов.

Показатели состояния здоровья работника З, возраста В и стажа работы во вредных условиях труда С определяются по соответствующим экспертным коэффициентам (Клинский институт охраны и условий труда, 2008).

Для определения величины индивидуального профессионального риска работника используется взвешенное суммирование значений показателей ИОУТ, З, В, С.

В рамках рассматриваемой методики веса (w_i) отдельных факторов риска определяются с учетом значимости данных факторов в формировании ИПР, согласно которым показателю «условия труда» присваивается индекс 0,5; показателю «состояние здоровья работника» — 0,2; показателю «возраст» — 0,1; показателю «стаж работы в неблагоприятных условиях труда» — 0,2.

Суммирование взвешенных значений всех показателей, приведенных к относительным значениям, производится по формуле:

$$SUM = w_1 \cdot \frac{1}{15} \cdot \text{ИОУТ} + w_2 \cdot \frac{1}{5} \cdot З + w_3 \cdot \frac{1}{5} \cdot В + w_4 \cdot \frac{1}{5} \cdot С. \quad (5)$$

Показатели травматизма ($П_T$) и заболеваемости ($П_З$) рассчитываются с использованием безразмерных коэффициентов.

Индивидуальный профессиональный риск (ИПР) работника определяется по формуле:

$$\text{ИПР} = SUM \cdot П_T \cdot П_З. \quad (6)$$

По результатам оценки показателей определяется уровень индивидуального профессионального риска работника (ИПР) на основании табл. 4.

Таблица 4

Интервальная шкала индивидуального профессионального риска

Шкала ИПР	Значение	Характеристика ШХР
1	Менее 0,13	Низкий уровень риска
2	0,13–0,21	Средний уровень риска
3	0,22–0,39	Высокий уровень риска
4	От 0,4 и выше	Очень высокий уровень риска

Источник: (Клинский институт охраны и условий труда, 2008).

Особенностями методики ИПР, которые следует учитывать при использовании в рамках оценки профессиональных рисков работников организаций, являются трудоемкость процедуры подготовки исходных данных, субъективность экспертных оценок, отсутствие обоснования применения безразмерных коэффициентов, ограниченность использования методики расчета показателя ИОУТ.

Методика анализа и оценки рисков ОАО «РЖД»

Оценка профессиональных рисков по методике, разработанной в ОАО «РЖД», проводится в два этапа (*Методика анализа и оценки профессиональных рисков в ОАО «РЖД»*, 2005).

На первом этапе, который является предварительным, осуществляется базовая оценка рисков на основе произошедших и учтенных событий.

К основным задачам базовой оценки рисков относятся определение уровня травматизма, профессиональной заболеваемости, потенциальной опасности технических устройств, воздействия опасных и вредных производственных факторов, и расчет общего рейтинга опасности по каждому подразделению. Впоследствии на основе этих данных оценивается эффективность проведения корректирующих мероприятий.

Исходными данными для проведения базовой оценки рисков являются:

1. Данные о производственном травматизме.
2. Данные об учтенных случаях профессиональных заболеваний.
3. Информация о микротравмах на производстве.
4. Результаты аттестации рабочих мест.
5. Сведения о потенциальной опасности технических устройств.

Результаты базовой оценки рисков также используются для второго, углубленного этапа оценки.

Риск получения травмы для работника подразделения u профессии p по причине c в y -м году рассчитывается по формуле:

$$R_{ирсу} = \frac{N_{ирсу}}{N_{уу}} Y_{ирсу}, \text{ руб./год}, \quad (7)$$

где $N_{ирсу}$ — количество случаев производственного травматизма работников подразделения u профессии p по причине c в y -м году; $N_{уу}$ — количество работников подразделения u в y -м году; $Y_{ирсу}$ — ущерб, нанесенный ОАО «РЖД» в результате случаев производственного травматизма произошедших с работниками подразделения u профессии p по причине c в y году, руб.

Расчеты выполняются для разных сочетаний факторов матрицы (табл. 5).

Таблица 5

**Допустимые сочетания
факторов матрицы профессиональных рисков**

Факторы	Профессии	Причины	Происшествия	Последствия
Профессии		1	2	3
Причины			4	5
Происшествия				6
Последствия				

Источник: (ОАО «Российские железные дороги», 2005).

Расчет рисков профзаболеваний по данной методике производится аналогичным образом.

Детальная оценка (второй этап оценки) предполагает более глубокую и детальную оценку рисков на основе экспертного анализа по модифицированной методике Элмери (Старовойтов, 2018). Данная методика является прогнозирующей системой оценки профессиональных рисков и ранее подробно изложена в настоящей статье.

К ограничениям применения методики оценки профессиональных рисков ОАО «РЖД» относятся:

- трудоемкость процессов анкетирования и вычисления показателей ущерба;
- получение субъективных результатов при оценке условий труда на основании экспертного анализа (опросные листы).

Достоверность оценки рисков по методике ОАО «РЖД» зависит также от полноты предоставления исходных данных по случаям микротравмирования работников, а также по компенсационным выплатам, приводимым в отчетах по производственной безопасности организаций.

Многофакторная оценка профессиональных рисков по показателям состояния охраны труда (ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России)

Предложенная В. М. Минько (д-р техн. наук, Калининградский государственный технический университет) модифицированная методика НИИ труда Госкомтруда СССР (в настоящее время — ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России) по оценке профессиональных рисков включает анализ состояния охраны труда в отношении рисков производственного травматизма и профзаболеваний (Минько, 2002).

Оценка рисков производственного травматизма по данной методике основывается на концепции, согласно которой поток несчастных случаев на производстве распределяется по дискретному пуассоновскому закону. Так, по данным В. М. Минько, вероятность несчастных случаев (в том числе, со смертельным исходом) может быть представлена формулой:

$$P_{(k)} = \frac{\left[Nt\beta \frac{K_f}{1000} \right]^k}{k!} \exp \left[-Nt\beta \frac{K_f}{1000} \right], \quad (8)$$

где $P_{(k)}$ — вероятность k несчастных случаев, $k = 0, 1, 2, 3, \dots$; K_f — коэффициент частоты несчастных случаев¹; N — число работающих; t — продолжительность работы, лет; β — повышающий коэффициент (используется при наличии оснований считать данные о несчастных случаях заниженными). Имеются результаты исследований (Минько, 2002), согласно которым $1 < \beta < 5$.

Выражение (8) позволяет получать прогностические оценки событий, связанных с производственным травматизмом.

Согласно данной методике, риск травмирования R вычисляется по формуле:

$$R = 1 - P_{(k)}. \quad (9)$$

Для оценки рисков профзаболеваний В. М. Минько разработал системы построения психофизических шкал на основе закона С. Стивенса.

Риск профзаболеваний вычисляется по формуле:

$$r = 1 - \sqrt[m]{\prod_{i=1}^n S_{\text{пс}_i}}, \quad (10)$$

¹ Число произошедших несчастных случаев на 1000 работников.

где n — число учитываемых производственных факторов; m — трудовой стаж, лет; $\prod_{i=1}^n S_{\text{пс}_i}$ — обобщенный уровень безопасности производственной среды, рассчитанный в соответствии с методикой Института труда.

Следует отметить, что применение усовершенствованного В. М. Минько методологического подхода НИИ труда к оценке профессиональных рисков на практике осложняется необходимостью организации объективного учета заболеваемости и корректного измерения показателей состояния производственной среды для получения сопоставимых результатов расчетов риска профзаболеваний (формула (10)) и данных, получаемых по фактическим показателям заболеваемости.

В методике не проработана возможность учета тяжести травмирования, не установлен порядок определения вклада каждого из производственных факторов в итоговый уровень профессиональных рисков, не определены значения граничных критериев оценки риска.

Методика оценки показателей профессионального риска, установленных Фондом социального страхования РФ

Законодательным документом, регламентирующим порядок оценки в денежном выражении последствий несчастных случаев и профессиональных заболеваний, является Федеральный закон №125-ФЗ (*Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний*, 1998).

Порядок расчетов размера скидки/надбавки к страховому тарифу установлен Методикой (2012). Рассчитываемые в рамках методики коэффициенты представлены в табл. 6.

Скидка или надбавка устанавливается ФСС в случае, если рассчитанные показатели (a , b , c) меньше (скидка) или больше (надбавка) утвержденных ФСС значений аналогичных показателей по виду экономической деятельности ($a_{\text{вэд}}$, $b_{\text{вэд}}$, $c_{\text{вэд}}$), которому соответствует основной вид деятельности организации.

В отличие от большинства рассмотренных методических подходов в методике ФСС результат оценки профессиональных рисков выражается количественно, что позволяет использовать методику при формировании мероприятий по улучшению условий труда, снижению производственного травматизма и профзаболеваний в целом по организации.

Расчет показателей профессионального риска в организации

Показатель	Исходные данные для расчетов	Алгоритм расчета
a	O — сумма обеспечения по страхованию, произведенного ФСС за три года, предшествующих текущему (руб.), включая: — суммы выплаченных пособий по временной нетрудоспособности, произведенные страхователем; — суммы страховых выплат и оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию, произведенные территориальным органом страховщика в связи со страховыми случаями, произошедшими у страхователя за три года, предшествующие текущему	$a = \frac{O}{V}$
	V — сумма начисленных в организации страховых взносов за три года, предшествующих текущему (руб.)	
b	K — количество случаев в организации, признанных страховыми, за три года, предшествующих текущему	$b = \frac{K}{N} \cdot 1000$
	N — среднесписочная численность работающих в организации за три года, предшествующих текущему (чел.);	
c	T — число дней временной нетрудоспособности в связи с несчастными случаями в организации, признанными страховыми, за три года, предшествующих текущему	$c = \frac{T}{S}$
	S — количество несчастных случаев в организации, признанных страховыми, исключая случаи со смертельным исходом, за три года, предшествующих текущему	
$q1$	$q11$ — количество рабочих мест, в отношении которых проведена специальная оценка условий труда на 1 января текущего календарного года	$q1 = \frac{(q11 - q13)}{q12}$
	$q12$ — общее количество рабочих мест в организации	
	$q13$ — количество рабочих мест, условия труда на которых отнесены к вредным или опасным условиям труда по результатам проведения специальной оценки условий труда работников	
$q2$	$q21$ — число работников, прошедших обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры на 1 января текущего календарного года	$q2 = \frac{q21}{q22}$
	$q22$ — число всех работников организации, подлежащих медосмотру	

Примечание: Методика расчета скидок и надбавок к страховым тарифам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Источник: (Минтруд РФ, 2012).

К недостаткам данного подхода можно отнести:

- осуществление оценки рисков исключительно на основе доходов и расходов ФСС, без учета вредных и опасных производственных факторов;
- отсутствие возможности оценивать профессиональные риски на уровне рабочего места и для работников конкретной профессии с использованием показателей ОКВЭД.

Необходимо подчеркнуть, что размеры компенсационных выплат демонстрируют значительную часть ущерба пострадавшего работника, но лишь косвенно связаны с ущербом работодателя. Таким образом, данное обстоятельство определяет одно из направлений дальнейшего развития методологии количественной оценки профессиональных рисков.

Методология Failure Mode and Effects Analysis (FMEA)

По мнению разработчиков FMEA (США), данная методология количественной оценки профессиональных рисков позволяет достоверно определять недопустимые риски (Быстрова, 2007). Алгоритм оценки представлен в виде блок-схемы на рис. 1.

Рис. 1. Блок-схема оценки профессиональных рисков методов FMEA

Источник: (Быстрова, 2007).

В рамках данного подхода определяется степень приоритетности риска (СПР) по формуле:

$$\text{СПР} = S \cdot D \cdot O, \quad (11)$$

где S — серьезность последствий воздействия опасности, устанавливаемая по табл. 7, балл; D — возможность выявления и реагирования на ситуацию, устанавливаемая по табл. 8, балл; O — вероятность возникновения опасности, устанавливаемая по табл. 9, балл.

Таблица 7

Критерии серьезности последствий воздействия опасности

S, балл	Последствия	Критерий
1–2	Отсутствуют или очень незначительные	Превышение нормативов по безопасности и условиям труда отсутствует или незначительное
3–4	Слабые	Возможность несчастного случая без потери трудоспособности и возникновения профзаболевания
5–6	Умеренные	Возможность несчастного случая с потерей трудоспособности более 1 суток
7–8	Серьезные	Возможность несчастного случая с тяжелым исходом (в т.ч. группового), возникновения острого профзаболевания
9–10	Опасные	Возможность несчастного случая с летальным исходом (в т.ч. группового)

Источник: (Быстрова, 2007).

Таблица 8

Критерии возможности выявления и реагирования на ситуацию

D, балл	Возможность выявления	Критерий
1–2	Почти наверняка	Существующие способы контроля позволяют выявить возникшую ситуацию практически немедленно; реагирование может быть осуществлено незамедлительно
3–4	Высокая	Высокая вероятность обнаружения условий возникновения риска; быстрая реакция возможна
5–6	Средняя; условия могут реально возникнуть	Средняя возможность обнаружения условий возникновения риска; требуется некоторое время на реагирование
7–8	Маловероятная	Низкая возможность обнаружения условий возникновения риска; быстрая реакция невозможна
9–10	Невероятная	Условия возникновения риска в приемлемый период времени выявлены не будут; быстрая реакция невозможна

Источник: (Быстрова, 2007).

Критерии вероятности возникновения опасности

О, балл	Вероятность возникновения опасности	Возможная относительная частота событий
1–2	Очень малая; практически невероятно возникновение опасности	Менее 1 случая на каждый 1 000 000 операций
3–4	Низкая; условия возникают в отдельных случаях	От 1 случая на каждые 20 000 операций до 1 случая на каждые 2 000 операций
5–6	Средняя; условия могут реально возникнуть	От 1 случая на каждые 80 операций до 1 случая на каждые 2 000 операций
7–8	Высокая	От 1 случая на каждые 8 операций до 1 случая на каждые 80 операций
9–10	Почти наверняка	1 случай из 2 операций

Источник: (Быстрова, 2007).

Определение уровня профессиональных рисков осуществляется по шкале в зависимости от полученного значения СПР:

- низкие (СПР = 1 – 50);
- допустимые (СПР = 51 – 150);
- недопустимые (СПР > 151).

Недопустимые риски рассматриваются как неприемлемые и требуют разработки корректирующих мероприятий по снижению профессиональных рисков.

Метод FMEA не получил широкого распространения в системах управления охраной труда отечественных предприятий вследствие низкого уровня обоснованности используемых шкал и критериев выставления оценок, а также значительной сложности определения составляющей *D* («Возможность выявления и реагирования на ситуацию»).

Методика экспертной оценки рисков Норвежской компании Det Norske Veritas (DNV)

Методический подход к оценке профессиональных рисков разработан компанией Det Norske Veritas (Норвегия) для комплексного анализа и моделирования возможных ситуаций с целью разработки антирисковых мероприятий.

Данная методика предполагает проведение оценки рисков по двум основным сценариям, отличающимся друг от друга степенью детализации параметров (Севастьянов, 2008).

В соответствии с первым сценарием, уровень профессиональных рисков определяется как произведение балльных оценок вероятности реа-

лизации опасных событий (табл. 10) и тяжести последствий реализации событий (табл. 11).

Таблица 10

Определение балльной оценки вероятности реализации опасных событий (сценарий 1)

Уровень		События и их частота
Балл	Вероятность	
5	Почти достоверно	Регулярно происходящее на предприятии событие
4	Достаточно достоверно	Периодически происходящее на предприятии событие
3	Вероятно	Иногда происходящее на предприятии событие
2	Маловероятно	Событие, которое редко наблюдается на предприятии
1	Почти невероятно	Событие, происходящее только при исключительном стечении обстоятельств

Источник: (Севастьянов, 2008).

Таблица 11

Определение балльной оценки тяжести последствий реализации опасных событий (сценарий 1)

Баллы	Люди	Экология	Финансовые потери	Остановка производства
5	Смертельный исход для более чем 20 человек; тяжелый вред здоровью	Экологические последствия с нарушением экосистемы	Более 100 млн руб.	Более 6 мес.
4	Постоянная нетрудоспособность; инвалидность; смертельный исход	Нарушение экосистемы (видовой состав)	Менее 100 млн руб.	До 1 мес.
3	Серьезная травма; болезнь; потеря трудоспособности	Сбросы, выбросы, стоки вредных продуктов производства на территорию предприятия, локализуемые с посторонней помощью	До 10 млн руб.	До 1 нед.

Баллы	Люди	Экология	Финансовые потери	Остановка производства
2	Травма, требующая медицинской помощи, реабилитации	Продолжительные неконтролируемые сбросы, выбросы, стоки вредных продуктов производства на территорию предприятия	До 500 тыс. руб.	До 24 ч
1	Легкая травма	Разовый неконтролируемый сброс, выброс, сток вредных продуктов производства с немедленной дезактивацией	До 10 тыс. руб.	Менее 12 ч

Примечание: перечень видов последствий реализации опасных событий, приведенный в табл. 11, не является исчерпывающим в данной методике.

Источник: (Севастьянов, 2008).

Второй сценарий оценки профессиональных рисков характеризуется менее детализированным алгоритмом: предварительная оценка частоты и тяжести последствий событий (табл. 12) и последующее их перемножение для установления итогового уровня рисков. Однако данный вариант оценки имеет сформированную шкалу, позволяющую ранжировать профессиональные риски:

- 1–8 баллов — незначительный риск;
- 9–11 — заслуживающий внимания;
- 12–20 — неприемлемый риск.

Таблица 12

Определение балльной оценки частоты и тяжести последствий реализации опасных событий (сценарий 2)

Частота событий			Тяжесть последствий событий		
Балл	Частота	Характеристика события	Балл	Уровень	Характеристика события
5	Часто	Случается постоянно	4	Катастрофический	Случай, который может привести к смерти пострадавшего (по результатам анализа произошедших несчастных случаев)

Частота событий			Тяжесть последствий событий		
Балл	Частота	Характеристика события	Балл	Уровень	Характеристика события
4	Возможно	Встречается	3	Серьезный	Случай, при котором возможно получение тяжелой травмы, профзаболевания
3	Редко	Встречается, но на других предприятиях	2	Средний	Случай, при котором возможно получение легкой травмы (наличие больничного листа)
2	Очень редко	Маловероятно, но возможно	1	Легкий	Случай, при котором возможно получение незначительной травмы по результатам анализа микротравм)
1	Невероятно	Предположительно не случится	—		

Источник: (Севастьянов, 2008).

Особенность рассматриваемого подхода к количественной оценке профессиональных рисков заключается в учете как прямых финансовых и человеческих потерь, так и последствий, неблагоприятных для экологии, репутации компании и культурных ценностей.

Тем не менее, методика отличается высокими трудозатратами по сбору и обработке информации по оцениваемым параметрам и не содержит алгоритмов учета каждого вида последствий в общем уровне риска (сценарий 1) и не учитывает в полной мере воздействие вредных производственных факторов.

Сравнительный анализ подходов к количественной оценке профессиональных рисков

По итогам проведенного анализа ряда отечественных и зарубежных методик количественной оценки профессиональных рисков авторами настоящей статьи выявлены преимущества и недостатки рассмотренных методологических подходов. Полученные сведения представлены в табл. 13.

Результаты сравнительного анализа методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков

№ п/п	Наименование методики	Преимущества	Недостатки
1	Методика оценки и управления рисками EcoStandard group	Простота расчетов Наглядность Детальный анализ опасностей, возникающих при выполнении работ на конкретном рабочем месте	Качественный результат оценки Трудозатраты при сборе исходной документации, проведении опроса среди работников, выявлении потенциальных или существующих вредных и опасных факторов на рабочем месте Субъективность при проведении оценки Отсутствует учет статистики профзаболеваний Дважды учитывается частота опасного события (параметры «Вероятность», «Подверженность») Невозможность обоснования мероприятий
2	Методика АНО «Институт безопасности труда» (Индекс ОВР)	Простота расчетов индекса ОВР Планирование мероприятий для устранения выявленного несоответствия Возможность группировки и ранжирования итоговых значений риска, определения приоритетного направления работ по улучшению условий труда Оперативное определение рабочих мест, на которых необходимо внедрение мероприятий по снижению профессиональных рисков	Субъективность оценки уровня вредных и опасных производственных факторов на рабочем месте в процессе наблюдения Невозможность определения ключевых факторов с наибольшим вкладом в повышенный уровень профессиональных рисков в пределах одного ранга Отсутствие возможности учета вероятности профзаболеваний Неприменимо к процессам выявления и идентификации опасностей на рабочих местах или оценки конкретных рисков

№ п/п	Наименование методики	Преимущества	Недостатки
3	Методика оценки ИПР (ФГБНУ «НИИ медицины труда», ЗАО «Клинический институт охраны труда»)	Интегральный подход к количественной оценке профессиональных рисков на уровне рабочего места Комплексный учет факторов, влияющих на уровень риска	Субъективность экспертных оценок Результат оценки рисков — безразмерная величина Невозможность однозначной интерпретации результатов оценки профессиональных рисков Отсутствие возможности применения для оценки эффективности профилактических мероприятий
4	Методика анализа и оценки рисков ОАО «РЖД»	Количественный результат оценки рисков Травматизма и профзаболеваний Возможность учета наибольшего количества составляющих профессиональных рисков Возможность обоснования мероприятий	Значительные временные и трудовые затраты из-за необходимости сбора и обработки большого объема информации Трудоемкость методик расчетов и проведения анкетирования
5	Многофакторная оценка профессиональных рисков по показателям состояния охраны труда (ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России)	Возможность прогнозирования рисков Травмирования и профзаболеваний Наличие алгоритмов расчета воздействия для каждого вредного производственного фактора	Значительные временные затраты для проведения измерения показателей состояния производственной среды Использование субъективных показателей Отсутствие обоснования используемых в расчетных формулах коэффициентов Невозможность обоснования мероприятий
6	Методика оценки показателей профессиональных рисков, установленных Фондом социального страхования РФ	Получение результата оценки профессиональных рисков в денежном выражении Доступность исходной информации для выполнения расчетов	Оценка профессиональных рисков для организации в целом, без разделения по профессиям и рабочим местам Отсутствие возможности ранжирования рабочих мест по уровню риска Невозможность обоснования мероприятий

№ п/п	Наименование методики	Преимущества	Недостатки
7	Американский метод Failure Mode and Effects Analysis (FMEA)	Возможность применения организациями при малом количестве идентифицированных опасностей, а также в отсутствии статистических данных о производственном травматизме Обеспечение анализа потенциальных дефектов технических устройств и оборудования	Сложность применения метода Субъективность экспертных оценок Низкий уровень обоснованности критериев оценки профессиональных рисков Невозможность обоснования мероприятий
8	Методика экспертной оценки рисков Норвежской компании Det Norske Veritas (DNV)	Учет не только прямых потерь вследствие реализации профессиональных рисков, но и негативных последствий для экологии, репутации компании и культурных ценностей	Высокие трудозатраты по сбору и обработке информации по оцениваемым параметрам Необходимость привлечения большого количества квалифицированных специалистов Отсутствие алгоритма учета нескольких видов последствий реализации рисков Невозможность обоснования мероприятий

Источник: составлено авторами.

В табл. 14 приведена сравнительная оценка возможности использования рассматриваемых методик для проведения количественной оценки профессиональных рисков в организации. При осуществлении оценки методики анализировались по следующим параметрам, перечень которых сформирован на основании анализа литературных источников (*Трудовой кодекс Российской Федерации*, 2001; International Organization for Standardization, 2018, 2019; *Руководство по оценке профессионального риска для здоровья работников*, 2003; Сердюк, 2016; Старовойтов, 2018; Ефремова, 2010; Быстрова, 2007; Минько, 2002; Севастьянов, 2008; EcoStandard, 2020; Клинский институт охраны и условий труда, 2008; ОАО «Российские железные дороги», 2005; НИИ труда, 1988; Кириченко и др., 2020):

- цель оценки профессиональных рисков;
- возможность учета составляющих профессиональных рисков:
 - условий труда на рабочем месте,
 - статистики производственного травматизма,
 - статистики профессиональных заболеваний,
 - потенциальной опасности технических устройств;
- сложность применения методики;
- наличие итоговой шкалы профессиональных рисков;
- возможность ранжирования рисков;
- оценка рисков в денежном выражении;
- возможность обоснования мероприятий по снижению профессиональных рисков.

Установлено (The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Comission, 2017; International Organization for Standardization, 2018; Project Management Institute, 2019), что количественной мерой риска является сочетание вероятности (частоты) нежелательного события и негативных последствий (потерь, ущерба), выраженных в натуральной или стоимостной форме.

Следовательно, исходя из выводов, приведенных в табл. 13 и 14, можно утверждать, что рассмотренные подходы к оценке профессиональных рисков в определенной степени подразумевают качественную либо качественно-количественную оценку рисков (за исключением методик ОАО «РЖД» и ФСС) в связи с наличием балльных оценок профессиональных рисков или с использованием определенного интегрального показателя профессиональных рисков. Результатом таких оценок является безразмерная величина, что впоследствии затрудняет обоснование корректирующих мероприятий.

Кроме того, большинство методик использует оценочные суждения экспертов, которые носят субъективный характер, что относится к недостаткам методов. Следует отметить также, что привлечение группы экспертов с целью получения более объективной оценки профессиональных рисков значительно увеличивает затраты на проведение процедуры оценки рисков.

Таблица 14

Сравнительная оценка основных существующих методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков

Параметры оценки методик											
№ п/п	Наименование методик	Объект оценки рисков	Возможность учета составляющих риска				Сложность применения методики ¹	Итоговая шкала рисков	Возможность ранжирования рисков	Оценка рисков в денежном выражении	Возможность обоснования мероприятий
			Опасность технических устройств	Статистика профзаболеваний	Статистика травматизма	Условия труда					
1	Методика оценки и управления рисками EcoStandard group	рабочее место	+	+	-	-	средняя	имеется	+	не предусмотрена	-
2	Методика АНО «Институт безопасности труда» (Индекс ОВР)	рабочее место	+	-	-	+	средняя	отсутствует	-	не предусмотрена	-

¹ Оценивались (экспертно) временные и трудовые затраты по сбору и обработке информации, необходимой для осуществления оценки профессиональных рисков, в том числе трудоемкость методик расчетов.

Параметры оценки методик											
№ п/п	Наименование методики	Объект оценки рисков	Возможность учета составляющих риска				Сложность применения методики	Итоговая шкала рисков	Возможность ранжирования рисков	Оценка рисков в денежном выражении	Возможность обоснования мероприятий
			Условия труда	Статистика травматизма	Статистика профзаболеваний	Опасность технических устройств					
3	Методика оценки ИПР (ФГБУ «НИИ меллины труда», ЗАО «Клинский институт охраны труда»)	конкретный работник	+	+	+	-	высокая	имеется	+	не предусмотрена	-
4	Методика анализа и оценки рисков ОАО «РЖД»	рабочее место, подразделение	+	+	+	+	высокая	отсутствует	+	+	+
5	Многофакторная оценка профессиональных рисков по показателям состояния охраны труда (ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России)	рабочее место	+	+	+	-	высокая	отсутствует	+	не предусмотрена	-

Параметры оценки методик											
№ п/п	Наименование методик	Объект оценки рисков	Возможность учета составляющих риска				Сложность применения методики	Итоговая шкала рисков	Возможность ранжирования рисков	Оценка рисков в денежном выражении	Возможность обоснования мероприятий
			Условия труда	Статистика травматизма	Статистика профзаболеваний	Опасность технических устройств					
6	Методика оценки показателей профессиональных рисков, установленных Фондом социального страхования РФ	предприятие в целом	+	+	+	-	низкая	отсутствует, применяются критерии установления скидок/надбавок к страховому тарифу	-	+	-
7	Американский метод Failure Mode and Effects Analysis (FMEA)	предприятие в целом	+	+	-	+	средняя	имеется	+	не предусмотрена	-
8	Методика экспертной оценки рисков Норвежской компании Det Norske Veritas	персонал, экология, репутация компании, материальные ценности	-	+	+	-	высокая	имеется	+	не предусмотрена	-

Источник: составлено авторами.

Несмотря на возможность ранжирования профессиональных рисков, обеспечиваемую практически всеми рассматриваемыми методиками (за исключением методики АНО «Институт безопасности труда»), 7 из 8 методик характеризуются значительными трудозатратами по сбору и обработке исходной информации для расчетов рисков (табл. 14).

Исходя из данных табл. 14, наиболее полно составляющие профессиональных рисков учитываются методикой оценки рисков ОАО «РЖД», в том числе возможность обоснования мероприятий по снижению профессиональных рисков.

Проведенный анализ частично подтверждает выше обозначенные гипотезы о неприменимости большинства рассмотренных методик для целей количественной оценки профессиональных рисков вследствие невозможности получения результата оценки в количественном виде, а также для обоснования антирисковых мероприятий.

Проведенное исследование методических подходов к оценке профессиональных рисков показало, что обе выдвинутые гипотезы частично подтвердились (для большинства методических подходов).

Таким образом, на основе проведенного анализа существующих документов по оценке профессиональных рисков и применяемых методических подходов сформирован перечень требований к методике количественной оценки профессиональных рисков работников:

- доступность исходной информации для определения уровня профессиональных рисков;
- относительная простота методик расчетов;
- надежность и однозначная интерпретация результатов оценки профессиональных рисков;
- обеспечение анализа, ранжирования рисков;
- обеспечение сравнимости результатов вычислений;
- возможность оценки эффективности мероприятий по снижению профессиональных рисков;
- обеспечение возможности оценки рисков для работодателя в отношении идентифицированных опасностей;
- осуществление мониторинга уровней профессиональных рисков.

Заключение

В рамках исследования, представленного в статье, проведен анализ существующих подходов к количественной оценке профессиональных рисков. Результаты анализа показали, что рассматриваемые подходы оценивают риски в баллах (качественно) и не позволяют обосновывать мероприятия по снижению профессиональных рисков.

Результаты проведенного анализа основных отечественных и зарубежных подходов к количественной оценке профессиональных рисков сви-

детельствуют о том, что в зависимости от целей оценки профессиональных рисков и имеющихся ограничений наиболее корректный результат оценки рисков позволяет получить методика анализа и оценки рисков ОАО «РЖД». Однако высокие временные и трудозатраты по сбору и обработке информации для количественной оценки профессиональных рисков существенно ограничивают использование данной методики.

В связи с вышесказанным актуальным является разработка и совершенствование методических подходов к количественной оценке профессиональных рисков, которые позволят:

- определять приемлемость текущего уровня профессиональных рисков для рабочих мест;
- оценивать достаточность существующих мер управления рисками;
- определять профессии, должности, рабочие места для приоритетного внедрения мероприятий по снижению профессиональных рисков;
- прогнозировать эффективность планируемых антирисковых мер;
- осуществлять мониторинг профессиональных рисков;
- осуществлять проактивный подход к управлению профессиональными рисками.

Список литературы

Быстрова, И. Б. (2007). Метод FMEA в системах управления охраной труда. *Охрана труда и социальная защита*, 7, 22–24.

ГУ НИИ медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова. (2003). Руководство по оценке профессионального риска для здоровья работников. Организационно-методические основы, принципы и критерии оценки. (Р 2.2.1766-03). <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

Ефремова, О. С. (2010). *Профессиональный риск. Оценка и определение*. Альфа-Пресс.

Кириченко, Т. В., Шубина, И. В., & Смылова, Н. М. (2020). Актуальные вопросы развития российской экономики в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы. *Право и образование*, 7, 76–81.

Клинский институт охраны и условий труда. (2008). Разработка методики интегральной оценки условий труда на рабочем месте с учетом комплексного воздействия производственных факторов с различными классами вредности (гигиеническая оценка условий труда, оценка травмобезопасности, оценка обеспеченности СИЗ). <https://www.kiout.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. (2001, 30 декабря) от 30.12.2001. Принят ГД ФС РФ 20.12.2001, действующая редакция (№ 195-ФЗ).

Минько, В. М. (2002). *Математическое моделирование в управлении охраной труда*. Янтарный сказ.

Национальный стандарт Российской Федерации. (2019). Менеджмент риска. Принципы и руководство. (ГОСТ Р ИСО 31000-2019). <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

Национальный стандарт Российской Федерации. (2020). Менеджмент риска. Технологии оценки риска. (ГОСТ Р 58771-2019). <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

НИИ труда Госкомтруда СССР. (1988). *Количественная оценка тяжести труда. Межотраслевые методические рекомендации*. Экономика.

ОАО «Российские железные дороги». (2005). Методика анализа и оценки профессиональных рисков в ОАО «РЖД». <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Методики расчета скидок и надбавок к страховым тарифам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». (2012, 1 августа) от 01.08.2012, действующая редакция (№ 39н).

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Рекомендаций по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков». (2021, 28 декабря) от 28.12.2021 (№ 796).

Севастьянов, Б. В. (2008). Методы количественных оценок в менеджменте производственных и профессиональных рисков. *Безопасность в техносфере*, 1, 13–18.

Сердюк, В. С. (2016). *Определение индивидуального профессионального риска*. ОмГТУ.

Старовойтов, И. Г., Бирюк, В. А., & Булавка, Ю. А. (2018). Методы оценки риска в системе управления охраной труда. *Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси*, 1, 5–17.

Трудовой кодекс Российской Федерации. (2001, 30 декабря) от 30.12.2001. Принят ГД ФС РФ 21.12.2001, действующая редакция (№ 197-ФЗ).

Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». (1998, 24 июля) от 24.07.1998. Принят ГД ФС РФ 02.07.1998, действующая редакция (№ 125-ФЗ).

EcoStandard.journal. (2020, 18 августа). Методика оценки и управления рисками EcoStandard group. <https://journal.ecostandardgroup.ru/opinion/metodika-otsenki-i-upravleniya-riskami-ecostandard-group/> (дата обращения: 15.09.2021).

International Organization for Standardization. (2018). Risk management. Guidelines (ISO Standard No.31000:2018). <https://www.iso.org/standard/65694.html>

International Organization for Standardization. (2019). Risk management. Risk assessment techniques. (ISO Standard No.31010:2019). <https://www.iso.org/ru/standard/72140.html>

Project Management Institute. (2019). The Standard for Risk Management in Portfolios, Programs, and Projects. <https://www.pmi.org/pmbok-guide-standards/foundational/risk-management>

The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. (2017). Enterprise Risk Management — Integrated Framework. <https://www.coso.org/Documents/2017-COSO-ERM-Integrating-with-Strategy-and-Performance-Executive-Summary.pdf>

References

Bystrova, I. B. (2007). The FMEA method in occupational health and safety management systems. *Occupational safety and social protection*, 7, 22–24.

FSI Izmerov Research Institute of Occupational Health. (2003). Guidelines on occupational risk assessment for workers' health. Organizational and methodological aspects, principles and criteria.). Retrived September 15, 2021, from <http://www.consultant.ru/>

Efremova, O. S. (2010). *Occupational risk. Assessment and identification*. Al'fa-press.

Kirichenko, T. V., Shubina, I. V., & Smyslova, N. M. (2020). Current issues of the Russian economy development in the context of digital transformation: problems and prospects. *Law and education*, 7, 76–81.

Klin Institute of Occupational Safety and Conditions. (2008). Development of the methodology of working conditions integral assessment in terms of integrated effect of the workplace factors of different hazard classes (hygienic assessment of working conditions, workplace safety assessment, PPE provision assessment). Retrived September 15, 2021, from <https://www.kiout.ru/>

Code of Administrative Offences of the Russian Federation. (2001, December 30) of 30.12.2001. Passed by the Parliament from 20.12.2001, the current wording (No. 195-FZ).

Min'ko, V. M. (2002). *Mathematical modeling in occupational health and safety management*. Yantarnyj skaz.

Russian National Standard. (2019). Risk management. Principles and guidelines. (GOST R ISO 31000-2019). Retrived September 15, 2021, from <http://www.consultant.ru/>

Russian National Standard. (2020). Risk management. Risk assessment technologies. (GOST R 58771-2019). Retrived September 15, 2021, from <http://www.consultant.ru/>

Labor Research Institute of the USSR State Committee for Labor. (1988). *Quantitative assessment of work heaviness. Multisectoral methodical recommendations*. Economics.

JSC Russian Railways. (2005). The methodology of occupational risk analysis and assessment in JSC Russian Railways. Retrived September 15, 2021, from <http://www.consultant.ru/>

The Decree of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation «On approval of the Methodology for calculating discounts and surcharges for the insurance rate concerning compulsory social insurance against industrial accidents and industrial diseases». (2012, August 1) from 01.08.2012, the current wording (N 39H).

The Decree of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation «On approval of the guidance on the choice of methods for occupational risk assessment and reduction in risk levels». (2021, December 28) from 28.12.2021 (No. 796).

Sevast'yanov, B. V. (2008). Methods of quantitative assessments in the management of industrial and occupational hazards. *Safety in technosphere*, 1, 13–18.

Serd'uk, V. S. (2016). *Individual occupational risk assessment*. OmGTU.

Starovoitov, I. G., Biruk, V. A., & Bulauka, Yu. A. (2018). Risk assessment methods in the management system of labor protection. *Vestnik Universiteta grazhdanskoj zashchity MChS Belarusi*, 1, 5–17.

The Labour Code of the Russian Federation. (2001, December 30) of 30.12.2001. Passed by the Parliament from 21.12.2001, the current wording (No. 197-FZ).

The Federal Law of The Russian Federation «On compulsory social insurance against industrial accidents and industrial diseases». (1998, July 24) of 24.07.1998. Passed by the Parliament from 02.07.1998, the current wording (No. 125-FZ).

EcoStandard.journal. (2020, August 18). The EcoStandard group methodology of risk assessment and management. Retrived September 15, 2021, from <https://journal.ecostandardgroup.ru/opinion/metodika-otsenki-i-upravleniya-riskami-ecostandard-group/>

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Н. В. Горбачева¹

Института экономики и организации промышленного производства
СО РАН / РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

Н. Г. Филатова²

РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

УДК: 330.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ: РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Цель статьи — показать современную роль экономической науки в подготовке управленческих кадров для государственных и бизнес-структур. Сейчас пересматриваются доминирующие теории, возникают новые концепты и интерпретации, а институты управления меняются, реагируя на кардинальные вызовы современного мира — Новую промышленную революцию, энергетическую трансформацию, изменение климата. В статье предлагается сделать акцент на трех методологических подходах — метрическом, политэкономическом и нарративном, — позволяющих по-разному исследовать новые проблемы. Проведенный обзор 1006 научных публикаций в 31 ведущих российских экономических журналах за 2010–2021 гг. по трем вышеуказанным проблемам, показывает, что, во-первых, промышленному развитию посвящена большая часть публикаций в выборке, во-вторых, метрический (42% всех статей) и политэкономический (51%) подходы доминируют в исследовании всех трех проблем. В условиях неопределенности прогностическая ценность модельных расчетов значительно снижается, нарастают противоречия между политэкономическими разработками, что делает востребованным применение и нарративного подхода, который ориентирован на альтернативную интерпретацию разнообразных, часто конкурирующих, идей и концепций промышленной трансформации, энергоперехода, климатической повестки. Соотнесение трех подходов с образовательными программами ведущих российских и зарубежных вузов определяет перспективные области развития экономического образования современных управленцев в России. Делается вывод о том, что существует разрыв между направлениями экономических исследований и процес-

¹ Горбачева Наталья Викторовна — к.э.н., с.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН; доцент кафедры экономики и инвестиций кафедры экономики и инвестиций Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: Nata_lis@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7988-1848.

² Филатова Наталья Геннадьевна — к.э.н., доцент кафедры экономики и инвестиций Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: filatova-ng@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-1121-4376.

сом подготовки управленческих кадров. Сейчас в образовании превалирует преподавание с использованием метрического подхода, а в экономической науке нарастает востребованность качественных методов исследований. Представляется важным включение в экономическое образование и гуманитарного компонента для формирования более абстрактного мышления у нового поколения управленцев, способных решать сложные и неоднозначные проблемы.

Ключевые слова: экономическая наука, высшее образование, управленческие кадры, новая индустриальная революция, энергопереход, изменение климата, метрика, политика, нарратив.

Цитировать статью: Горбачева, Н. В., & Филатова, Н. Г. (2022). Теоретические основы подготовки управленческих кадров: роль экономической науки. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 142–174. <https://doi.org/10.38050/01300105202227>.

N. V. Gorbacheva

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences / RANEPa
(Novosibirsk, Russia)

N. G. Filatova

RANEPa (Novosibirsk, Russia)

JEL: A11, A22, M38

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR TRAINING PUBLIC SERVANTS AND MANAGERS: THE ROLE OF ECONOMICS

The purpose of this article is to demonstrate the significance of contemporary economic science for training public servants for government bodies and managers for business. At present, prevailing theories are being revised, novel concepts and interpretations come into being, and governmental institutions undergo noticeable changes, trying to respond to emerging challenges, i.e. New Industrial Revolution, Energy Transition and Climate Change. With this purpose in mind, the authors offered three methodological approaches — metrics, political economy, narrative, all of which allow to study novel problems from different angles. The review of 1006 articles in 31 Russian economic journals for the period of 2010–2021 upon three above-mentioned issues has shown, that, firstly, a greater part of publications refers to manufacturing development, secondly, metric (42%) and political economy (51%) approaches prevail in the research of all these issues. However, in the situation of uncertainty the prognostic value of economic modelling is decreasing, contradictions between political economy elaborations are growing up, and narrative approach is actually demanded for alternative interpretations of variable, frequently competitive, ideas and concepts concerning industrial transformation, energy transition and climate change. These three approaches correlate with the curricula of Russian and foreign universities in order to identify the promising fields to upgrade economic education of public servants in Russia. The authors conclude that there is a disparity between trends in economic research and modes in training public servants. Currently in higher education the teaching of economics rests on metric

approach, but economic sciences also demand qualitative methods of research. Humanitarian dimension in economic education is indispensable since it helps to form abstract reasoning skills, important for the new generation of public servants capable of solving intricate and ambiguous problems.

Keywords: economic science, higher education, public servants, new industrial revolution, energy transition, climate change, metrics, political economy, narrative.

To cite this document: Gorbacheva, N. V., & Filatova, N. G. (2022). Theoretical foundations for training public servants and managers: the role of Economics. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 142–174. <https://doi.org/10.38050/01300105202227>.

Актуальность исследования

Подготовка управленцев высокого уровня является актуальной задачей для российской экономики, и в этом контексте экономическая наука становится одной из важнейших образовательных дисциплин. С этой целью, в частности, реализуется общенациональный конкурс «Лидеры России», особо востребованный для государственной службы (Гурова, Сысоев, 2021), где делается акцент на проблеме подготовки управленческих кадров, так как в связи с кризисом традиционного государственного устройства происходит ревизия управленческих паттернов и идет поиск новых форм организации. На этой платформе совместно с Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) в августе 2021 г. создан первый в России центр оценки и развития управленческих компетенций, призванный объединить студентов, работодателей и представителей региональной власти. Нам представилась возможность проанализировать взаимосвязь разных направлений экономической науки и программ экономического образования в процессе подготовки авторского учебного пособия «*Экономическая теория: от фундаментальных идей к современной практике*» (Горбачева, Филатова, 2021), которое ориентировано, прежде всего, на подготовку управленческих кадров с учетом специфики РАНХиГС.

Россия сталкивается с трудностями, вызванными Новой промышленной революцией, энергетической трансформацией и изменением климата. С середины 2010-х гг. Новая индустриализация и сопутствующий ей тренд цифровизации экономики превратились в главные факторы долгосрочного экономического роста, при этом в научном дискурсе имеются разные интерпретации этих феноменов: новая промышленная революция, *пятая* по счету, по П. Маршу (2012) и К. Андерсону (2014); *третья* индустриальная революция по Дж. Рифкину (2013); *четвертая* индустриальная революция по Г. Роузу (2015) и К. Швабу (2016); *шестой* технологический уклад по С. Ю. Глазьеву (2017). Россия имеет благоприятные предпосылки и неплохие исходные позиции для активизации индустриального возрождения на новой, цифровой, основе, но как отмечается в работе (Ленчук и др., 2020), страна отстает на 5–8 лет в освоении цифровых технологий,

и «если не предпринимать серьезных усилий, то уже через 5 лет этот разрыв в силу высокой скорости глобальных изменений и инноваций может составить 15–20 лет». Энергетическая отрасль, будучи высокотехнологической индустрией, является важной составляющей Новой промышленной революции, благодаря которой нарастает противоречие между двумя типами энергии: если возобновляемая энергетика пытается кардинально «изменить энергетическую парадигму», то традиционная энергетика стремится лишь «изменить контекст энергетики» за счет высокоэффективных газовых турбин в 1990-е гг., сланцевой революции в 2000-е гг., водородной и атомной энергетики в предстоящие 2020-е гг. (Skilton, Novsepien, 2018). Эта энергетическая дилемма представляется весьма значимой для России, которая обладает высоким потенциалом возобновляемых источников энергии, но пока делает акцент на традиционной энергетике, принимая на федеральном уровне в 2021 г. концепцию развития водородной энергетики, а также позиционируя крупные ГЭС и АЭС как «чистые» источники энергии. Хотя последние два типа энергии являются весьма неоднозначным решением проблемы глобального потепления, которое наиболее остро проявляется на территории России. Так, согласно Стратегии социально-экономического развития страны с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. признается, что «скорость потепления климата на территории Российской Федерации выше среднемировой», и это, в свою очередь, «создает значительные риски, прежде всего для населения, национальной инфраструктуры и климатозависимых отраслей экономики»¹. Все это сопровождается мерами государственного вмешательства в экономику с целью элиминирования «провалов рынка» посредством, например, прямых субсидий промышленности для стимулирования частных капиталовложений в модернизацию основных фондов, а также бюджетного финансирования фундаментальных исследований, которые пока не поддерживает бизнес, и введения углеродного ценообразования для переориентации корпоративных финансов в пользу климатических проектов. Востребованными становятся умения и навыки эффективно использовать разнообразные инструменты госрегулирования в управлении экономикой.

Для изучения этих вызовов экономическая наука предлагает ряд новых модернизированных подходов, которые можно условно разделить на: *экономику как метрику*; *экономику как политику* и *экономику как нарратив*. Но экономисты-ученые только исследуют, оценивают и рекомендуют, а для принятия верных решений требуются современно мыслящие управленцы в государственных, некоммерческих и бизнес-структурах.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года».

В процессе подготовки управленцев для эффективного решения острых проблем возникает проблема несоответствия современных направлений экономической науки и имеющихся образовательных программ.

Новизна этой проблемы состоит не только в новых явлениях типа новых источников энергии или глобального потепления, требующих современных экономических знаний и навыков управления, но и в принципиальной трансформации триады «экономика-образование-управление». В экономическом образовании нарастает противоречие между практико-ориентированным подходом подготовки конкретных специалистов и универсалистским комплексным подходом подготовки дженералистов. Превалирует точка зрения, отстаивающая значимость практики, так как *«чрезвычайно важно уделять неизмеримо больше внимания обучению **практическим знаниям**, передовым стандартам — такому обучению, которое прочно закрепилось бы в наших управленческих кадрах»* (Аганбегян, 2007). И те слабые места в подготовке управленческих кадров — бухгалтерия и учет, а также юридические знания, дефицит которых академик А. Г. Аганбегян отмечал еще 14 лет назад, остаются уязвимыми местами российских управленцев, особенно в сфере управления изменением климата и окружающей средой.

В то же время в условиях цифровизации, роботизации и автоматизации многих процессов хозяйственной деятельности возвращается понимание значимости *теоретических знаний*, формирующих креативность, широту мышления и стратегический подход в принятии решений. *«Мы должны готовить мыслителей, интеллектуалов, которые будут придумывать то, чего еще нет. Нужно взглянуть на систему образования совершенно по-иному, потому что мы должны готовить людей к быстроменяющемуся перечню профессий...»*, — отмечает М. В. Ковальчук¹.

Помимо дихотомии «теория и практика» в образовании, нарастают противоречия в самой экономической науке, в которой наряду с *математическими и политическими* подходами начинают играть важную роль подходы *гуманитарные*. Существенные различия возникают и в управлении, которое уже не воспринимается как дилемма «государственного и частного» секторов экономики, в связи с возрастающей значимостью так называемого *третьего сектора* — некоммерческих и неправительственных организаций. В противовес жесткой устойчивой иерархии формируются гибкие сетевые формы взаимодействия, которые важны для продвижения всего нового и прогрессивного, так как сетевые формы кооперации находятся в динамике, постоянно развиваясь и адаптируясь к изменившимся социально-экономическим условиям.

¹ См. выступление М. В. Ковальчука на круглом столе «Экспорт технологий и образования. Возможно ли сформировать российское научно-технологическое пространство» в рамках Деловой программы Петербургского экономического форума 2021. <https://forumspb.com/programme/business-programme/91484/#broadcast>

Все это требует нового сочетания экономического знания и образования для подготовки управленческих кадров в России. Предметное поле этой статьи обозначено в традициях исследовательской области управления современных российских и зарубежных аналитиков, хотя само понятие «управление» имеет разные коннотации. В статье используется понятие «управление» (*governance*), под которым понимается деятельность стратегического характера агрегированных акторов (прежде всего, правительственных структур, а также опосредованно бизнеса и НКО), определяющих перспективные направления экономического развития (Sunstein, Vermeule, 2020). В то же время категория менеджмента (*management*) рассматривается в тактической плоскости, т.е. преимущественно как руководство корпорацией, учреждением или организацией посредством установления норм и регуляций, направленных на повышение эффективности процессов в краткосрочном периоде. Помимо этого, в российском дискурсе вопросы управления часто рассматриваются с помощью прикладного анализа государственного и муниципального администрирования (*public administration*), т.е. следования определенным инструкциям, директивам, приказам, что, по-видимому, связано с исторически обусловленными особенностями функционирования номенклатурно-бюрократической системы в нашей стране (Оболонский, 2015).

Логика изложения выстроена следующим образом. Вначале на основе обзора научных публикаций в ведущих экономических журналах России за 2010–2021 гг. представлены тенденции развития экономической мысли согласно применению трех методологических подходов — метрический, политэкономический и нарративный, для изучения трех новых феноменов — Новой промышленной революции, энергетической трансформации и глобального изменения климата. Затем соотнесены эти три подхода с образовательными программами подготовки управленцев в ведущих российских и зарубежных университетах с целью выявления содержательных сочетаний или разрывов между научными исследованиями и образовательными дисциплинами. И в заключение сделаны выводы о необходимости дополнения учебных курсов новыми концепциями, методами и эмпирикой, необходимых для воспитания в России нового поколения управленцев, способных решать комплексные и многофакторные проблемы.

Экономика как научная дисциплина

Несмотря на более чем двухвековое существование экономической теории, если считать с системообразующих трудов А. Тюрго и А. Смита, дискуссии о том, является ли экономика подлинной наукой, продолжаются. Показательно, что только для нобелевской номинации по экономике до сих пор используется приставка «наука» (*Economic Sciences*), а в названиях других премий такого дополнения нет. Это происходит из-за того, что

«вокруг нас слишком много плохой экономической науки», самозванных экономистов на телевидении и в прессе, которые являются репрезентаторами или даже лоббистами определенных политических и бизнес-структур, дают «несбыточные» прогнозы на 10–30 лет вперед и вырабатывают рекомендации в стиле ток-шоу «всё обо всём» (Банерджи & Дюфло, 2021). По мнению российских экономистов, это состояние латентного кризиса «продлится до тех пор, пока эта наука будет сохранять завышенные амбиции и, соответственно, к ней будут предъявляться завышенные требования» (Автономов, 2020).

Существуют разнообразные классификации экономических исследований и их авторов-экономистов. Так, историк экономической мысли В. С. Автономов предлагает четыре идеальных типа: 1) прикладные экономисты, оперирующие фактами и опирающиеся на здравый смысл; 2) статистики и эконометрики, интересующиеся, прежде всего, цифрами, расчетами, калькуляциями; 3) экономисты-теоретики и математические экономисты, занятые преимущественно математическим моделированием и использующие «стилизованные факты»; 4) экономисты — «философы от мира сего», создающие большие теории, «люди не столько моделей, сколько видения».

Можно предложить и другой способ классификации экономических исследований с учетом различий в понимании природы экономических явлений, источника знания и применения методов. С нашей точки зрения, целесообразно выделить *три типа современной экономической мысли: экономика как метрика, экономика как политика и экономика как нарратив*.

Для определения востребованности этих трех методологических подходов был проведен системный обзор 1006 научных публикаций в 31 ведущих российских экономических журналах, входящих в базу данных RSCI и перечень ВАК, за период 2010–2021 гг. (рис. 1, 2).

Тематический поиск статей осуществлялся по каждому журналу за каждый год по трем ключевым тегам «промыш*», «энер*», «климат» в названии, аннотации и ключевых словах публикации. Изначально была сформирована первичная выборка в количестве 1067 статей, затем в результате анализа текста аннотаций были исключены 61 публикация, которые напрямую не относятся к исследуемым проблемам. Например, по тегу «климат» исключены статьи, посвященные анализу *инвестиционного* или *делового* климата, а также в репрезентативную выборку не вошли отраслевые обзоры, рецензии на книги, обзоры итогов проведения конференций и др. В некоторых статьях встречалось пересечение тематик, так как все три проблемы взаимосвязаны, например, Новая промышленная революция и сопутствующий ей тренд цифровизация экономики влияют на способы производства энергии, так снижение стоимости солнечной и ветровой энергетики связано с развитием энергомашиностроения и роботизацией производства энергооборудования. Глобальное потепление и энергопере-

ход также тесно связаны друг с другом, учитывая, что мировая экономика на сегодняшний момент на 80% зависит от использования традиционных углеводородов как основных источников антропогенной эмиссии парниковых газов. В таких пограничных ситуациях акцент делался на понятийном аппарате, эмпирической базе и аргументации авторов, по которым достаточно четко можно специфицировать главный научный посыл статьи.

Классификация статей по *методологическим осям* осуществлялась исходя из трех подходов:

- *метрический подход* предполагает рассмотрение в статьях кейсов, проектов, моделей, как правило, в краткосрочном периоде с использованием, преимущественно, эконометрических и статистических методов с изобилием эмпирического количественного материала (основные критерии отбора — изобилие количественных данных, краткосрочный прогностический период, инструментальная ценность);
- *политэкономический подход* проявляется в статьях, которые делают акцент на идеях, концепциях, теориях, анализирующие крупномасштабные социоэкономические процессы, выявляющие движущие силы и мотивации референтных групп в долгосрочном ракурсе (основные критерии отбора — акцент на интересах и влиянии ключевых референтных групп, долгосрочный стратегический горизонт, аналитическая ценность);
- *нарративный подход* предполагает в статьях описание важных событий, логически связанных, рефлексия автора относительно сложившейся конфигурации социоэкономических явлений с целью формирования «картины мира» (основные критерии отбора — акцент на качественных характеристиках, внимание к детализированному описанию социоэкономического контекста и деятельности разнообразных референтных групп, наличие последовательности и завершенности изложения, ретроспективный ракурс, авторская позиция).

Распределение 1006 научных публикаций на три группы не предполагает жестких критериев отбора. Например, статистические данные используются во всех трех подходах, хотя в метрическом — «цифры ведущие», создающие основу дедуктивных умозаключений с целью достижения инструментального успеха; в политэкономическом — «цифры ведомые», так как необходимы для подтверждения, обоснования, подкрепления логического доказательства гипотез, а в нарративном — цифры только «обрамляют» общее повествование с целью описания череды событий для понимания сути экономических явлений. В действительности, легче всего обнаружить статьи, использующие метрический подход, которые являются яркими представителями современного инструментализма, что проявляется в наборе ключевых слов (оценка, эффективность, фактор и др.), прогнозном характере исследований, довольно жесткой постановке про-

блемы, что определяется и профилем самого научного журнала и его редакторской политики (Проблемы прогнозирования, Журнал Новой экономической ассоциации и др.). Главная цель этих статей остается прежней, сформулированная еще М. Фридманом¹ — продемонстрировать на богатом эмпирическом материале прагматическую ценность и практическую перспективность выводов. Статьи, написанные в нарративном стиле, также имеют знаковые специфические характеристики, «мягкий» методологический каркас, хронологически последовательное, часто ретроспективное, изложение, явную авторскую интерпретацию, подробное описание социоэкономического контекста, детализированное представление интересов отдельных референтных групп (местных сообществ, коренных народов и т.д.). Политэкономические статьи вызвали наибольшую сложность при классификации по двум обстоятельствам. Во-первых, в отличие от метрики политэкономический подход допускает менее структурированную постановку проблемы, что иногда придает большую вольность в изложении, сближая некоторые статьи с публицистическим, даже журналистским жанром. Во-вторых, для логически выверенного дедуктивного доказательства политэконому требуется выверенный понятийный аппарат и грамотная методологическая работа с разными экономическими течениями и научными подходами, что зачастую эксплицитно не представлено в ряде российских статей. Поэтому явных политэкономических статей со строгим теоретизированием и методологическим фундаментом, довольно немного, поэтому к этой категории были отнесены работы по «остаточному принципу», которые однозначно нельзя отнести к метрическому и нарративному подходам.

Представленная классификация условна и в дальнейшем требуется более глубинная проработка с выделением подгрупп в каждом подходе, а также рассмотрением зарубежных классификационных матриц и публикаций. Однако непосредственный опыт обзора отечественных статей в первом приближении убеждает в неэффективности применении строгих формальных критериев и автоматического семантического анализа текстов (например, с помощью программы NVivo), хотя бы по причине отсутствия конвенционального понятийного аппарата, презентабельности методологических подходов, и проработанности классификационной матрицы экономических наук в России², что не позволяет пока сформулировать действенный алгоритм обработки текстов статей для машинного обучения.

¹ Знаменитая статья «The methodology of positive economics» М. Фридмана (1953 г.) отрицает необходимость выработки достоверных теоретических предпосылок, допуская, что некоторые из них могут быть даже ложные, и только логически обоснованные рассуждения имеют значение, а ценность экономической теории заключается в действенности и предсказуемости выводов.

² Показательна продолжающаяся дискуссия относительно новой разработки ВАК паспортов специальности по экономическим наукам, например, см. доклад А. В. Кузнецова

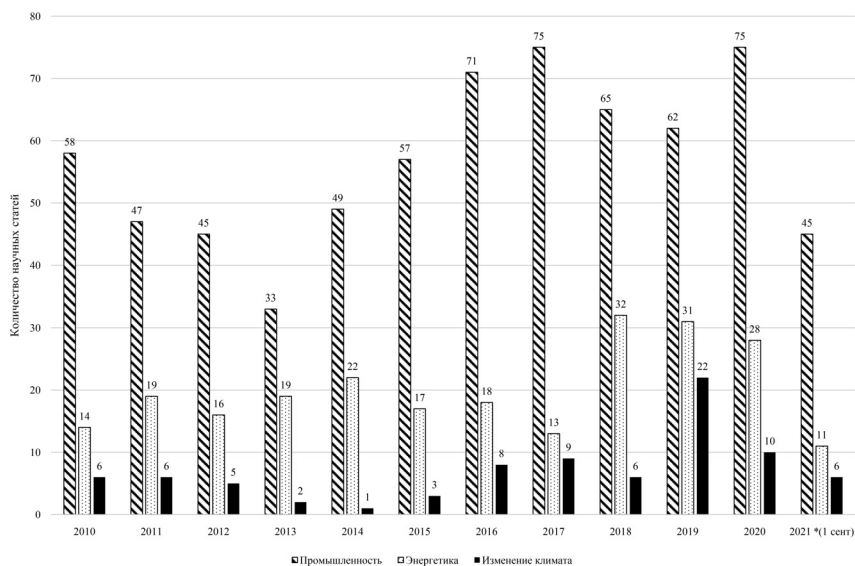

Рис. 1. Динамика научных публикаций в ведущих экономических журналах России за период 2010–2021 гг. по трем проблемным тематикам, количество статей

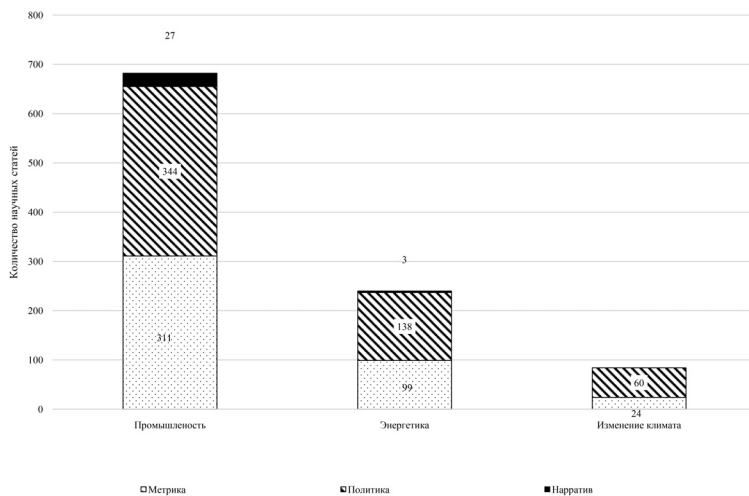

Рис. 2. Структура научных публикаций в ведущих экономических журналах России за период 2010–2021 гг. по трем методологическим подходам, количество статей

Источник: составлено на основе расчетов авторов.

«Проблемы современной классификации общественных наук». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IRp2tsxy6gY> (дата обращения: 27.01.2022).

Экономика как метрика рассматривает хозяйственные процессы как коллекцию объективных фактов и данных, используя преимущественно теоретическое моделирование и эмпирическую верификацию гипотез посредством количественных методов статистики, эконометрики и др. Присутствует молчаливое допущение, что данные — это ключ к пониманию мира и его устройства. Предполагается, что экономическое знание о последствиях изменения климата, энергоперехода и цифровой трансформации формируется благодаря установлению устойчивых законов и взаимосвязей, которые имеют прогностическую силу. Следовательно, *экономика уподобляется точным наукам*. Еще основоположники моделирования подчеркивали, что *«у этих моделей, парадигмами которых являются математические модели в социальных науках, имеются более глубокие систематические онтологические притязания, а именно, они претендуют на отображение закономерных свойств упорядочиваемых данных, на то, что они в действительности являются моделями макромасштабного и универсального поведения переменных и поэтому представляют собой индуктивные генерализации, получаемые из анализа частных случаев»* (Вартофский, 1988).

Помимо экономико-математического моделирования метрический подход предполагает проведение рандомизированных экспериментов, когда контрольная и экспериментальная группы экономических субъектов формируются случайным образом, а также анализируются естественные эксперименты. Например, Т. Смедли описывает один из таких впечатляющих естественных экспериментов в Китае (с 1950 по 1980 г.), в ходе которого население, живущее на более холодном северном берегу реки Хуайхэ (Huai River), обеспечивалось углем за счет государства, а население теплого южного берега было лишено субсидий (Smedley, 2019). Исследователи из Чикагского университета проанализировали уровень смертности в 90 городах в русле Хуайхэ и получили шокирующие результаты: на северном берегу продолжительность жизни оказалась в среднем на 5,5 лет меньше вследствие «кардиоваскулярной смертности» из-за выбросов мелкодисперсной пыли, объем которых на 55% превосходил уровень эмиссии на южном берегу. Таким образом, благотворительная помощь углем отобрала у населения этого региона в совокупности 2,5 млн лет жизни.

В России согласно проведённому обзору научных публикаций 41% всех статей выборки в той или иной степени оперируют метрическим подходом для исследования промышленной, энергетической и климатической динамики. При этом в данную когорту вошли не только изощрённые эконометрические прикладные исследования, сложные модельные комплексы с продвинутым математическим инструментарием, но и аналитические статьи с использованием большого массива статистической информации, рейтингов, индексов, а также расчета несложных, но многочисленных, экономических показателей.

Выгоды использования математики в исследовании Новой промышленной революции, энергоперехода и изменения климата весьма существенны. *Во-первых*, математический язык — это интернациональный инструмент, который способствует четкой трансляции знаний, а моделирование способствует ясности формулирования предпосылок, прозрачности и транспарентности экономического анализа, несмотря на то что некоторые упрощения могут критиковаться, дорабатываться и совершенствоваться. В энергетической сфере существуют разнообразные модельные комплексы, некоторые из них сконструированы в глобальном формате, например TIMES Международного энергетического агентства или EPPA Массачусетского технологического института; а другие полезны для отдельных стран и мегарегионов, как, например, EnergyPLAN для Скандинавии. При изучении социоэкономических последствий изменения климата также востребованы сложные модельные комплексы, например модель DICE нобелевского лауреата У. Нордхауса или модель IMAGE Голландского агентства оценки окружающей среды, которые включают два массива данных: первый — о происходящих погодных явлениях и понесенном ущербе, второй — о предстоящих изменениях погоды и вероятностном воздействии на экономику и социум. Хотя сочетание естественно-научных и экономических моделей климатических изменений — не простая задача, и в работе (Макаров и др., 2018) справедливо уточняется, что «использованная нами модель [мультирегionalной модели общего равновесия EPPA. — *Прим. авт.*] не может в полной мере учесть подобные ограничения, поэтому ее следует воспринимать лишь как общую иллюстрацию масштабов потенциальных изменений». *Во-вторых*, моделирование обращает внимание на несоответствия, пропущенные параметры и аномалии, когда входные данные не приводят к ожидаемым результирующим показателям, что важно при изучении новых феноменов. Так, (Ревич и Шапошников, 2016) обратили внимание на взаимосвязь концентрации вредных веществ в период высоких аномальных температур и на основе их расчетов было установлено, что «длинные волны холода сильнее влияют на уровень смертности, чем короткие волны холода», хотя «для волн жары такие оценки получить не удалось, поскольку не было установлено ни одной достоверной пары рисков для прямого сравнения». *В-третьих*, цифровая трансформация генерирует значительный объем разнообразных данных, массив которых малополезен без тестирования на крупных модельных комплексах. В то же время модели полезны и в случаях недостатка надежных данных, так как абстракция позволяет упростить действительность до нескольких наиболее значимых параметров, заложенных в модельный комплекс. Например, в сфере политики адаптации к изменениям климата (Станкевич, 2018) предлагает оригинальный алгоритм для оперативного прогнозирования распространения лесных пожаров, но для

полноценного воплощения пока не хватает «большой базы данных о динамике лесных пожаров».

Хотя преимущества моделей действуют не всегда. Например, в России зачастую моделирование энергетических систем не представлено эксплицитно, предпосылки часто опускаются из презентации моделей, принципы обработки данных не излагаются, и от всего этого страдает не только культура представления модельных комплексов, но и их эффективность как инструментов государственной стратегии.

Помимо выгод от применения математики в экономических исследованиях есть и *издержки*. Во-первых, очевидно, что создание и поддержание жизнеспособности экономических моделей — это продолжительный и трудоемкий процесс. Достаточно обратиться к опыту института ИЭОПП СО РАН, который славится сильной школой математического моделирования под руководством авторитетных экономистов, ведущие десятилетиями кропотливую работу по поддержанию жизнеспособности крупных модельных комплексов — проекты КАМИН, СИРЕНА и СОНАР¹. Хотя экономическое сообщество часто упрекают в излишней увлеченности красотой математических разработок, когда моделирование превращается не в инструмент, а в самоцель, так как элегантно выстроенная модель сама по себе признается качественным научным результатом, и в некоторых российских научных журналах гораздо легче опубликовать статью с математическими выкладками, чем рукопись без единой формулы. Такой подход, по мнению (Tirole, 2017), обрекает целый ряд моделей и статей на одноразовый «зенит славы, но они затем будут забыты, если они не продуцируют подлинного методологического прорыва».

Во-вторых, чем более комплексно и противоречиво явление, чем сложнее взаимосвязи, тем труднее получить более или менее точные оценки в результате математического моделирования. Как отмечает нобелевский лауреат В. В. Леонтьев, *«экономическая наука, и особенно математическая экономика, уже на самых ранних этапах своего развития приобрела вкусы и привычки строгих эмпирических наук, не пройдя в действительности суровую школу прямого, подробного фактологического анализа»* (Леонтьев, 1990). Моделирование более успешно при исследовании инерционных, экстраполятивных и стационарных процессов в энергетике, нежели в изучении стохастической природы глобального климата и всепроникающей вездесущей цифровизации в индустриализации. Показателен сильный разброс прогнозов воздействия изменения климата на динамику ВВП России. Так, (Порфирьев, 2019) утверждает, что текущая

¹ К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга: Ученый, Учитель, Человек / Под ред. В. И. Суслова, С. А. Суспицына. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2016. 323 с.

оценка ущерба от загрязнения воздуха вредными веществами и изменения климата для «России — 6 и 0,5% соответственно» и по прогнозам ИНП РАН «при реализации России сценария, предусматриваемого экспертами МГЭИК для непревышения вышеупомянутого (1,5 °C) порога глобального потепления климата» к 2050 г. страна «не досчитается» 8% ВВП. Другой прогноз (Макаров и др., 2018) предполагает, что «сценарий простого достижения сторонами Парижского соглашения поставленных в INDC» для ограничения роста температуры до 1,5 °C ведет к падению прироста российского ВВП на 0,2–0,3 п.п. к 2030 г. и еще на 0,5 п.п. с 2035 по 2050 г. Отсутствие в России предпосылок экономического роста за счет амбициозной климатической повестки отмечают и зарубежный аналитический центр The Economist Intelligence Unit; согласно их модельным расчетам российская экономика к 2050 г. станет на 3,3% (по ВВП) меньше. Несмотря на существенные различия в прогнозах, все эти разработки исходят из безусловной необходимости экономического роста мировой и российской экономики, хотя по мнению экономистов Institute for New Economic Thinking, «“зеленый” рост — это иллюзия», и согласно их сверхоптимистическому сценарию до 2050 г., экономический рост мировой экономики будет близок к нулю, а в углеродоемких экономиках, как Россия, вероятно, будет даже отрицательный, поэтому снижение парниковой эмиссии должно восприниматься не как альтернатива возможности «подзаработать», а как единственный способ сохранить экономику. Метрический подход отчётливо демонстрирует, что за большим массивом данных, сложными модельными разработками, скрупулёзными высокоточными расчетами просматриваются глубинные различия во взглядах и ценностных ориентациях экономистов, которые сами являются частью системы, которую они анализируют. Как справедливо отмечает (Coyle, 2021), экономический мейнстрим оказывается малоэффективным с акцентом на независимых, со своими интересами, расчетливых экономических агентах, которые оказываются «мелкой сошкой» перед лицом масштабных феноменов-«монстров» типа цифровизации экономики или глобального потепления.

В-третьих, математическая экономика сложно воспринимается в образовательном процессе. Как отмечают коллеги из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), учебный материал должен соответствовать зарождающимся в экономических исследованиях знаниям, но степень соответствия может варьироваться, и математика является «лишь инструментом для достижения экономических целей, и этот инструмент не универсален, он используется для определенных целей, которые, в свою очередь, не исчерпывают весь объем целей экономической науки» (Тутов, Рогожникова, 2018).

В целом, метрический подход становится востребован для управленцев в эпоху Новой индустриализации и цифровизации экономики, тре-

бующих аналитической работы с большим массивом гетерогенных данных и вовлечение широкого круга граждан в сферу принятия решений посредством компьютерных платформ, цифровых услуг, онлайн-экспертизы, виртуального общения и др. Показателен опыт ведущих стран по запуску новых образовательных программ для подготовки и переподготовки чиновников в сфере цифрового управления, например, в Германии запущена новая программа Digitalakademia, в Канаде — Busrides, в Израиле — Digital Leaders, в России — федеральный проект «Цифровое государственное управление» и др. В этом отношении метрические экономические исследования дают возможность управленцам оперировать значительным массивом экономических данных и фактов для доказательного и эмпирически обоснованного принятия решений.

Экономика как политика, напротив, признает субъектно-объектный характер экономических явлений, в которые вовлечены разные агенты, структуры и институты со своими интересами, иерархией и мотивацией. Акцент делается на анализе современных, как правило, масштабных процессов в обществе и объяснении причинно-следственных связей для выработки рекомендаций и мер воздействия. Познание экономической действительности происходит благодаря разработке оригинального аналитического конструкта на основе обобщения простых метрических, монетизированных и качественных характеристик. В этом смысле *экономика ближе к общественным наукам (политика, социология, психология)*.

Политичность и технократизм присущи изучению всех трех направлений. Например, в области исследований изменения климата методолог науки Н. Орескес указывает на наличие субъективизма и ангажированности, которые ведут к распространению в обществе скепсиса по отношению к объективным данным. Было проведено масштабное изучение корреляции источников финансирования научных проектов и результатов этих исследований в сфере изменения климата в США, которое показало, что *«поляризация позиций является эффективной стратегией для создания противоречий и откладывания политических реформ, особенно в отношении проблем окружающей среды <...>, в этом важную роль играют частные исследовательские фонды, ориентированные на формирование идеологического содержания транслируемой научной информации»* (Farrell, 2016).

В России политэкономы с интересом изучают все три новых феномена (51% всех статей), но чаще всего исследуется энергопереход, где энергия, сила и власть тесно переплетены. Так, (Газман, 2019) подчеркивает важность преодоления субъективных стереотипов, связанных с возобновляемой энергетикой, предпосылки лидерства которой определяются не только «чисто» техническими индикаторами типа «достижением сетевого паритета», но и концептуальным паритетом, когда «каждому проценту роста доли генерации, приходящей на смену предыдущему лидеру,

должен соответствовать значительно больший процент сокращения выбросов в атмосферу». (Бобылев и др., 2013) отмечают, что «переход к “чистой” энергетике связан с совершенствованием общественных институтов» поскольку их развитие существенно влияет на скорость внедрения технологий и экономических механизмов. ВИЭ, как правило, рассматриваются как прорывные инновации, ориентированные на радикальные изменения в экономической политике, чтобы перенаправить всю экономику, трансформировать производство, распределение и потребление во всех отраслях. Если развитие традиционной энергетики опирается на объективные данные о запасах, геологоразведку и на другие технические параметры, то использование более равномерно распространенной и доступной энергии солнца и ветра зависит в значительной степени от политической воли и стратегических разработок. Показателен пример Калифорнии, которая, находясь на 17-м месте в США по потенциалу энергии ветра, стала лидером по ветрогенерации в стране: «Не энергия ветра выбрала Калифорнию в качестве своего прибежища. Калифорния выбрала сама себя для развития ветрогенерации» (Aklin, Urpelainen, 2018). Энергетический выбор зависит в большей степени от стратегических установок, управленческих решений и механизмов реализации — все это становится предметом политэкономических исследований. Поскольку политэкономия прежде всего ориентирована на принципы принятия решений с учетом заинтересованных групп, структур, организации, то этот кластер исследований представляется наиболее важным в подготовке управленцев.

Экономика как нарратив опирается на дескрипцию и последовательное повествование о сложных экономических явлениях в условиях высокой степени неопределенности, а не на рассмотрение фрагментарных кейсов и обыденных случаев. В отличие от политики, нарратив ориентирован скорее на плюрализм суждений, чем на монокаузальность трактовки; на понимание, чем на объяснение; и в большей степени подходит для разработки сценариев, нежели стратегий и прогнозов. Объективная реальность конструируется благодаря не только данным, но и вербальным представлениям, правдивым историям, фактологической информации, а научную ценность представляют не только конкретные цифры и показатели, но и достоверные свидетельства, логически выверенные интерпретации происходящих изменений в обществе с учетом размышлений, норм, ценностей отдельных экономических субъектов и референтных групп. Интересно, что современный экономист (Shiller, 2019) вводит понятие «нарративная экономика» для исследования воздействия «заразительных» идей, влиятельных концептов и знаковых историй на экономическое поведение и принятие стратегических решений. Нарративная экономика работает со смыслами, содержанием и толкованием, для нее важен социально-экономический контекст принятия решений. В этом отношении *экономика*

сближается с гуманитарными науками (история, филология, лингвистика, культурология, антропология и др.), использует преимущественно качественные методы социологических исследований, а также дескрипцию, рефлексию, логику, заимствованные во многом из исторической науки и философии.

Российская экономическая школа имеет давние традиции повествовательного нарративного анализа. В качестве примера приведем отрывки работ из профессионального журнала «Экономист», выходившего в Петрограде с декабря 1921 по июнь 1922 г. В опубликованной там статье П. Чубутского подчеркивается, что «прежде всего должно быть выяснено краеугольное экономическое понятие, лежащее в основе всех экономических явлений, — *ценность*» и приводится любопытный кейс о росте цен на хлеб и интеллектуальный труд в России *до* и *после* Первой мировой войны: «в то время как хлеб вздорожал в 175 000 раз, цена квалифицированного умственного труда увеличилась только в 2500 раз, в 70 раз меньше хлеба». Это ценовое соотношение нельзя объяснить действием «великих экономических законов», так как производительность в сельском хозяйстве и количество квалифицированного труда практически не изменились, а факт этой переоценки означает, что «*для сохранения жизни населения данной страны жизнь одного земледельца важнее жизни 70 ученых, художников и писателей, значит признать, что эта страна в силу каких-то условий переживает эпоху катастрофического падения культуры, эпоху стремительной варваризации*» (Чубутский, 2008).

Тем не менее развитие качественных методов экономических исследований в последующем было девальвировано сначала за счет идеологии, а затем, в 1960-е гг., за счет увлеченности экономико-математическими методами. Такая увлеченность привела к тому, что «*общекультурный и профессиональный уровень научно-экономического сообщества еще более деградировал... Знание экономической истории и истории экономической мысли оказались близки к нулю*» (Ханин, 2016). В то же время этот тренд наметился и в западных университетах, когда экономическая наука перестала рефлексировать и размышлять о фундаментальных основах своих исследований и превратилась в приложение специальных техник и изощренного инструментария, которые дают возможность конкурировать за внимание, цитируемость, рейтинги, продвижение и оправдывать тех, кто рассказал ученым об этих инструментах. На самом деле, необходимо вернуться «*к экономической науке, которая восходит к истории, восприимчива к этическим вопросам и свободна от догм “саморегулируемых” рынков*» (Skidelsky, 2020).

Знание экономической истории позволяет погрузиться в определенный социоэкономический контекст и научиться «плыть» в потоке событий и явлений. Эти навыки важны не только для экономической науки, но и для подготовки эффективных управленцев, способных грамотно

интерпретировать явления и создавать свой нарратив для продвижения новых идей и стратегий. Показательно, что председатель Счетной палаты РФ А. Л. Кудрин при создании факультета свободных искусств и наук в СПбГУ выделил восемь направлений и объединил в один курс социальные науки: антропологию, социологию, политическую науку и экономику с акцентом именно на структурных теоретических подходах к исследованию явлений и методов социологических исследований. Цель этих усилий в том, чтобы *«научить обучающихся читать, писать, говорить и думать»*, и в меньшей степени считать и калькулировать (Кудрин, 2020).

Нарративный анализ становится востребован в сфере энергетических и климатических исследований из-за высокой степени неоднозначности, противоречивости взаимодействия традиционных и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также комплексности процессов изменения климата. В России пока данная тенденция в меньшей степени проявляется, так всего 30 научных статей за 10 лет были опубликованы с использованием элементов нарративного анализа — это преимущественно социально-экономические очерки, ретроспективный анализ, исторический экскурс. Так, (Головин, 2011) предлагает экскурс в историю несостоявшегося проекта газификации промышленных районов Иркутской области для того, чтобы понять перспективы газификации Сибири и оценить издержки строительства крупномасштабных гидроэлектростанций. Как известно, строительство крупных гидроэлектростанций привело к отчуждению огромных территорий и перемещению сотен домохозяйств в Сибири. Так, сооружение одной из самых крупных в мире гидроэлектростанций — Братской ГЭС (4500 МВт) — потребовало затопления 542 га сельскохозяйственных земель, вынесения 249 населенных пунктов, переселения 72 тыс. жителей. Эти меры крайне отрицательно воспринимались местным населением, о чем свидетельствуют не только сухие цифры статистики, но и повесть В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976 г.), в которой показана трагедия уничтожения традиционного жизненного уклада деревни Матера на Ангаре в результате затопления ради строительства Братской ГЭС, производящей сейчас дешевую электроэнергию для частного Братского алюминиевого завода компании «РУСАЛ». В другом очерке (Симонов, 2019), описывая подвиг стахановцев, культивировал труд угольщиков, нефтяников, занятых в традиционной энергетике. При этом современные истории о «выползающих червях», рассказы о «сбитых стаях птиц» девальвируют ценность ВИЭ. Исследование убеждений, установок, ценностных ориентаций экономических агентов дает возможность лучше понять ограничения энергоперехода и прогнозировать долгосрочные изменения в обществе.

Экономика как образовательный предмет

Обзор учебных планов образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» (очной формы обучения) *пяти ведущих* российских университетов, задающих ориентиры развития экономико-управленческого образования в стране и имеющих продвинутую научно-исследовательскую базу, позволяет сделать вывод о наличии трех групп образовательных программ подготовки управленческих кадров: экономико-математические, обществоведческие и гуманитарные дисциплины (рис. 3).

В основу классификации образовательных программ заложены следующие критерии:

- 1) наличие междисциплинарных связей дисциплин учебного плана с экономической наукой позволяет соотнести дисциплины базовой части учебного плана с тремя методологическими подходами к исследованию: метрическим, политэкономическим и нарративным.
- 2) учёт общей трудоемкости дисциплин, академических часов, отводимых на изучение дисциплин, с целью дальнейшего анализа по группам. Продолжительности учебных курсов и характер преподаваемых дисциплин позволяет утверждать об определенной направленности образовательного контента, т.е. о «сдвиге» учебного процесса в экономико-математическую, обществоведческую или гуманитарную сторону.

Экономико-математические учебные программы подготовки управленческих кадров характеризуются как количественным превосходством дисциплин метрического характера в учебных планах, так и весомой долей часов, отводимых на их изучение. К группе экономико-математических дисциплин принадлежат: «Микроэкономика», «Макроэкономика», «Статистика», «Методы принятия решений», «Эконометрика», «Математика», «Основы математического моделирования» и пр. Их объединяет как инструментарий исследования предметной области (эконометрические модели, графические модели, анализ эмпирических данных, прогнозирование показателей и пр.), так и формируемые умения и навыки количественного обоснования принимаемых управленческих решений.

В структуре учебных планов обществоведческой группы программ большое количество часов отводится на изучение таких дисциплин как «Право», «Политология», «Философия», «Противодействие коррупции», «Национальные отношения» и пр. Наличие общего подхода к анализу государственной экономической политики через призму общественных интересов, мотивов социальных групп, анализ правовых отношений и политических процессов позволяет развить у обучающихся умения и навыки разработки управленческих решений.

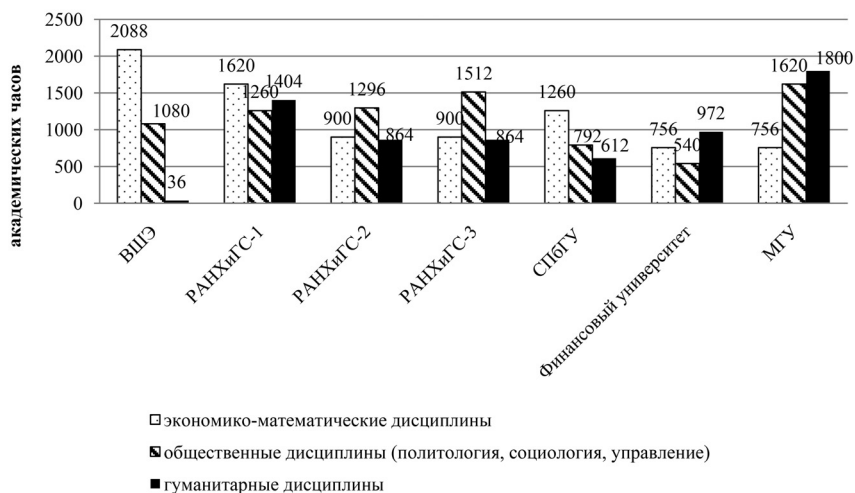

Рис. 3. Структура учебных планов по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» в российских вузах, акад. час.¹
 Источник: составлено на основе расчетов авторов.

Гуманитарные учебные программы подготовки управленческих кадров характеризуются появлением в учебных планах большого количества гуманитарных дисциплин: «История», «История государственного управления», «Русский язык и культура речи», «Иностранный язык», «Межкультурные коммуникации», «Этика государственной и муниципальной службы» и пр. Данные дисциплины формируют навыки критического анализа у будущих управленцев, умения определять социально-экономические последствия политических решений на долгосрочную перспективу, ограничения и преимущества реализуемых проектов в государственном секторе экономики.

Анализ трех групп образовательных программ по трудоемкости дисциплин позволяет выделить общую тенденцию к увеличению количества часов, отводимых на изучение «Экономической теории» для управленцев. Так, в РАНХиГС в 2021 г. по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» поступающим было предложено три профильных направления: «Государственная и муниципальная служба», «Эф-

¹ Анализ проведен без учета дисциплин узкопрофессионального блока и дисциплин по выбору. Объем программы бакалавриата 8640 акад. час. (240 з. е.), на учебные дисциплины отводится не менее 5940 акад. час. (165 з. е.). 1 зачетная единица равна 36 акад. час. или 27 астрономическим. РАНХиГС-1 — профиль «Экономика и управление (с углубленным изучением иностранного языка и экономических дисциплин)»; РАНХиГС-2 — профиль «Государственная и муниципальная служба»; РАНХиГС-3 — профиль «Эффективное государственное управление».

фективное государственное управление» и «Экономика и управление». Если в первых двух акцент сделан на изучении общественных наук (философии, политологии, социологии, психологии, праве, в совокупности 1296 акад. час.), и эти программы можно охарактеризовать как обществоведческие, то в третьей программе преобладают дисциплины узкого экономического и математического содержания (1620 акад. час.), соответствующую программу можно отнести к экономико-математической группе (рис. 3).

Наиболее ярким примером экономико-математической группы образовательных программ являются бакалаврские программы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ). По направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» в этом вузе представлено два профиля: «Финансовый менеджмент в публичном секторе» и «Управление в социально-значимых отраслях». В базовой части учебного плана в качестве специализации четко прослеживается ориентир на повышенный уровень экономико-математической подготовки (2088 акад. час.)

Санкт-Петербургский государственный университет также придерживается метрического подхода. В учебных планах образовательной программы «Государственное и муниципальное управление» разделы «Микроэкономика» и «Макроэкономика» представлены в несколько меньшем объеме — по 180 акад. час., на весь блок дисциплин экономико-математической направленности отводится 1260 акад. час., на блок общественных дисциплин — 792 акад. час., на гуманитарные дисциплины — 612 акад. час.

Образовательные программы МГУ демонстрируют политэкономическое направление. Блок общественных дисциплин составляет 1800 акад. час., блок дисциплин, основанный на метрике «Политика» — 1620 акад. час. На «Экономику» отводится 180 акад. час., общий объем дисциплин экономико-математической подготовки меньше всего — 756 акад. час.

Финансовый университет при Правительстве РФ (единственный в этой выборке) отчетливо придерживается гуманитарного подхода, в базовой части программ доминируют дисциплины гуманитарной направленности (история, иностранный язык), дисциплина «Экономическая теория» изучается в объеме 216 акад. час. (рис. 3).

Из существенной разницы в объемах учебных курсов следуют отличия в их содержании. Студенты ВШЭ в рамках раздела «Микроэкономика», помимо базовых тем, изучают функционирование рыночной экономики, вопросы государственного регулирования рынка производственных и потребительских благ, рынка труда, финансовых рынков; в разделе «Макроэкономика» — темы, освещающие взаимосвязь денежного рынка и кредитно-денежной политики, теорию международной торговли, внешнеторговой политики, платежного баланса, экономического роста и эко-

номической политики в открытой экономике. В то же время в МГУ содержание дисциплины «Экономика» ограничивается знакомством с основными закономерностями функционирования рыночного механизма и ролью государства в экономике. В качестве рекомендуемой к изучению литературы представлены учебные пособия, содержательно раскрывающие основы государственного сектора экономики и экономической политики государства («Научные основы экономической политики государства» — автор Сажина М. А. и «Экономика общественного сектора» — авторы Якобсон Л. И., Колосницына М. Г.), что подтверждает ориентир на политэкономический подход к преподаванию экономической науки.

Анализ рабочих программ указывает на соблюдение вузами общей канвы неоклассического мейнстрима, дополненного в ряде случаев основами институциональной парадигмы (НИУ ВШЭ, РАНХиГС). Доминирование неоклассической теории в экономическом образовании управленцев можно объяснить стремлением варьировать глубину преподавания за счет создания разного уровня сложности расчетных задач и построения графиков. Политэкономический и тем более нарративный анализ требуют не только знания теорий и отдельных концептов, но и представления о целом круге проблем самого разного, междисциплинарного характера. В итоге, поскольку в ведущих вузах обучают предпочтительно неоклассической теории, имеющей в основном метрический формат, то этот подход в значительной мере воспроизводится и в научных исследованиях молодых ученых. В то же время современные проблемы экономической науки, такие как климатическая политика, переход на безуглеродную энергетику, последствия международной трудовой миграции, эффекты Новой промышленной революции, не нашли отражения в содержании учебных курсов.

Тем не менее, осознание необходимости гуманитарного подхода к преподаванию экономической науки для управленцев приходит через содержание современной учебной литературы. Примером может служить учебник «Микроэкономика: учебник и практикум для вузов» — автор Ким И. А. (НИУ ВШЭ, 2021 г.)¹. Учебник содержит практические примеры, позволяющие анализировать экономические проблемы и явления на основе нарративного подхода. Автором рассматриваются вопросы регулирования выбросов парниковых газов, неравенство доходов населения разных стран, интернет площадки как инструмент усиления конкуренции, национальные особенности экономической системы, международная миграция на рынке труда и пр.

¹ Ким, И. А. Микроэкономика: учебник и практикум для вузов / И. А. Ким. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 328 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01637-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. <https://urait.ru/bcode/468749> (дата обращения: 03.01.2022).

В учебнике Е. Ю. Бойцова «Микроэкономика и макроэкономика: актуальные проблемы» (МГУ, 2021 г.)¹ также сделана попытка широкого изложения проблем современного состояния теории и практики экономической науки. В содержании представлены особенности поведения цифровых корпораций, анализируется электронная коммерция, рассматриваются проблемы экономической конвергенции, роль научно-технического прогресса в достижении устойчивых темпов роста благосостояния населения, макроэкономические проблемы в экономике с несовершенным рыночным механизмом, вопросы государственного регулирования экономики.

В Финансовом университете при Правительстве РФ в 2021 г. издается профильный учебник для управленческих специальностей², в содержании которого отчетливо прослеживается нарративный подход. В учебнике представлены современные макроэкономические концепции и эволюция их развития, анализ результатов развития национальной экономики, основы формирования государственной политики, макроэкономический анализ открытой экономики, вопросы провалов государства и учета теневой экономики, последствия международной трудовой миграции и миграции капитала, условия конкурентоспособности национальной экономики. Делается попытка передачи учебного курса по макроэкономике через теоретическое осмысление практики и междисциплинарный подход.

К сожалению, унификация требований к содержанию рабочей программы дисциплины «Экономическая теория», диктуемая Федеральным государственным образовательным стандартом³, имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Положительные моменты связаны с обеспечением единого качества образовательных программ и преподавания экономических дисциплин. Отрицательные последствия можно

¹ Бойцова, Е. Ю. Микроэкономика и макроэкономика: актуальные проблемы: учебник и практикум для вузов / Е. Ю. Бойцова, Н. К. Вошикова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 249 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11175-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/475827> (дата обращения: 03.01.2022).

² Макроэкономика для управленческих специальностей: учебник и практикум для вузов / Г. А. Родина [и др.]; под редакцией Г. А. Родиной. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 471 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13912-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/467225> (дата обращения: 03.01.2022).

³ В 2020 г. утвержден ФГОС ВО 3++ и по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» и по направлению 38.03.01 «Экономика». В соответствии с ФЗ №273 «Об образовании в Российской Федерации» ряд образовательных организаций высшего образования имеют право разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты (СУОС) по всем уровням высшего образования (перечень вузов утверждается указом Президента Российской Федерации). В их числе МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РАНХиГС, Финансовый университет при Правительстве РФ, НИУ ВШЭ.

проследить в трудностях формирования общей стратегии развития отечественного экономико-управленческого образования, а по сути, в ее отсутствии. Одним из приоритетов стратегического развития высшего экономико-управленческого образования могла бы стать интеграция современной экономической науки в образовательный процесс.

Интеграция современной экономической науки в образовательный процесс в сочетании с необходимостью привлечения практиков к учебной деятельности являются важными условиями повышения качества экономико-управленческого образования в России. Основным способом интеграции экономической науки в образовательный процесс связан с качеством учебно-методического сопровождения дисциплины, когда преподаватель включает в содержание лекций и учебных пособий результаты современных научных исследований, в том числе собственных. На практике преподаватель вынужден маневрировать в жестких рамках типовых рабочих программ дисциплин, зачастую включить новые темы в учебное пособие вызывает затруднения. Не каждый преподаватель согласится инициировать трудоемкую процедуру согласования содержания учебных материалов курса с учебно-методическим советом вуза.

Потребность в интеграции экономической науки в образовательный процесс, вне всяких сомнений, осознается ведущими отечественными вузами, что находит отражение в изменении их организационной структуры. Так, на примере практики РАНХиГС, наблюдается тенденция к формированию научно-образовательных центров, как в головном кампусе, так и в региональных филиалах. Научно-образовательные центры, как правило, включают научно-исследовательские лаборатории и кафедры, объединенные общей предметной областью исследования. Основной целью их создания является стимулирование научной деятельности в вузах, как со стороны обучающихся, так и со стороны преподавателей. При высокой научной активности вуза рано или поздно возникает вопрос о соблюдении тонкой грани между контролем качества преподавания экономических дисциплин, мотивационной составляющей профессорско-преподавательского состава и стратегическими целями подготовки управленческих кадров для национальной экономики.

Таким образом, различия в подходах к экономике как научной дисциплине вносят существенные коррективы и в бакалаврские образовательные программы управленцев, предлагаемые российскими ведущими университетами. В отечественной высшей школе сегодня превалирует метрический подход к формированию содержания образовательных программ для управленцев, хотя политэкономический подход также набирает популярность. При этом гуманитарные образовательные программы подготовки управленцев осознаются как перспективные.

Обратимся к зарубежному опыту и проанализируем структуру образовательных программ восьми университетов, входящих в топ-рейтинг

«Лучшие мировые университеты» по предмету «Социальные науки и менеджмент» в 2021 г. (QS World University Rankings by Subject 2021: Social Sciences & Management)¹.

Согласно оценкам рейтинга, в топ-5 попали следующие учебные заведения: 1. Гарвардский университет (США), 2. Лондонская школа экономики и политических наук (Великобритания), 3–4. Стэнфордский университет (США) и Оксфордский университет (Великобритания), 5. Кембриджский университет (Великобритания). В выборку добавлены представленные в рейтинге университеты Китая, Сингапура и Южной Кореи: 9. Национальный университет Сингапура, 21. Пекинский университет, 31. Сеульский национальный университет.

Анализ структуры образовательных программ на предмет количественного превосходства одной из трех групп дисциплин, выделяемых на основе методологических подходов (метрического, политэкономического и нарративного), позволяет сделать общие выводы о направлениях реализации экономико-управленческого образования в ведущих зарубежных вузах (рис. 4).

Так, в университетах США, в Гарвардском и в Стэнфордском университетах², в структуре образовательных программ по государственному управлению доминируют дисциплины экономико-математической направленности, указывающие на метрический подход к преподаванию и непосредственно к реализации образовательных программ. К примеру в Гарвардском университете чтобы получить высшее образование в области государственного управления, необходимо успешно освоить бакалаврскую программу «Гуманитарные науки» и магистерскую программу «Государственное управление»³. В Стэнфордском университете соответствующая образовательная программа («Управленческая наука и инженерия»)⁴ изначально ориентирована на метрический подход. Программа построена на базовых курсах инженерии с возможностью дополнительного изучения трех научных областей: «Финансы и решения», «Операции и аналитика» и «Организации, технологии и политика». В базовом блоке в большом объеме представлены дисциплины математической направленности (рис. 4).

¹ QS World University Rankings by Subject 2021: Social Sciences & Management. <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2021/social-sciences-management>

² Официальный сайт: Harvard, USA <https://handbook.fas.harvard.edu/book/economics>; официальный сайт: Stanford University, USA <https://exploreddegrees.stanford.edu/schoolofengineering/managementscienceandengineering/#bachelortext>

³ <https://handbook.fas.harvard.edu/book/economics>

⁴ <https://exploreddegrees.stanford.edu/schoolofengineering/managementscienceandengineering/#bachelortext>

[illegible]

Рис. 4. Структура образовательных программ по государственному управлению в ведущих зарубежных вузах

В университетах Великобритании не все так однозначно, здесь прослеживаются все три группы образовательных программ. В Лондонской школе экономики и политических наук можно пройти обучение по бакалаврским программам, ориентированным на метрический подход («Политика и экономика», «Философия, политика и экономика»)¹. В Оксфордском университете реализуются бакалаврские программы «Философия, политика и экономика» и «Государственная политика»², в которых прослеживается политэкономический подход. Здесь наряду с экономическими и математическими дисциплинами представлен широкий блок дисциплин, изучающих политику и политическую науку: политика, политический анализ, политическая социология, политика развития и роста, городская и региональная политика, политика международной и национальной безопасности и пр. В Кембриджском университете реализуется образовательная программа «Гуманитарные, социальные и политические науки»³, представляющая нарративный подход с количественным превосходством общегуманитарных дисциплин в структуре программы.

В университетах Восточной Азии складывается абсолютно иная тенденция. Все программы бакалавриата, связанные с подготовкой кадров в сфере государственного управления, ориентируются на политэкономический подход. В структуре образовательных программ преобладают общественные науки (политика, политология, социология).

В Национальном университете Сингапура модуль «Управление и государственная политика» изучается в рамках образовательной программы «Политология» наряду с пятью равнозначными модулями: «Политическая система Сингапура», «Методы исследования в политологии (методология)», «Сравнительная политика», «Международные отношения», «Политическая теория»⁴.

В школе государственного управления Пекинского университета⁵ экономические дисциплины искусно сочетаются с дисциплинами политического блока. Большое внимание уделяется анализу государственной политики стран — торговых партнеров, в образовательной программе можно встретить учебные курсы: «Американское правительство и политика», «Политический переход России», «Анализ государственной политики».

В Сеульском национальном университете⁶ наиболее близкой по смыслу к программам подготовки государственных служащих является образо-

¹ <https://www.lse.ac.uk/study-at-lse/Undergraduate/Degree-programmes-2022/BSc-Politics-and-Economics>

² <https://www.ox.ac.uk/admissions/undergraduate/courses-listing/philosophy-politics-and-economics>

³ <https://www.jbs.cam.ac.uk/programmes/undergraduate/electives/>

⁴ <https://fass.nus.edu.sg/pol/listing-by-subfields/>

⁵ https://english.pku.edu.cn/education_course.shtml

⁶ <https://en.snu.ac.kr/academics/programs/undergraduate>

вательная программа «Политология», в структуре программы вовсе отсутствуют дисциплины метрического и нарративного подходов. Большая часть дисциплин посвящена изучению политических систем и политики крупнейших мировых держав: Китая, Японии, стран Западной Европы.

Содержательный анализ образовательных программ зарубежных вузов весьма затруднителен, не всегда представлена информация о трудоемкости дисциплин, в открытом доступе не выложены учебные пособия, по которым идет обучение студентов — будущих управленцев. Тем не менее некоторые широко известные зарубежные учебники позволяют выявить ряд особенностей. Например, популярный лектор Лондонской школы экономики и сооснователь образовательного портала CORE Y. Карлин¹ в своем учебнике представляет собственный концепт преподавания экономических дисциплин с акцентом на трех ключевых темах: промышленное развитие, неравенство и экономическая политика. Известный экономист Д. Аджемоглу² в своем учебнике останавливается на четырех принципиальных для изучения экономики темах: детерминанты экономического роста, анализа выгод и издержек, институты и власть. Дополнительное знакомство с учебно-методическими пособиями онлайн-платформ CORE, Pearson, The Open edX позволяет сделать вывод, что ряд традиционных для российской высшей школы тем — изучение модели IS-LM, кривой Лаффера и др., — как правило, отсутствуют не только в печатных изданиях, но и в электронной образовательной среде.

По-видимому, ряд устойчивых для российского образования концептов признаны устаревшими в зарубежном дискурсе, и на смену им приходят модернизированные фундаментальные теории и совершенно новые методологические принципы, например метод нарратива. В то же время есть общие аспекты российских и зарубежных экономических курсов — это значительное снижение внимания к истории того или иного экономического вопроса. Как справедливо отметил (Клисторин, 2011), происходит девальвация предмета экономической истории, которая может научить будущих управленцев *«критическому взгляду на эмпирический материал и глубокому пониманию его несовершенства, а также конструированию всевозможных методов перепроверки полученных результатов»*. Навыки критического мышления принципиально важны для развития нарративного анализа экономической действительности.

Таким образом, если в вузах России и США доминирует метрический подход к реализации образовательных программ для управленцев, то в Великобритании и в странах Восточной Азии экономико-управленческое образование воспринимается через призму политэкономического подхода.

¹ Carlin W., Soskice D. Macroeconomics: Institutions, Instability, and the Financial System. London: Oxford University Press, 2014. 672 p.

² Acemoglu D., Laibson D. Economics. NY: Pearson, 2017. 832 p.

Гуманитарный подход в высшем экономико-управленческом образовании представлен в единичных вузах России и Великобритании. В зарубежных вузах, в отличие от отечественных, образовательные программы ориентированы на индивидуальное конструирование структуры учебных планов, что предполагает большое количество дисциплин по выбору, в том числе изучающих современные концепции экономической теории. Соответственно появляется большой объем самостоятельной работы, представленной особыми видами заданий (типа эссе) по развитию навыков применения теоретических знаний (Пахомова & Рихтер, 2009). К сожалению, в российских вузах увеличение объемов самостоятельной работы не сопровождается пересмотром фонда оценочных средств дисциплины: по-прежнему преобладают тесты с выбором одного из множества и задания на интерпретацию самостоятельно изученных понятий и концепций. С развитием гуманитарного подхода и переходом на электронные учебные курсы вопрос о качестве фондов оценочных средств в российских вузах становится особо актуальным.

Заключение

Выделение трех методологических подходов — метрического, политического и нарративного — в современных направлениях отечественной экономической мысли и их соотнесение с образовательными программами подготовки управленцев в ведущих российских и зарубежных университетах позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, метрический подход по-прежнему остается доминирующим в исследовании ряда новых социоэкономических феноменов — Новой промышленной революции, энергетической трансформации и глобального изменения климата. Количественные данные, экономико-математические модели, финансовые расчеты считаются более точными, надежными и убедительными. На основе счетных показателей, индикаторов, метрик управленцам легче сравнивать, сопоставлять, ранжировать экономические объекты, а принятые на их основе решения выглядят выверенными, прагматичными и беспристрастными. Хотя есть вероятность, что этот подход будет терять свою популярность среди управленцев в свете недавней отмены Всемирным банком одного из самых популярных в российской практике рейтингов — *Doing Business*¹, на основе данных которого ставилась национальная цель для России войти в топ-20 стран с процветающим бизнесом.

¹ Report to the Board of Executive Directors. Investigation of Data Irregularities in Doing Business 2018 and Doing Business 2020. September 15, 2021. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/84a922cc9273b7b120d49ad3b9e9d3f9-0090012021/original/DB-Investigation-Findings-and-Report-to-the-Board-of-Executive-Directors-September-15-2021.pdf>

Во-вторых, понимание экономической политики для будущих управленцев особенно важно в контексте изучения промышленной и энергетической динамики, где велика роль крупных экономических субъектов, воздействующих на ход развития экономических процессов. Политэкономы дают возможность управленцам оценить роль подлинных интересов, скрытых факторов и действенных механизмов реализации стратегических инициатив в экономике.

В-третьих, в связи с нарастанием неопределенности и сложности экономических процессов возрастает значимость нарративного анализа, который на основе разнообразных интерпретаций дает возможность лучше понять альтернативность развития и вариативность решений референтных групп по отношению к энергопереходу, роботизации, катастрофическим природным катаклизмам. В управленческой практике этот подход позволяет не только привлекать внимание к комплексным проблемам, подготавливать диверсифицированные сценарии, но и оказывать влияние на экономическое развитие посредством новых оригинальных нарративов.

В-четвертых, существует *разрыв* между научным направлением экономических исследований и процессом подготовки управленческих кадров. Сейчас в образовании превалирует преподавание с использованием метрического подхода, а в экономической науке нарастает востребованность качественных методов исследований. Представляется важным включение в российское экономическое образование *гуманитарного компонента* для формирования более абстрактного мышления у нового поколения управленцев, способных решать комплексные проблемы.

Список литературы

Автономов, В. С. (2020). *В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Аганбегян, А. Г. (2007). Заметки о бизнес-образовании. *Экономическая политика*, 4, 21–34.

Банерджи, А., Дюфло, Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности*. М.: Издательство Института Гайдара; Санкт-Петербург: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Бобылев, С. Н., Власов, Ю. С., Кирюшин, П. А. (2013). Влияние экологизации энергетики на развитие человеческого потенциала. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 1, 36–46.

Вартофский, М. (1988). *Модели. Репрезентация и научное понимание*: пер. с англ. Общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. М.: Прогресс.

Газман, В. Д. (2019). Преодоление стереотипов, связанных с возобновляемой энергетикой. *Вопросы экономики*, 4, 124–136. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-124-136>

Головин, А. П. (2011). Чего стоим? Кого ждем? (экскурс в историю и географию несостоявшегося проекта газификации промышленных районов юга Иркутской области). *ЭКО*, 6(444), 57–56.

Горбачева, Н. В., Филатова, Н. Г. (2021). *Экономическая теория: от фундаментальных идей к современной практике: учеб. пособие*. Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС.

Гурова, Т., Сысоев, Т. (2021). Государство, которое мы не знаем. *Эксперт*, 23, 88–95.

Клисторин, В. И. (2011). Апология истории, или Почему ее изучение необходимо экономисту. *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. Том 11, 3*, 186–195.

Кудрин, А. Л. (2020). *Экономическое развитие России*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Ленчук, Е. Б. (ред.) (2020). *Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски: монография*. СПб.: Алетейя.

Леонтьев, В. (1990). *Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика*: пер. с англ. М.: Политиздат.

Макаров, И. А., Чен, Х., Пальцев, С. В. (2018). Последствия парижского климатического соглашения для экономики России. *Вопросы экономики*, 4, 76–94.

Оболонский, А. В. (2015). Очерки истории российско-советской бюрократической номенклатуры. *Вопрос государственного и муниципального управления*, 3, 145–159.

Пахомова, Н. В., Рихтер, К. (2009). Формирование современной модели высшего экономического образования в контексте опыта зарубежных университетов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 2, 98–111.

Плюснина, В. В., Дальжинова, И. А. (2008). *Ангарский каскад: экологические последствия (2-я половина XX века)*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Порфирьев, Б. Н. (2019). Парадигма низкоуглеродного развития и стратегия снижения рисков климатических изменений для экономики. *Проблемы прогнозирования*, 2(173), 3–13.

Ревич, Б. А., Шапошников, Д. А. (2016). Волны холода в южных городах европейской части России и преждевременная смертность населения. *Проблемы прогнозирования*, 2(155), 125–131.

Симонов, Н. С. (2019). Экономико-географические особенности отечественной топливно-энергетической промышленности в историческом контексте. *ЭКО*, 3(537), 146–165.

Станкевич, Т. С. (2018). Применение сверточных нейронных сетей для решения задачи оперативного прогнозирования динамики распространения лесных пожаров. *Бизнес-информатика*, 4(46), 17–27.

Тутов, Л. А., Рогожникова, В. Н. (2018). Дилемма «экономист или математик»: взгляд философии. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 1, 3–17.

Ханин, Г. И. (2016). Нужна ли современная экономическая наука и полезно ли нынешнее экономическое образование? (О книге В. М. Ефимова «Экономическая наука под вопросом»). *Terra Economicus. Т. 14, 3*, 145–157.

Чубутский, П. П. (2008). *Предпосылки реальной экономической политики*. «Экономист». Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Aklin, M., Urpelainen, J. (2018). *Renewables: The politics of a global energy transition*. Cambridge: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/11112.001.0001>.

Coyle, D. (2021). *Cogs and Monsters: what economics is, and what it should be*. New Jersey: Princeton Univ. Press.

Farrell, J. (2016). Corporate funding and ideological polarization about climate change. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. Vol. 113, 1*, 92–97. <https://doi.org/10.1073/pnas.509433112>.

- Mazzukato, M. (2018). *The value of everything. Making and taking in the global economy*. New York: Public Affairs.
- Shiller, R. J. (2019). *Narrative economics*. New Jersey: Princeton Univ. Press.
- Skidelsky, R. (2020). *What's Wrong with Economics? A primer for the perplexed*. New Haven and London: Yale University Press.
- Skilton, M., Hovsepian, F. (2018). *The 4th Industrial Revolution*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Smedley, T. (2019). *Clearing the air: the beginning and the end of air pollution*. Bloomsbury Sigma.
- Sunstein, C. R., Vermeule, A. (2020). *Law and Leviathan. Redeeming the Administration State*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Tirole, J. (2017). *Economics for the common good*. New Jersey: Princeton Univ. Press.

References

- Avtonomov, V. (2020). *In search of a man: essays on the history and methodology of economic science*. Under scientific editing by E. Riazantseva. Moscow; Saint-Peterburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences, SPbSU.
- Aganbegyan, A. G. (2007). Notes on business education. *Economic Policy*, 4, 21–34.
- Banerjee, A. V., Esther Duflo, E. (2021). *Good Economics for Hard Times: better Answer to our Biggest Problems*. Moscow; Saint-Peterburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Arts and Sciences, SPbSU.
- Bobylev, S. N., Vlasov, Yu.S., Kiryushin, P. A. (2013). Influence of ecologization of energy sector on human development. *Moscow University Economic Bulletin*, 1, 36–46.
- Wartofsky, M. W. (1988). *Models. Representation and the Scientific Understanding*. Boston Studies in the Philosophy and History of Science. Holland: D. Reidel Publishing Company.
- Gazman, V. D. (2019). Overcoming stereotypes of renewable energy. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 124–136. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-124-136>
- Golovin, A. P. (2011). What are we worth? Who are we waiting for? (an excursion into the history and geography of the failed gasification project of industrial regions of the south of the Irkutsk region). *ECO Journal*, 6 (444), 57–56.
- Gorbacheva, N. V., Filatova, N. G. (2021). *Economic theory: from fundamental ideas to modern practice: textbook*. RANEPA. Siberian Institute of Management. Novosibirsk: SibAGS.
- Gurova, T., Sysoev, T. (2021). A state we don't know. *Expert*, 23, 88–95.
- Klistorin, V. I. (2011). Apologia of history or why its studying is necessary for the economist. *Vestnik of Novosibirsk State University. Social and economic Sciences. Issue 11*, 3, 186–195.
- Kudrin, A. L. (2020). *Economic development of Russia*. M.: Publishing house “Delo” RANEPA.
- Lenchuk, E. B. (eds.) (2020). *Formation of the digital economy in Russia: challenges, prospects, risks: monograph*. St. Petersburg: Aletheia.
- Leontief W. (1990). *Essays in Economics: theories, theorizing, facts, and policies*. London: Oxford University Press.
- Makarov, I. A., Chen, H., Paltsev, S. V. (2018). Impacts of Paris Agreement on Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 76–94. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-76-94>
- Obolonsky, A. V. (2015). An Essay on the History of The Russian and soviet bureaucratic Nomenclature. *Public Administration*, 3, 145–159.

Pakhomova, N. V., Richter, K. (2009). Formation of the modern model of the higher economic education in the context of foreign universities experience. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2, 98–111.

Plyusnina, V. V., Dalzhinova, I. A. (2008). *Angarsk cascade: ecological consequences (2nd half of the XX century)*. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. University.

Porfiriev B. N. (2019). The low-carbon development paradigm and climate change risk reduction strategy for the economy. *Studies on Russian Economic Development*, 2, 111–118.

Revich, B. A., Shaposhnikov, D. A. (2016). Climate change, heat waves, and cold spells as risk factors for increased mortality in some regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 2, 195–207.

Simonov, N. S. (2019). Economic and geographical features of domestic fuel and energy industry in historical context. *ECO Journal*, 3 (537), 146–165.

Stankevich, T. S. (2018). The use of convolutional neural networks to forecast the dynamics of spreading forest fires in real time. *Business Informatics*, 4, 17–27.

Tutov, L. A., Rogozhnikova, V. N. (2018). Dilemma «Economist or Mathematician»: a Philosophical perspective. *Moscow University Economic Bulletin*, 1, 3–17.

Khanin, G. I. (2016). Whether we need the current economics and economic education? (On the book by V. M. Yefimov «Economic science in question»). *Terra Economicus*, 3, 145–157.

Chubutsky, P. P. (2008). *Preconditions for real economic policy*. The Economist. Favorites. M.: Publishing House «Territory of the Future».

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. К. Волков¹

Волгоградский государственный технический университет
(Волгоград, Россия)

Е. Г. Ефимов²

Волгоградский государственный технический университет
(Волгоград, Россия)

УДК: 339.137.2

ПОРТРЕТ КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД³

В статье предпринята попытка выделения социально-психологического портрета российского работника креативной сферы. Актуальность исследования обусловлена противоречием между стремлением развития креативного класса и отсутствием четкого понимания сущности данной социальной группы. Методологическая основа исследования включает в себя как классические работы по данной теме Р. Флориды, так и современные научные публикации по исследованию креативного класса российских и зарубежных авторов. Анализ теоретических исследований показывает невозможность установления четкой профессиональной принадлежности как в силу терминологической неопределенности, так и с учетом быстрой цифровизации общества в годы пандемии, что привело к изменению позиции креативного класса и актуализировало необходимость его изучения. Эмпирическую основу исследования составляют данные, полученные в ходе проведения онлайн-анкетирования, осуществленного среди участников проекта Агентство стратегических инициатив (rurban.space) по поиску и объединению представителей креативного класса в рамках разработки моделей развития городского пространства. В статье делается попытка обозначить особенности формирования российского креативного класса. Полученные результаты позволяют описать портрет креативного работника как члена социальной группы, существующей в рамках традиционных социально-экономических институтов. Респонденты самоидентифицируют себя как представителей низшего и среднего классов, тяготеющих к полной форме занятости в пределах городских агломераций. При выборке профессиональных качеств, присущих креативному работнику, опрошенные отдали

¹ Волков Сергей Константинович — к.э.н., доцент кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет; e-mail: ambiente2@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4852-145X.

² Ефимов Евгений Геннадьевич — д.соц.н., профессор кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет; e-mail: ez07@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1843-7449.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий».

предпочтение «креативности» и «коммуникабельности», полностью исключив «толерантность», которая считается обязательной в западной культуре. Полученные в ходе настоящего исследования данные позволили переосмыслить сложившиеся стереотипы и упрощающие эвристики о характере креативного труда и социально-экономическом портрете креативного работника.

Ключевые слова: креативный работник, креативный класс, новая экономика, пространственное развитие, творческая работа.

Цитировать статью: Волков, С. К. & Ефимов, Е. Г. (2022). Портрет креативного работника: социологический подход. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 175–188. <https://doi.org/10.38050/01300105202228>.

S. K. Volkov

Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

E. G. Efimov

Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia)

JEL: L11, L22, L40

PORTRAIT OF A CREATIVE WORKER: A SOCIOLOGICAL APPROACH¹

The article attempts to highlight the socio-psychological portrait of a Russian worker in creative sphere. The relevance of the research is determined by the contradiction between the desire to develop the creative class and the lack of a clear understanding of the essence of this social group. The methodological basis of the research includes both classic works by R. Florida and modern scientific publications on the study of the creative class by Russian and foreign authors. The analysis of theoretical studies shows the impossibility to establish a clear professional affiliation due to both terminological uncertainty and the rapid digitalization of society during the pandemic years, which led to a change in the position of the creative class and actualized the need to study it. The empirical basis is formed by the data from the online questionnaire survey carried out among the participants of the project of the Agency of Strategic Initiatives (rurban.space) to search and unite representatives of the creative class within the framework of the development of urban space models. The article attempts to outline the peculiarities of the formation of the Russian creative class. The results allow us to describe the portrait of a creative worker as a member of a social group that exists within the framework of traditional socio-economic institutions. The respondents self-identify themselves as representatives of the lower and middle classes, gravitating towards full-time employment within urban agglomerations. When selecting the professional qualities inherent in a creative worker, respondents gave preference to «creativity» and «communicativeness», completely excluding «tolerance», which is considered mandatory in Western culture. The data

¹ The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 20-010-00072 «Formation of creative centers of spatial development as a mechanism for improving the quality of life in rural areas».

obtained in this study allowed us to rethink the established stereotypes and simplifying heuristics about the nature of creative work and the socioeconomic portrait of a creative worker.

Keywords: creative worker, creative class, new economy, spatial development, creative work.

To cite this document: Volkov, S. K. & Efimov, E. G. (2022). Portrait of a creative worker: a sociological approach. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 175–188. <https://doi.org/10.38050/01300105202228>.

Введение

В условиях трансформации экономической модели развитых стран в сторону креативной экономики, экономики знаний и сервисной экономики большое внимание как со стороны научно-экспертного сообщества, так и со стороны лиц, принимающих решения, уделяется поиску механизмов, инструментария и методик развития креативных отраслей в целях эффективного развития территорий. Между тем, существует явный теоретико-методический дефицит эмпирических исследований по проблеме идентификации и изучению главного субъекта креативной экономики как носителя уникальных ресурсов и компетенций — человека (креативного работника).

Существующий спектр научных работ, в которых рассматриваются креативные работники, характеризуется узкой тематической направленностью и посвящен либо общетеоретическим вопросам трансформации творческих качеств человека в рамках новой экономической модели развития (Хабибулина, 2021), либо изучению феномена креативности в конкретной отрасли народного хозяйства (Bill, 2021). Статус креативного работника является трудно фиксируемым вследствие его социально-экономической, а не профессиональной сущности. Этот статус не закреплён в правовом поле экономических отношений, хотя его влияние на формирование новой креативной экономики является общепризнанным на самых разных уровнях государственного дискурса. Противоречие между стремлением развития креативного класса и отсутствием четкого понимания сущности данной социальной группы выступает дополнительным аргументом в пользу исследования данного вопроса.

Целью настоящего исследования является выделение социально-психологического портрета российского работника креативной сферы.

Исследование вопроса

Отечественные и зарубежные исследования креативного класса акцентируют свое внимание на вопросе выявления критериев определения креативного класса и его места и влияния на общественные процессы. Наследие Р. Флориды, который в своей работе сформулировал идею кре-

ативного класса, постоянно дополняется и переосмысливается с учетом социальных реалий и общественных изменений. Так, к примеру, понятие креативности «как способности создавать новые формы» (Флорида, 2011) получило широкое распространение в годы пандемии, которые вызвали рост цифровизации общественных процессов.

Среди «стабильных» атрибутов креативного класса выделяется его привязанность к городской среде. В ходе качественного исследования, проведенного среди представителей креативного класса в трех крупных европейских городах (Берлин, Глазго и Мальмё) в 2018–2019 гг., были выявлены характеристики динамично развивающегося городского пространства, которое создает условия для появления нового социального слоя. К таким условиям относятся: доступность, аутентичность, коммуникабельность, креативность, динамичность, гостеприимность, открытость, практичность и внушение чувства гордости (Rodrigues and Schmidt, 2021). В другой формулировке условия для развития креативного класса в городах называются правилом 3Т: «технология», «толерантность», «талант». Несмотря на увеличивающуюся мобильность и цифровизацию, креативный класс остается привязан к местам постоянной дислокации в виде городских агломераций (Florida, 2003).

В попытках описания портрета креативного работника исследователи отмечают невозможность четко сформулировать некоторые из характерных черт этой социальной группы. Так, например, при попытке описания имущественного положения М. В. Савина отмечает, что «представители креативного класса, как правило, не владеют какой-либо существенной собственностью в материальном смысле. Их собственность — их творческие способности. Вместе с тем, используя эти творческие способности, представители креативного класса добиваются высоких стандартов уровня жизни и доходов» (Савина, 2008). Нестабильность креативного класса обусловлена самой природой их инновационной деятельности, что в свою очередь приводит к необходимости постоянной актуализации изучения портрета креативного работника. В исследовании моделей взаимодействия городской администрации и креативного класса с точки зрения обустройства городского пространства было выявлена неоднородность данной общности и перспективность ее изучения как совокупности кластеров из-за неоднородности взглядов на примере налоговой политики (Batabyal, 2020). Именно по этой причине используемые при описании данной социальной общности термины («работник креативной сферы», «представитель креативного класса», «креативный работник» и т.д.) можно считать равнозначными.

В классификации ООН к креативным индустриям относятся работники четырех отраслей: культурное наследие, искусство, медиаиндустрия и функциональный креатив (Ярилова, 2020). На наш взгляд, данная классификация не вносит какой-то существенной ясности в профессиональ-

ную принадлежность креативных работников, поскольку, как мы видим, даже в этой схеме может быть допустимо совмещение в одной профессии нескольких отраслей. Более того, небольшой исторический экскурс показывает, что в творческой сфере часто формируются нестабильные социальные группы и сообщества (например, богема), которые, стремясь к инновационной деятельности, с трудом поддаются какой-либо классификации (Аронсон, 2002).

Кроме того, сам Р. Флорида отмечает что из набора 3Т наиболее ценным качеством является «талант» и именно потому, что он «мобилен» и может быть реализован в разных профессиях (Florida, 2014). По этой причине в нашем исследовании вопрос о сфере деятельности креативных работников не актуализировался. Если рассматривать другой атрибут креативного класса, который играет важную роль в модели Р. Флориды — мобильность (Salmenhaaga, 2006), то очевидно, что пандемия дала мощный толчок к цифровизации коммуникаций и, хотя тотальный перевод в онлайн-формат не произошел, полагаем, что физическая мобильность уже не будет являться неотъемлемым признаком креативного класса.

Методология исследования

Эмпирическая база исследования представлена экспертным опросом в виде онлайн-анкетирования, осуществленного среди участников проекта *turban.space* (эмпирическая база исследования, б.д.). Организатором проекта выступает Агентство стратегических инициатив, а его задачей является поиск и объединение представителей креативного класса в рамках разработки моделей развития городского пространства. Данное сообщество рассматривалось нами как пример креативного класса по нескольким причинам. Во-первых ключевым критерием отбора участников по заявлению организаторов является «креативность» (индивидуальное творчество, навыки и таланты, которые обладают потенциалом для обогащения). Во-вторых, сама цель проекта заключалась в модернизации окружающего городского пространства под запросы креативного класса.

Работа в рамках программы велась с февраля по сентябрь 2021 г. Коммуникация участников проекта осуществлялась на базе чата в мессенджере Telegram (Чат в мессенджере Telegram, б.д.), в котором и проводился опрос. Сбор данных проводился в июне-июле 2021 г. В качестве генеральной совокупности рассматривались участники чата ($N = 575$), выборка составила 180 респондентов. Исследование носило разведывательный характер, задача репрезентации выборки выполнена в рамках исследуемой группы.

Вопросы анкеты были сформулированы с целью выявления самоидентификации представителей креативного класса. Респондентам предлагалось указать объективные характеристики (пол, возраст (в разрезе теории

поколений), образование, статус, занятость и форма работы), а также самостоятельно оценить свой уровень благосостояния, сформулировать представление о наиболее важных качествах креативного работника (открытый вопрос) и указать сферу деятельности (открытый вопрос). Отдельно был поставлен вопрос о роли города как фактора организации труда работника креативного класса.

Результаты исследования

Так, согласно проведенному исследованию, усреднённый социальный портрет креативного работника выглядит следующим образом — мужчина, в возрасте от 22 до 43 лет, с наличием магистерской степени (рис. 1–2).

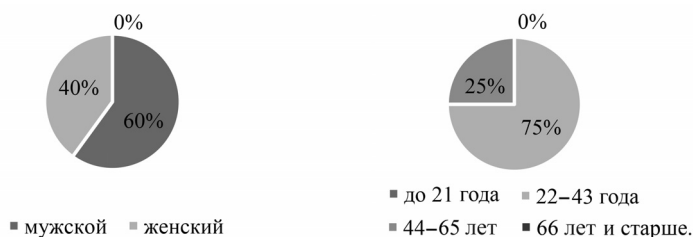

Рис. 1. Гендерно-возрастной состав креативного работника

Источник: составлено авторами.

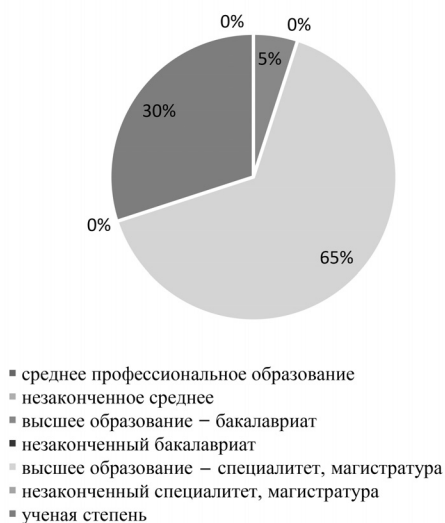

Рис. 2. Уровень профессионального образования креативного работника

Источник: составлено авторами.

Закономерность данного результата может быть объяснена доминированием в российском обществе традиционных институтов, в которых до сих пор явно присутствуют патриархальные тенденции. С точки зрения уровня образования магистратура представляет собой оптимальную форму, в которой возможно сочетание продолжения обучения и реализации профессиональных навыков.

Большая часть опрошенных определили субъективный уровень собственного благосостояния как средний (рис. 3). В то время как очень обеспеченными себя считают всего лишь 5% опрошенных. Данный факт, на наш взгляд, подтверждает доминирование в нашей стране традиционных институтов, в рамках которых представители креативного класса не могут трансформировать свои навыки в высокий доход (Катасонов, 2020).

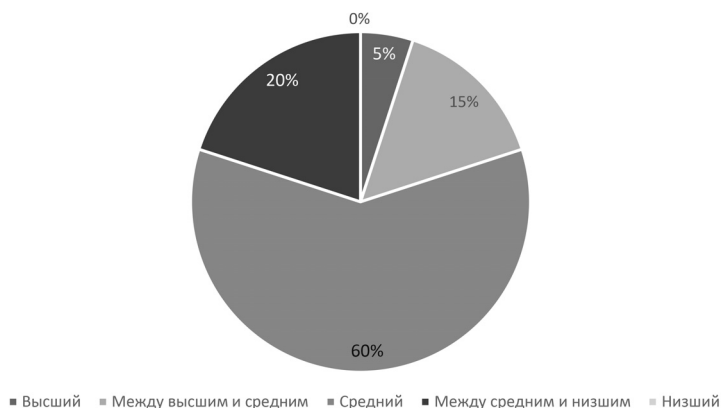

Рис. 3. Уровень субъективного благосостояния креативных работников
 Источник: составлено авторами.

Опрос также показал, что креативный работник — это наемный сотрудник, с полной формой занятости и традиционным форматом работы (рис. 4). Несмотря на влияние ограничительных мер по распространению коронавирусной инфекции COVID-19, никто из опрошенных креативных работников не работает на полной «удаленке».

Подавляющее большинство респондентов, которые само идентифицируют себя как креативные работники, осуществляют свою деятельность в крупных и больших городах (рис. 5). Из числа опрошенных, не было ни одного респондента из малого города или сельской местности. Это подтверждает тенденции к урбанизации креативного класса, о которых мы упоминали ранее, и совпадает с прогнозом Р. Флориды, который предполагал увеличение влияния крупных городов в эпоху пандемии за счет концентрации в них представителей креативного класса (Florida, 2021).

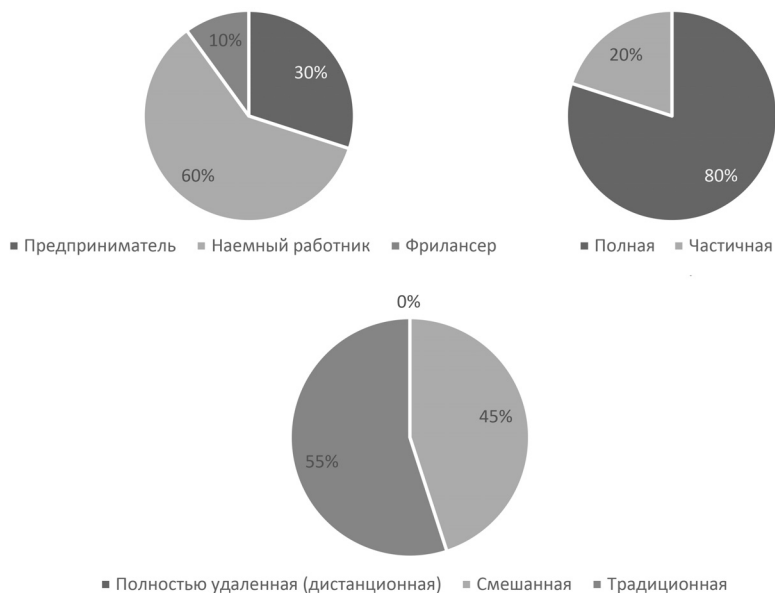

Рис. 4. Статус, тип занятости и форма работы креативного работника
Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Тип населенного пункта, в котором осуществляется деятельность креативного работника
Источник: составлено авторами.

В ходе опроса были получены и обобщены данные о профессиональных качествах креативного работника (табл. 1). Респондентам было предложено указать не более трех наиболее важных, с их точки зрения, профессиональных качества, которыми должен обладать креативный работник. В итоговый вариант попали те варианты ответа, которые встречались не менее 10 раз.

Таблица 1

Профессиональные качества креативного работника

Качество	Количество упоминаний в ответах
Нестандартное мышление/креативность	52
Коммуникабельность	51
Многофункциональность	41
Амбициозность	30
Отсутствие боязни рисковать	25
Высокий уровень самоорганизации	23
Обучаемость (стремление к новому)	18
Мобильность/гибкость	14
Аккуратность/внимательность	14
Бизнес-ориентированность	11

Источник: составлено авторами.

Как показали полученные данные, респонденты назвали качества креативного работника, которые могут быть реализованы в рамках традиционного формата работы. Это несколько контрастирует с концепцией ЗТ, где, к примеру, среди главных качеств креативного класса значится толерантность. Широкая вариативность профессиональной деятельности креативного класса позволяет утверждать, как установили канадские исследователи, существование разницы между профессиональными качествами и конкретно выполняемой работой креативного работника. Изучив данные 40 городских канадских кластеров, ученые установили, что для креативных работников, занятых в сфере высоких технологий, в отличие от всех остальных, такие параметры городских сообществ, как толерантность, экономическая стабильность и уровень культуры, не играли значимой роли, поскольку не коррелировали с их собственным представлением о характеристиках креативного работника (Sands, Reese, 2008).

Последним вопросом был «Имеет ли значение для креативного работника место его проживания (город или сельская местность)?» Большая часть опрошенных (60%) сказали, что имеет (рис. 6).

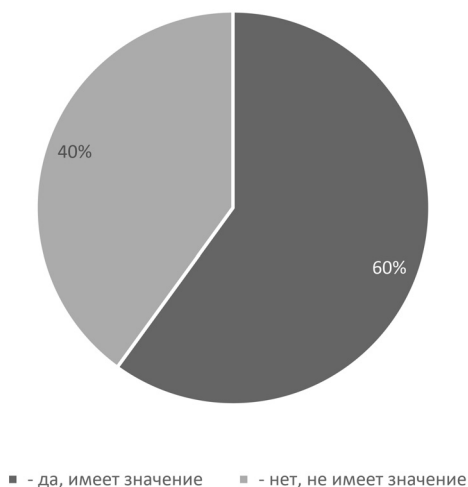

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Имеет ли значение для креативного работника место его проживания (город или сельская местность)?»

Источник: составлено авторами.

Полученные в ходе опроса результаты позволяют нам сформулировать ряд выводов и рекомендации. Кроме того, полученные в ходе настоящего исследования эмпирические данные позволили нам переосмыслить сложившиеся стереотипы и упрощающие эвристики о характере креативного труда и социально-экономическом портрете креативного работника.

Выводы и рекомендации

В настоящее время творческая работа в общественном сознании (да и в сознании некоторых экспертов) представляется как беспроблемная, поскольку она кажется свободно выбранным призванием и, следовательно, избавленной от скуки и рутины, характерных для наемного труда. Кроме того, привлекательность творческой работы еще более усилилась благодаря тому, что она повсеместно представляется как досуг, доставляющий удовольствие и радость (Banks and Hesmondhalgh, 2009, p. 418). Между тем, полученные нами данные свидетельствуют о том, что большинство креативных работников — это наемные сотрудники, которые имеют полный рабочий день с традиционной формой занятости. Естественно, эпидемиологическая обстановка в различных регионах неоднородная, поэтому часть сотрудников имеют смешанный формат работы. Но вряд ли можно говорить о гедоническом характере работы креативных работников. При этом модель, при которой креативные работники встроены в систему существующих традиционных экономических ин-

ституты, по мнению Р. Флориды, может демонстрировать высокую эффективность при правильной ее реализации. В качестве примера автор теории креативного класса приводит Китай, где воплощен именно такой подход, который приносит видимые результаты (Florida, 2012). Например, в рамках развития креативного класса в этой стране была запущена государственная цифровая платформа, с помощью которой малые предприниматели и носители творческих идей из сельской местности получили возможность стать частью китайской цифровой экономики и культуры (Lin, de Kloet, 2019).

Исследования условий творческого труда в социальных науках выявили ряд трудностей, с которыми сталкиваются работники и которые отражают зачастую эксплуататорский и нестабильный характер рабочего процесса. Часто можно встретить утверждение, что творческая работа креативного работника основана на проектах и нерегулярна, контракты, как правило, краткосрочны; перспективы карьерного роста неопределенны и часто неясны; заработок обычно невелик и неравномерно распределен; существует необходимость иметь вторую или несколько работ (Banks and Hesmondhalgh, 2009, 420). Данные наблюдения не подтверждаются в рамках настоящего исследования. Действительно, подавляющее большинство респондентов (80%) определили свой уровень благосостояния как средний или между средним и низким. Однако при этом основная часть респондентов имеет привязку к традиционной форме работы с полной формой занятости. Оговоримся, что вполне возможно: часть креативного класса в нашей стране представлена самозанятыми или официально не трудоустроенными. Эта часть представителей креативного класса, в отличие от изученной нами, скорее относится к классу прекариата (Стэндинг, 2014). Возможно именно для этих людей рабочий процесс будет отличаться большей нестабильностью и эксплуататорским характером, однако их нахождение в теневом секторе экономики делает изучение этой темы трудным, хотя и перспективным.

Таким образом, наши эмпирические данные разрушают миф о том, что креативные работники имеют высокие доходы и являются обеспеченным классом. Креативных работников можно описать не как класс, а как совокупность социальных групп в рамках традиционных социальных институтов. Но именно в таких условиях креативные работники более защищены в условиях экономических кризисов, в то время как самозанятые работники пострадали наиболее сильно (Kemper, 2017), что и показали годы пандемии. Также возможно, что полученные нами данные отражают социокультурную специфику развития креативного класса в нашей стране, что требует дальнейшего исследования. Например, в работе коллектива испанских ученых, которые исследовали зависимость формирования креативной среды от показателей культурного развития городов, например,

от количества библиотек, авторы установили высокую роль исследуемого фактора для креативных работников. Однако сравнительный анализ показал, что эти данные не получили подтверждения в других местах, что позволило авторам предположить, что ряд характеристик рассматриваемой социальной общности будут варьироваться в зависимости от региона (Navarro C. J. et al., 2014). Возможно, что тесная связь креативного класса с существующими традиционными экономическими институтами может являться социокультурной характеристикой.

Тезис о том, что «крупные города не имеют монополии на творческую деятельность и развитие креативной экономики» (De Propriis L. et al., 2009) не получил эмпирического подтверждения в рамках настоящего исследования. Креативные работники не готовы работать в сельской местности вопреки мнению экономистов, что расстояние в условиях глобализации не имеет решающего значения. Возможно, нежелание креативных работников работать в сельской местности объясняется наличием структурных проблем развития отечественных сельских территорий, особенно их инфраструктурное обеспечение. Также не следует забывать, что креативные работники формируют неформальные профессиональные сообщества, которые активно могут развиваться при определенных условиях проживания, которые можно найти только в городских пространствах и которые являются мощным фактором оседлости (Milligan, 2003).

Полученные результаты исследования нельзя интерпретировать однозначно и односторонне. Это совершенно не означает, что креативная экономика является неперспективной отраслью национальной экономики. Полученные данные, скорее, свидетельствуют о том, что в России пока не сложилось понимания того, что креативные работники являются носителями конкурентных преимуществ и уникальных компетенций, которые могут лечь в основу трансформационных процессов внутри отечественной экономической модели и способны стать драйвером пространственного развития. Однако для того, чтобы креативная экономика стала локомотивом развития, необходимы комплексные и системные преобразования, в первую очередь в сфере инфраструктурного обеспечения территорий.

Список литературы

Аронсон, О. (2002) *Богема: опыт сообщества. Наброски к философии асоциальности*. Фонд научных исследований “Прагматика культуры”.

Катасонов, И. А. (2020) Развитие креативного класса как одна из ключевых детерминант экономического роста России. *Modern Science*, 4-3, 82–84.

Савина, М. В. (2008) Роль креативного класса в становлении постиндустриальной экономики. *Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета*, 4, 160–165.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс.

Хабибулина, З. Р. (2021) От креативного работника — к человеку ноономики. *Вестник Института экономики РАН*, 2, 97–106. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_97_106.

Флорида, Р. (2011) *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. Издательский дом «Классика-XXI».

Ярилова, О. С. (2020) Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях. *Аналитический вестник*, 13(756), 21–25

Banks, M. and Hesmondhalgh, D. (2009) Looking for work in creative industries policy. *International Journal of Cultural Policy*, 15 (4), 415–430. <https://doi.org/10.1080/10286630902923323>

Batabyal, A. A. (2021) Monopoly versus Individual Welfare When a Local Public Good Is Used to Attract the Creative Class. *International Regional Science Review*, 44(5), 605–614. <https://doi.org/10.1177/0160017620946087>

Bill, A. (2012) «Blood, Sweat and Shears»: Happiness, Creativity, and Fashion Education. *Fashion Theory*, 16 (1), 49–65. <https://doi.org/10.2752/175174112X13183318404186>

Florida, R. (2003) Cities and the Creative Class. *City & Community*, 2 (1), 3–19. <https://doi.org/10.1111/1540-6040.00034>

Florida, R. Mellander, Ch., Qian, H. (2012) China's development disconnect. *Environment and Planning*, 44, 628–648. <https://doi.org/10.1068/a44284>

Florida, R. (2014) The Creative Class and Economic Development. *Economic Development Quarterly*, 28(3), 196–205 <https://doi.org/10.1177/0891242414541693>

Florida, R., Rodrigues-Pose, A., Storper, M. (2021) Cities in a post-COVID world. *Urban Studies* (June), 1–23. <https://doi.org/10.1177/00420980211018072>

Kemper, R. (2017) Book Review: Cultural clash: The killing of the creative class. *Journal of Planning Literature*, 32 (1), 29–29.

Lin, J., de Kloet, J. (2019) Platformization of the Unlikely Creative Class: Kuaishou and Chinese Digital Cultural Production. *Social Media + Society*, 5(4), 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305119883430>

Milligan, M. J. (2003) The Individual and City Life: A Commentary on Richard Florida's "Cities and the Creative Class." *City & Community*, 2(1), 21–26. <https://doi.org/10.1111/1540-6040.00035>

Navarro, C. J., Mateos, C., Rodríguez, M. J. (2014) Cultural scenes, the creative class and development in Spanish municipalities. *European Urban and Regional Studies*, 21(3), 301–317. <https://doi.org/10.1177/0969776412448188>

Rodrigues, C. and Schmidt, H. (2021) How the Creative Class Co-creates a City's Brand Identity: A Qualitative Study. *Journal of Creating Value*, 7(1), 19–43. <https://doi.org/10.1177/23949643211010594>

Salmenhaara, P. (2006) Book Review: The Flight of the Creative Class by Richard Florida. *Acta Sociologica*, 49(2), 234–235. <https://doi.org/10.1177/000169930604900213>

Sands, G., Reese, L. A. (2008) Cultivating the Creative Class: And What About Nanaïmo? *Economic Development Quarterly*, 22(1), 8–23. <https://doi.org/10.1177/0891242407309822>

De Propriis L. et al. (2009) *The Geography of Creativity*. Nesta: London.

References

Aronson, O. (2002) *Bohème: The Experience of Community. Sketches towards a philosophy of asociality*. Research Foundation "Pragmatics of Culture".

Katasonov, I. A. (2020) Development of creative class as one of the key determinants of Russia's economic growth. *Modern Science*, 4-3, 82–84.

Savina, M. V. (2008) The role of the creative class in the formation of post-industrial economy. *Bulletin of the North Caucasus State Technical University*, 4, 160–165.

Standing, G. (2014) *The precariat: a new dangerous class*. Ad Marginem Press.

Khabibulina, Z. R. (2021) From the creative worker — to the man of noonomics. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2, 97–106. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_97_106.

Florida, R. (2011) *Creative class: people who change the future*. Publishing House “Classica-XXI”.

Yarilova, O. S. (2020) The concept of creative industries development and mechanisms of their state support in large and major urban agglomerations. *Analytical Bulletin*, 13(756), 21–25.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. С. Тикунов¹

МГУ имени М. В. Ломоносова /
Севастопольский государственный университет
(Москва, Севастополь, Россия)

В. Л. Бабурин²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

С. К. Белоусов³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК 911.3:33; 528.94

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ^{4, 5}

Статья посвящена вопросам интегральной оценки уровня экономического развития регионов России. В настоящее время разработано значительное количество методик оценки состояния экономики стран и отдельных регионов, в том числе России. Однако они зачастую слабо формализуемы либо сложны для проведения. Предложенная в статье методика оценки экономического развития регионов Российской Федерации с использованием интегрального индекса направлена на минимизацию используемых показателей при условии сохранения её содержательной значимости. В исследовании использованы объективные показатели официальной статистики, которые наиболее полно и достоверно отражают сущность экономического развития регионов России: валовый региональный продукт, стоимость основных фондов, скорректированная на степень износа основных фондов, инвестиции в основной капитал — все в расчёте на душу населения. Применяемая методика позволяет производить оперативную ежегодную оценку уровня экономического развития регионов России для целей определения особенностей региональной политики.

¹ Тикунов Владимир Сергеевич — д.геогр.н., профессор, географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; Севастопольский государственный университет; e-mail: vs-tikunov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1597-6909.

² Бабурин Вячеслав Леонидович — д.геогр.н., профессор, географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vbaburin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0180-3027.

³ Белоусов Станислав Константинович — к.т.н., ведущий инженер, географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: web-town@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9481-5160.

⁴ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-47-01001).

⁵ Статья написана при поддержке гранта РНФ № 22-27-00425 «Центро-периферийность в российском индустриальном пространстве».

Ключевые слова: экономическое развитие, интегральный индекс, регионы России, экономическое картографирование, классификации.

Цитировать статью: Тикунов, В. С., Бабурин, В. Л., & Белоусов, С. К. (2022). Интегральная оценка экономического развития регионов Российской Федерации. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 189–202. <https://doi.org/10.38050/01300105202229>.

V. S. Tikunov

Lomonosov Moscow State University / Sevastopol State University
(Moscow, Sevastopol, Russia)

V. L. Baburin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

S. K. Belousov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: R13, Y91

INTEGRAL ASSESSMENT OF RUSSIAN REGIONS ECONOMIC DEVELOPMENT¹

The article presents the methodology of integral assessment of Russian regions economic development. Currently, there is a significant number of methods to assess the state of country's economy and individual regions, including Russia. However, they are often poorly formalized or difficult to implement. The authors offer the methodology to assess the economic development of Russia's regions using the integral index which minimizes the number of the indicators used. The study applies objective indicators of official statistics which most fully and reliably reflect the essence of regional economic development in Russia such as: gross regional product, the cost of fixed assets adjusted for their depreciation, investments in fixed assets — all of them per capita. The methodology makes it possible to provide an annual assessment of Russian regions economic development to determine the specifics of regional policy.

Keywords: economic development, integral indices, Russian regions, economic mapping, classifications.

To cite this document: Tikunov, V. S., Baburin, V. L., & Belousov, S. K. (2022). Integral assessment of Russian regions economic development. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 189–202. <https://doi.org/10.38050/01300105202229>.

Введение

Понятие экономического развития неразрывно связано с состоянием экономики региона. Й. Шумпетер в своей ставшей уже классической

¹ The work was financially supported by the Russian Science Foundation (project № 20-47-01001).

книге «Теория экономического развития» определяет экономическое развитие как совокупность качественных изменений в экономике региона (Шумпетер, 1982). Эти качественные изменения находят своё отражение в количественных показателях, пусть и не всегда сиюминутно. Оценка экономического развития регионов в классическом виде, как правило, осуществляется по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Бородкин, Айвазян, 2006), однако исследования показывают, что существует значительный необъяснённый процент роста ВРП в отдельных регионах (Факторы..., 2005), таким образом, этот показатель не учитывает множество факторов, определяющих экономическое развитие регионов России.

Важность комплексного оценивания экономики регионов состоит в том, что уровень и характер экономического развития определяет особенности региональной политики, но вместе с тем общепринятых типологий регионов не существует (Зубаревич, 2009). Многие исследователи сходятся во мнении, что уровень социально-экономического развития регионов России является очень неравномерным (Дубынина, 2014; Фаттахов и др., 2019). Однако такая неоднородность обеспечивается в первую очередь малой группой лучших и худших регионов, в то время как 2/3 из них мало отличаются друг от друга (Зубаревич, 2009, 2010).

В статье Н. В. Зубаревич (Зубаревич, 2020) отмечается, что существуют барьеры количественного измерения факторов развития регионов России (преобладание обширной слабо дифференцированной середины, невозможность использования единого набора показателей (с чем мы не согласны), невозможность оценить ЭГП и многое другое. И делается вывод, что невозможно количественно оценить всю сложность российского экономического пространства. Эти аспекты освещены в целом ряде публикаций (Смирнягин, 1989; Предпринимательский..., 1997; Россия регионов..., 2005; Коломак, 2014, 2019; Кузнецова, 2014 и др.). Методика стоимостной оценки инфраструктурного потенциала регионов, предложенная Е. Л. Плисецким и другими, показала более чем 700 кратные различия в значениях инфраструктурного потенциала регионов (Плисецкий, Плисецкий, 2020).

Материалы и методы исследования

В современных исследованиях зачастую принято говорить о едином социально-экономическом развитии, при этом неизменно выделяя в нём отдельную экономическую составляющую. Набор факторов экономической составляющей развития региона и соответствующих показателей при этом может значительно отличаться.

В рейтинге социально-экономического положения регионов России экспертного агентства РИА Рейтинг (РИА Новости, 2021) показатели

экономического развития разделены на три группы: показатели масштаба (объём производства товаров и услуг, доходы консолидированного бюджета, численность занятых в экономике, оборот розничной торговли), показатели эффективности (объём производства товаров и услуг на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, доля прибыльных предприятий, уровень собираемости налогов), показатели бюджетной сферы (доходы консолидированного бюджета на душу населения, доля налоговых и неналоговых доходов бюджета, отношение величины долга к налоговым и неналоговым доходам, отношение налоговых и неналоговых доходов к расходам). В исследовании учёных Финансовой академии и Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (Фаттахов и др., 2019) использованы следующие показатели: объём валового регионального продукта на душу населения, среднегодовая численность занятых в экономике, уровень занятости населения, стоимость основных производственных фондов, степень износа основных производственных фондов, объём инвестиций в основной капитал на душу населения, оборот розничной торговли, сальдированный финансовый результат предприятий и организаций. О. В. Кузнецова в своём исследовании (Кузнецова, 2014) построила пирамиду факторов социально-экономического развития, в которой на третьем уровне располагаются показатели развития инфраструктуры, а на четвёртом — показатели величины и отраслевой структуры экономики. Конкретные показатели хоть и не определены, но чётко обозначен их широкий спектр, как и в предыдущих указанных работах. Также есть исследования (Дубынина, 2014), в которых уровень экономического развития, наоборот, сведён к одному показателю — отношению ВРП к доходам населения.

Одной из задач настоящего исследования был выбор наиболее репрезентативных обобщённых показателей из набора учитываемых государственной статистикой. В исследовании (Тикун, Черешня, 2015) произведён расчёт индексов экономического развития, построенных по абсолютным и относительным показателям. Ограниченность такого набора позволяет сконцентрироваться лишь на наиболее значимых факторах пространственной неоднородности развития, не создавая эффекта «белого шума». По результатам данного исследования можно сказать, что выбор относительных показателей обеспечивает более адекватную оценку экономического развития регионов. Следующий критерий выбора показателей — межгодовая изменчивость. Некоторые показатели могут год от года очень значительно изменяться, при этом факторы, которые они характеризуют, очевидно, так быстро не изменяются. Такие показатели не могут быть использованы при конструировании индекса. Кроме того, показатели должны отвечать требованиям полноты — не должно быть пропусков данных ни для одного региона России.

В любой оценке экономического развития присутствуют показатели национальных счетов, в данном случае — *валовый региональный продукт на душу населения*. Это базовый показатель (особенно в условиях, когда российская экономика последние десять лет топчется на месте), достаточно медленно изменяющийся во времени, учитывает стоимостную характеристику производимых в регионе благ. Он представляет собой не только характеристику экономики в разрезе одного года, но и за достаточно длительный период до этого (Рубанов, Тикунов, 2009).

Ещё одним базовым показателем, без которого не обойтись при оценке уровня экономического развития, является *стоимость основных фондов на душу населения*. Основные фонды — та база, которая определяет потенциальные возможности экономики к производству товаров и услуг. Вместе с тем, значительное влияние на величину данных возможностей оказывает физический и моральный износ основных фондов (Факторы..., 2005), косвенно отражающий и структуру фондов. Его возможно учесть с использованием корректирующего коэффициента *степени износа основных фондов*. Важно подчеркнуть, что это позволяет учесть все элементы материального базиса производства, включая демографические.

Наконец, важно учитывать при оценке экономического развития непосредственно качественные изменения, что возможно сделать путём учёта уровня инвестиций в экономику региона (Тикунов, Черешня, 2015). Целесообразно использовать при этом показатель *инвестиций в основной капитал на душу населения*, поскольку совместно со стоимостью основных фондов, он может быть использован в качестве оценки затрат капитала (овеществлённого труда), направленных на технологический прогресс (Факторы..., 2005).

Вышеуказанные показатели в полной мере отвечают выбранным критериям, являются относительными (отнесены к численности населения региона) и характеризуют исследуемое явление со всех сторон. Мы намеренно не используем показатель живого труда, который в значительной степени присутствует в ВРП и в овеществлённой форме в фондах. Исходные данные для расчёта интегрального индекса экономического развития присутствуют в ежегоднике Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» (Регионы России..., 2019). В настоящем исследовании использованы данные по 85 субъектам Российской Федерации за 2018 г.

Исходя из полученного набора показателей для исследования, был выбран алгоритм оценки (Тикунов, 1997). Он включает нормировку системы исходных показателей по формуле (1):

$$\widehat{X}_{ij} = \frac{\left| x_{ij}^0 - x_j^0 \right|}{\left| \max / \min x_j - x_j^0 \right|}, \quad i = 1, 2, 3, \dots, n; j = 1, 2, 3, \dots, m, \quad (1)$$

где x^0 — наихудшее значение (по каждому показателю) из всех встречающихся с точки зрения их влияния на экономическое развитие регионов России; $\max / \min x$ — наиболее отличающиеся от x^0 значения показателей; n — количество исследуемых территориальных единиц; m — число показателей использованных для расчётов ($m = 3$). Целью данной нормировки является перевод показателя в отклонение от заданного наилучшего или наихудшего значения. Полученные в результате нормировки данные ограничены отрезком $[0, 1]$.

Обычно при построении классических рейтингов на основе агрегированных показателей используются либо простая сумма нормированных x , либо простое среднее (в некоторых случаях применяют взвешенную сумму или взвешенное среднее). Осредняя таким образом исходные показатели и превращая их в агрегированный индекс, мы неизбежно сводим все многообразие информации к некоторому узкому средневзвешенному уровню. Для выявления проблем экономического развития вполне достаточно, чтобы всего лишь один из всего множества анализируемых индикаторов превысил критический уровень. Если все остальные показатели при этом находятся на нормальном уровне, то построенный с использованием простой аддитивности комплексный индекс может оценить уровень экономического развития как нормальный.

Поэтому при синтезе интегрального показателя авторами используется метод расстояния до наихудшей единицы. Их ранжирование произведено путём сравнения показателей всех территориальных единиц с условной, характеризуемой значениями x^0 . Оно осуществлялось с использованием евклидовых расстояний d^0 , как меры близости всех территориальных единиц к условной, имеющей наихудшие значения x^0 по всему комплексу показателей. Это позволяет подчеркнуть влияние отдельных координат, имеющих аномально большие расстояния, поскольку их возводят в квадрат. Применение данной меры потребовало обработки информационного массива по методу главных компонент с целью ортогонализации и «свёртки» системы показателей.

Полученные значения вектора-столбца d^0 интегральных оценочных характеристик для удобства дальнейшего анализа дополнительно нормируются по формуле (2):

$$\widehat{d}_i^0 = \frac{d_i^0 - \min d^0}{\max d^0 - \min d^0}, \quad i = 1, 2, 3, \dots, n. \quad (2)$$

Величина d^0 варьирует в пределах от нуля до единицы. Ноль соответствует наихудшей комплексной оценке, а единица — наилучшей.

Анализ и картографирование результатов

В результате проведённых расчётов для набора данных за 2018 г. сформирован вектор, содержащий значения индекса экономического развития регионов России размерности 85. Индекс сформирован по принципу увеличения уровня экономического развития при увеличении значения индекса. По результатам расчётов составлена карта значения индекса экономического развития регионов, в которой применена бесступенчатая цветовая шкала одного цветового тона. Возрастание насыщенности цвета отражает увеличение значения индекса.

На карте (рис. 1) отчётливо видно значительное превышение в уровне экономического развития у нефте- и газодобывающих регионов.

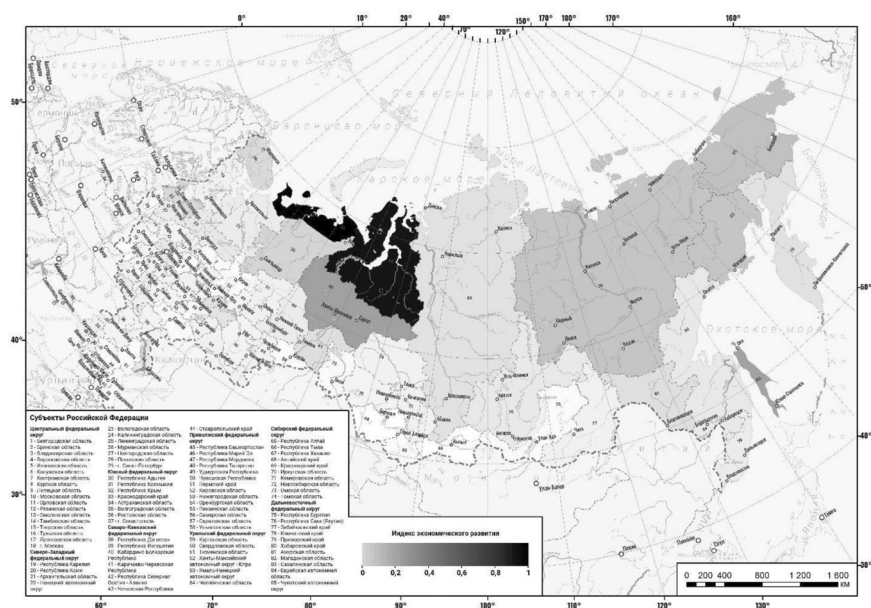

Рис. 1. Индекс экономического развития регионов России, 2018 г.

Источник: составлено авторами.

Соответствующие значения индекса для них очень существенно отличаются от таковых для других регионов. Также выделяются прочие ресурсоориентированные регионы и субъекты, расположенные возле основных агломераций, что укладывается в типичную для России картину агломерационного и сырьевого факторов роста экономики России (Зубаревич, 2009). Кроме того, велика роль экономико-географического положения в экономическом развитии регионов (Земцов, Смеров, 2009). На фоне соседей в лучшую сторону выделяются приморско-приграничные Красно-

дарский край, Ленинградская область и др. Важно подчеркнуть, что в современной ценовой модели удельный вес сырьевого сектора занижается, а использование показателей фондов и инвестиций в значительной мере элиминирует этот недостаток ВРП.

Соотношение компонент, применяемых в расчёте индекса, отражено на диаграмме, представленной на рис. 2. Данная диаграмма не показывает абсолютные величины показателя. Чем выше определённая линия для региона России, тем больший вклад в индекс вносит соответствующий показатель.

Анализ диаграммы (рис. 2) показывает, что в большинстве регионов России не наблюдается значительного доминирования какого-либо из показателей, что свидетельствует об их относительно сбалансированном развитии. Тревожным индикатором, означающим замедление темпов роста, является малый уровень инвестиций при значительной величине основных фондов, что может привести к повышенному их физическому и моральному износу в ближайшей перспективе. Для регионов, у которых на диаграмме преобладают инвестиции, картина противоположна. Такие регионы сосредоточены, в первую очередь, на Дальнем Востоке, что отражает приоритеты региональной политики России.

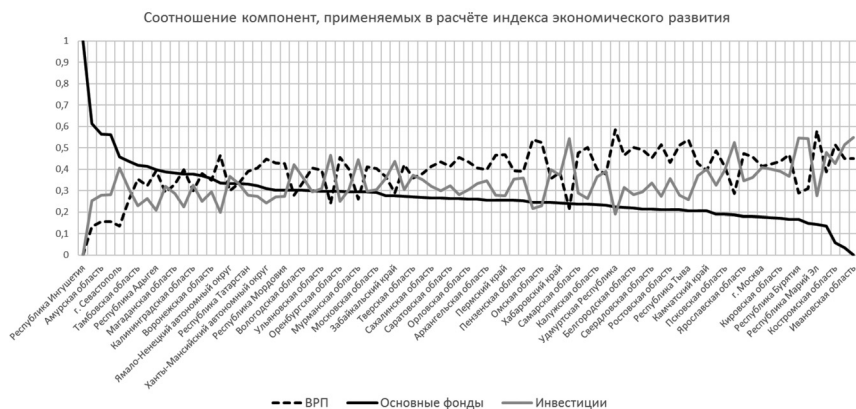

Рис. 2. Соотношение показателей
в индексе экономического развития регионов России, 2018 г.

Источник: составлено авторами.

По результатам анализа проведена классификация регионов России по значениям индекса экономического развития, в результате которой выделено семь классов регионов по соотношению базовых параметров экономической деятельности, географическому положению, природно-климатическим условиям и генезису. Классы именованы в порядке уменьшения значений индекса регионов, в них входящих. Выделенные классы нанесены на карту (рис. 3).

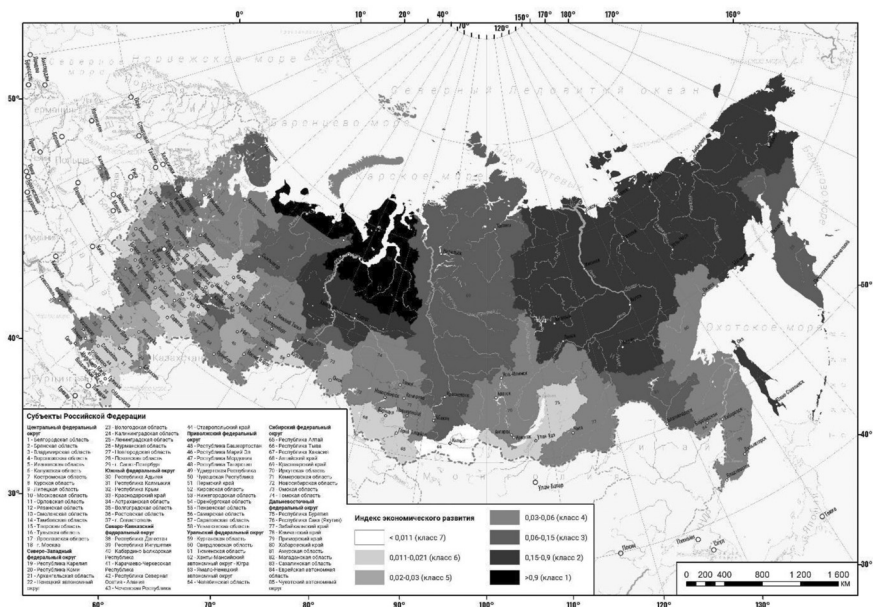

Рис. 3. Классификация регионов России по уровню экономического развития, 2018 г.

Источник: составлено авторами.

К первому классу (значения индекса более 0.9) относятся два региона очагового индустриального освоения — Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа с ярко выраженной моноспециализацией на добыче углеводородов, при малой численности населения, в том числе коренного малочисленного с традиционным укладом хозяйственной деятельности в ничтожных масштабах, разреженной сети поселений, экстремальных природно-климатических условиях и периферийно-приморским экономико-географическим положением.

Второй класс (значения индекса от 0.15 до 0.9) включает в себя преимущественно ресурсные регионы пионерного освоения, с низкой плотностью населения и может быть разделён на три группы:

1. Нефтегазодобывающие Ханты-Мансийский АО, Сахалинская область с относительно диверсифицированной экономикой (в ХМАО отраслью специализации является также электроэнергетика, а на Сахалине — газопереработка и рыболовство).
2. Два ведущих моноспециализированных золотодобывающих региона — Чукотский АО и Магаданская область с разреженной сетью поселений, абсолютным преобладанием городского населения (особенно в Магаданской области), приморско-периферийным экономико-географическим положением, отсутствием современ-

ных, в т.ч. железнодорожных, сухопутных коммуникаций с другими регионами. Промежуточное положение занимает Якутия, в которой при ресурсной экономике и низкой плотности населения (но при повышенной доле сельского) наряду с традиционными золото-, алмазо- и угледобычей в последние годы появилась нефтегазовая специализация.

3. Особняком стоит Москва, которая как столица, несмотря на нересурсный характер экономики, благодаря ведущей роли третичного сектора по мощи своих экономических показателей также оказывается в этом типе.

Третий класс (значение индекса от 0.06 до 0.15) включает в себя ресурсоориентированные регионы с относительно диверсифицированной экономикой при наличии ведущей отрасли, с несколько более высокой плотностью населения, чем в более северных и восточных регионах, наличием средне- и крупногородских поселений и менее разреженной их сетью. Здесь также выделяется несколько групп:

1. Республика Коми, Амурская, Тюменская области, Красноярский край с более диверсифицированной структурой экономики, где кроме добывающих относительно широко представлены обрабатывающие отрасли промышленности. Здесь в районе ядер наблюдается более высокая плотность населения и экономико-географическим положением обеспечивает высокие значения индекса.

Четвёртый класс (значения индекса от 0.03 до 0.06) включает в себя достаточно разнородные регионы с преимущественным развитием обрабатывающей промышленности, относительно высокой плотностью населения и густой поселенческой сетью. Все они целиком или южными частями относятся к главной полосе расселения и могут быть разделены на несколько групп:

1. Приморские регионы — Калининградская, Астраханская, Архангельская области, Приморский край и Республика Крым, где портовая специализация приводит к формированию более или менее значительного индустриального хинтерланда. Для всех них характерна значимая роль оборонной промышленности и приморской оборонной инфраструктуры.
2. Территориально сближенные регионы со схожим природно-ресурсным потенциалом и специализациями — Липецкая, Белгородская, Воронежская, Курская области Центральной России и житница страны Краснодарский край с высокой плотностью населения, диверсифицированной экономикой, повышенной ролью агропромышленного комплекса, центральным и соседским экономико-географическим положением;
3. Наиболее индустриализированные республики — Карелия, Хакасия.

4. Регионы «Московского кольца» — Московская, Ярославская, Тульская, Калужская, Тверская области, находящиеся со столицей в тесных социально-экономических отношениях.
5. «Сетевая» группа регионов, вытянувшись вдоль Транссиба объединяет Иркутскую область, Забайкальский, Хабаровский края и Еврейскую автономную область с повышенным удельным весом транспорта в структуре экономики.

Возможна и иная группировка — по специализации на металлургических переделах, прежде всего в чёрной металлургии, с высокой долей тяжёлой промышленности: Вологодская, Липецкая, Свердловская, Белгородская, Челябинская, Оренбургская, Кемеровская области. Ещё одним основанием для классификации может служить наличие в данном типе регионов с центрами городами-миллионерам. Здесь сконцентрированы и регионы с наиболее развитыми центрами городами-миллионерами Нижегородская, Свердловская, Челябинская, Самарская, Новосибирская области, Пермский край.

Пятый класс (значения индекса от 0.021 до 0.03) объединяет достаточно разнородную группу регионов, которую, тем не менее, с достаточной условностью можно подразделить на две группы:

1. Депрессивные регионы Центральной России — Тамбовская, Рязанская, Смоленская, Орловская области. К ним тяготеет по уровню развития Пензенская область Поволжского экономического района.
2. Регионы с центрами городами-миллионерами с повышенной долей производственного сектора — Ростовская, Омская области, Республика Башкортостан, а также город Севастополь.

Шестой класс (значения индекса от 0.011 до 0.021) подразделяется на четыре группы:

1. Регионы Центральной России и Северо-Запада с высокой и относительно высокой степенью освоённости — Костромская, Кировская, Псковская области, республики Волго-Вятского района — Мордовия, Чувашия, Марий-Эл. По большинству характеристик к ним может быть отнесена и депрессивная Ивановская область.
2. Регионы степной зоны со значительной ролью обрабатывающих отраслей при повышенном удельном весе аграрного сектора — Саратовская, Курганская области, Алтайский край.
3. Относительно развитые регионы Северного Кавказа, с хорошо развитым агропромышленным комплексом при значительной доле обрабатывающих производств — Ставропольский край, республики Дагестан и Адыгея. Территориально к ним примыкает Калмыкия, которая «дотягивает» до остальных за счёт развития нефтегазодобычи.
4. Особняком стоит Республика Бурятия со средним уровнем развития, достаточно разнообразной промышленностью, умеренно раз-

витым аграрным сектором и сдерживающим влиянием «Байкальского фактора» на социально-экономическое развитие.

Последний *седьмой класс* (значения индекса менее 0.011) объединяет наименее развитые республики Северного Кавказа — Карачаево-Черкесскую, Кабардино-Балкарскую, Северную Осетию, Ингушетию и Чечню. Традиционно, в этом классе оказывается Республика Тыва.

Заключение

Проведённое исследование позволило связать формализованные значения интегральных индексов уровней развития с региональной природно-ресурсной и общеэкономической средой. В результате удалось на общей шкале значений выделить и классифицировать регионы по географической обусловленности количественных параметров. При всех выявленных деталях первые три класса, за исключением двух столичных анклавов, образуют единое сомкнутое пространство ресурсных и преимущественно ресурсных регионов со схожими природными условиями и системами расселения.

Важным является, то что удалось «разобрать» середину, где, как правило, наблюдаются трудно отличимые различия. Методика позволила пространственно дифференцировать эти регионы, которые образуют четыре сомкнутых массива: Приморские регионы, юг Центральной России, так называемые сетевые регионы осью которых является Транссиб, регионы, окружающие Московскую столичную агломерацию.

В пятый класс попадают менее развитые регионы внутренней периферии Центральной России и регионы центрами которых являются города-миллионеры с высокой долей реального сектора экономики.

Шестой класс представлен разнородными регионами значительно более территориально разобщёнными: периферийные области Центрального и Северо-Западного районов, республиками Волго-Вятского района, среднеразвитыми регионами степной зоны и наиболее развитыми регионами Северного Кавказа.

Единый ареал (за исключением Тывы) формируют относящиеся к седьмому классу республики Северного Кавказа, что в целом отражает правильность выбора границ Северо-Кавказского ФО.

Произведённые расчёты соответствуют современной экономико-географической картине России, при этом выполнены автоматизированным машинным методом, что позволяет производить оперативный перерасчёт результатов при появлении более современных данных.

Предлагаемая методика может быть использована для оценки уровня экономического развития регионов России, выявления его особенностей, проведения ранжировок и классификаций. Используемый набор показателей основан на данных государственной статистики, регулярно собираемых и публикуемых, что позволяет производить объективное сравнение

регионов, в том числе в ретроспективе. Минимальный набор показателей облегчает расчёты и увеличивает прозрачность полученных результатов. Важным достоинством применённой методики является возможность отразить базовые, относительно малочувствительные к конъюнктурным всплескам региональные характеристики «нанизав» их на содержательные экономико-географическую подоснову.

Список литературы

- Бородкин, Ф. М., Айвазян, С. А. (2006). *Социальные индикаторы*. Юнити-Дана.
- Дубынина, Т. Г. (2014). Анализ дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития. *Вопросы статистики*, 5, 59–62.
- Земцов, С. П., Смелов, Ю. А. (2008). Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 4, 84–108.
- Зубаревич, Н. В. (2009). Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1-2, 161–174.
- Зубаревич, Н. В. (2010). Региональное развитие и институты: российская специфика. *Региональные исследования*, 2, 3–14.
- Зубаревич, Н. В. (2020). Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2 (46), 158–167.
- Коломак, Е. А. (2014). Развитие городской системы России: тенденции и факторы. *Вопросы экономики*, 10, 82–96.
- Коломак, Е. А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. *Пространственная экономика*. Т. 15, 4, 85–106.
- Кузнецова, О. В. (2014). Типология факторов социально-экономического развития регионов России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2, 3–8.
- Плисецкий, Е. Л., Плисецкий, Е. Е. (2020). Инфраструктурный потенциал территории как фактор устойчивого регионального развития. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3, 165–186.
- Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей* (1997). Начала ПРЕСС.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019.* (2019). Статистический сборник.
- РИА Новости. *Рейтинг социально-экономического положения регионов. 2021.* <https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html> (дата обращения: 06.11.2021).
- Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём?* (2005). Поматур.
- Рубанов, И. Н., Тикунов, В. С. (2009). Оценка экономической устойчивости регионов Российской Федерации. *Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт, ИнтерКарто/ИнтерГИС* — 15, 1, 3–11.
- Смирнягин, Л. В. (1989). *Районы США: портрет современной Америки*. Мысль.
- Тикунов, В. С. (1997). *Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций)*. Изд-во СГУ.
- Тикунов, В. С., Черешня, О. Ю. (2015). Индекс экономического развития регионов Российской Федерации. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 41–47.

Факторы экономического роста в регионах РФ. (2005). ИЭПП.

Фаттахов, Р. В., Низамутдинов, М. М., Орешников, В. В. (2019). Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России. *Мир новой экономики*, 13(2), 97–110.

Шумпетер, Й. А. (1982). *Теория экономического развития*. Прогресс.

References

Borodkin, F. M., Ajvazyan, S. A. (2006). *Social indicators*. Yuniti-Dana.

Dubynina, T. G. (2014). Analysis of differentiation of constituent entities of the Russian Federation in terms of social and economic development. *Voprosy statistiki*, 5, 59–62.

Zemcov, S. P., Smelov, Yu. A. (2008). Factors of regional development in Russia: geography, human capital and regional. *Journal of the New Economic Association*, 4, 84–108.

Zubarevich, N. V. (2009). Regional development and regional policy in Russia during ten years of economic growth. *Journal of the New Economic Association*, 1–2, 161–174.

Kuznetsova, O. V. (2014). Typology of factors governing the social-economic development of Russian regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 2, 3–8.

Russian regions. Socio-economic indicators. 2019. (2019). Statistical compendium.

RIA Novosti (2021). *Rating of the socio-economic situation in the regions. 2021*. Access date 06.11.2021, <https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html>.

Rubanov, I. N., Tikunov, V. S. (2009). Assessment of the economic sustainability of the Russian Federation regions. *Sustainable development of the territory: GIS theory and practical experience, Intercarto/InterGIS-15*, 1, 3–11.

Tikunov, V. S. (1997). *Classifications in geography: renaissance or decline? (Experience of formal classifications)*. Izd-vo SGU.

Tikunov, V. S., Chershnaya, O. Yu. (2015). Economic index for the regions of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 6, 41–47.

Factors of economic growth in Russian regions. (2005). IEPP.

Fattakhov, R. V., Nizamutdinov, M. M., Orshnikov, V. V. (2019) Assessment of the sustainability of the socio-economic development of the Regions in Russia. *The world of new economy*, 13(2), 97–110.

Shumpeter, J. A. (1982). *Theory of economic development*. Progress.

Rossiya regionov: v kakom sotsialnom prostranstve my zhivem? (2005). Pomatur.

Smirnyagin, L. V. (1989). *Regions of the USA: A portrait of modern America*. Mysl.

Zubarevich, N. V. (2010). Regional development and institutions: Russian specifics. *Regional Studies*, 2, 3–14.

Zubarevich, N. V. (2020). Vozmozhnosti i ogranicheniya kolichestvennoy otsenki faktorov ekonomicheskogo razvitiya rossijskikh regionov. *Zhurnal novoj ekonomicheskoy associacii*, 2 (46), 158–167.

Kolomak, E. A. (2014). Razvitie gorodskoy sistemy Rossii: tendencii i factory. *Voprosy ekonomiki*, 10, 82–96.

Kolomak, E. A. (2019). Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI veke. *Prostranstvennaya ekonomika*, v. 15, 4, 85–106.

Predprinimatelskiy klimat regionov Rossii. Geografiya Rossii dlya investorov i predprinimateley (1997). Nachala PRESS.

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

С. Л. Еремина¹

Томский политехнический университет

Министерства образования и науки России (Томск, Россия)

А. В. Петров²

СибГМУ Министерства здравоохранения России (Томск, Россия)

УДК: 339.137.2

ТЕРРИТОРИЯ ПРОЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ ПЕНСИОНЕРОВ В РОССИИ

Увеличение продолжительности жизни как в мире, так и в России привело к росту нагрузки на государственный бюджет в целом, и на пенсионные системы, в частности. Поскольку для большинства пенсионеров государственная социальная система, в целом, и пенсионная, в частности, является основным источником благополучия, это может спровоцировать его снижение.

Как следует из проведенного исследования, наряду с демографией (рост количества пенсионеров по сравнению с населением трудоспособного возраста) и экономикой (фаза цикла), территория проживания также фактор, влияющий на пенсионное благополучие.

Исследование ограничено рамками: оценивается только материальное благополучие, только пенсии по старости 8 федеральных округов Российской Федерации, период — 2014, 2016, 2018, 2020 гг.

Глобальный пенсионный индекс, Всемирный отчет о социальной поддержке, другие международные документы, а также Комплексное наблюдение условий жизни населения стали основой выделения ключевых показателей для оценки пенсионного благополучия, в т.ч.: 2 «денежных» (соотношение назначенной пенсии и величины прожиточного минимума) и 7 «неденежных», оценивающих состояние жилищных условий (общие: доля домохозяйств пенсионеров, не испытывающих стесненность в жилье; размер общей площади на члена домохозяйства; оценка домохозяйствами пенсионеров состояния занимаемого им жилого помещения как «удовлетворительного» и уровень обеспеченности жилых помещений пенсионеров: централизованным водопроводом, горячим водоснабжением, сетевым газом и центральным отоплением).

Оценка мини/макс методом этих показателей позволила эмпирически доказать гипотезу о том, что уровень благополучия пенсионеров, проживающих в различных федеральных округах Российской Федерации, существенно отличается. Т.о., эмпири-

¹ Еремина Софья Леонидовна — д.э.н., профессор, НИ Томский политехнический университет Министерства образования России; e-mail: esofia@tpu.ru, ORCID: 0000-0001-8038-0207.

² Петров Алексей Викторович — ст. преподаватель кафедры экономики, социологии, политологии и права, СибГМУ; e-mail: lepyas@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0047-3310.

чески доказано, что территория проживания — фактор пенсионного благополучия, что требует отказа от региональной привязки при расчете государственной пенсии.

Ключевые слова: материальное благополучие, домохозяйство, пенсионеры по старости, федеральный округ, Российская Федерация.

Цитировать статью: Еремина, С. Л., Петров, А. В. (2022). Территория проживания как фактор благополучия пенсионеров в России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 203–221. <https://doi.org/10.38050/013001052022210>.

S. L. Eremina

Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

A. V. Petrov

Siberian State Medical University (Tomsk, Russia)

JEL: H55

TERRITORY OF RESIDENCE AS A FACTOR OF PENSION WELL-BEING IN RUSSIA

The increase in life expectancy, both in the world and in Russia, has led to an increase in the burden on the state budget as a whole and on pension systems, in particular. Since for most pensioners the state social system, in general, and the pension one, in particular, is the main source of well-being, this can provoke its decline.

As follows from the study, along with demography (an increase in the number of pensioners compared to the population of working age) and the economy (phase of the cycle), the territory of residence is also a factor affecting pension welfare.

The study is limited in scope: only material well-being, only old-age pensions, 8 federal districts of the Russian Federation, for the period of 2014, 2016, 2018, 2020.

The Global Pension Index, the World Social Protection Report, other international documents, as well as the Comprehensive Monitoring of the Living Conditions of the Population has provided key indicators to assess pension well-being, including: 2 «monetary» (the ratio of the intended pension and the subsistence minimum) and 7 «non-monetary» ones that assess the state of housing conditions (general: the proportion of households of pensioners who are not constrained by housing; the size of the total area per member of the household; households estimate pensioners in the state of the living quarters occupied by them as «satisfactory» and the level of security of the living quarters of pensioners: centralized water supply, hot water supply, network gas and central heating).

Evaluation of the mini / max method of these indicators empirically proves the hypothesis that the level of well-being of pensioners living in various federal districts of Russia is significantly different. Thus, it is empirically proven that the territory of residence is a factor of pension well-being, which requires the abandonment of regional ties in calculating the state pension.

The article substantiates the recommendations to improving the publication process in economic journals and reducing transaction costs for authors of scientific publications.

Keywords: material wellbeing, retiree's households, federal district, the Russian Federation.

Актуальность и постановка проблемы. Все чаще «благосостояние» становится синонимом «благополучия» или «социального обеспечения». В XIX и XX вв. основной целью обеспечения «благополучия» граждан старшего возраста было снижение уровня бедности и сокращение неравенства.

В XXI в. пропаганда здорового образа жизни, деятельность системы здравоохранения, улучшение экологической ситуации и многие другие факторы как в мире, так и в России привели к увеличению продолжительности жизни, в результате чего повысилась нагрузка на пенсионные системы, а социальное обеспечение стало крупнейшей статьёй государственного бюджета. Тем не менее, бюджетные расходы на социальное обеспечение, в т.ч. людей старшего возраста, отличаются от региона к региону¹.

Чаще всего пенсионное благополучие различается по:

- гендерному признаку;
- уровню зарплаты гражданина;
- занятости гражданина в одной или в нескольких организациях;
- территории проживания (город или деревня);
- уровню дохода страны (высокий, средний или низкий ВВП на душу населения) и т.п.

Должен ли отличаться уровень благополучия пенсионеров, проживающих на разных территориях федеративного государства (федеральных округах Российской Федерации); зависит ли благополучие пенсионеров только от размера государственной пенсии?

Цель исследования — на основе выявленных различий в уровне благополучия домохозяйств пенсионеров России, проживающих в различных федеральных округах, обосновать необходимость определения пенсионного благополучия, зависящего от государства, суммой взносов в государственную пенсионную систему, а также уровнем и качеством жизни пенсионеров.

Методология. Измерению пенсионного благополучия и роли в нем национальных пенсионных систем уделяют внимание многие исследователи.

Так, начиная с 2009 г. ежегодно рассчитывается Глобальный пенсионный индекс (Melbourne mercer Global Pension Index, 2021). Более 50 показателей, сгруппированных в три подынтекса (адекватность — 40%, устойчивость — 35% и целостность — 25%), дают представление о различиях вклада в пенсионное благополучие пенсионных систем 37 стран мира — членов ОЭСР, охватывающих 63% населения мира. В контексте

¹ В экономической литературе понятие «регион» используется в контексте и мира, и страны (федеральный округ, субъект Федерации (в России: область, край, республика и т.п.)). В статье — как федеральный округ.

пенсионной системы России особенно интересны вопросы, включенные в подындекс «адекватность», например:

- A1 «какова минимальная пенсия в долях к средней заработной плате одинокого пенсионера?»;
- A3 «каков уровень сбережений населения в стране?»;
- A9 «уровень собственности на жилье в стране?»;
- A10 «какую долю пенсионных активов составляют инвестиции?»

Пенсионное благополучие в Великобритании измеряли Р. Кроуфорд и К. О'Деа (Crawford, Cormac, 2014). Авторы использовали модель жизненного цикла потребления и сбережения Ф. Модильяни и «выбор портфеля» Г. Марковица. На примере оценки финансового благополучия когорты граждан, рожденных в 1940-е гг., которые в 2000-е гг. приблизились к пенсионному возрасту (Matthews, Nazroo, 2016), доказано, что инвестиции в частные пенсионные системы обеспечивают более высокий уровень богатства, чем в безопасные активы (наличные). Хотя последние менее рискованны и ликвидны, но приносят низкий доход; инвестиции в частные пенсионные системы, напротив, обеспечивают более высокую доходность и налоговые льготы, но не ликвидны и более рискованны. На взгляд этих авторов, оптимальным благополучием является такое соотношение потребления и сбережения, которое обеспечивает наиболее эффективное потребление взрослого человека *в течение всей жизни*.

Так как миссия пенсионных систем — финансовое обеспечение домохозяйств пенсионеров, а также борьба с нищетой, и в силу того, что большинство людей в период трудовой деятельности обеспечивали развитие и прогресс нации, было бы несправедливым в старшем возрасте оставить их без необходимых благ (World Social protection report 2017–19). Доступ к такой поддержке как субсидии на жилье и энергию, помощь на дому и уход позволят домохозяйствам, состоящим из пожилых людей, не оказаться в нищете. Защита доходов в пожилом возрасте, в частности, способствует достижению цели развития тысячелетия (SDG) 11 — доступа семьи и отдельных лиц к адекватному, безопасному и доступному жилью (World Social protection report 2017–19).

Адекватный уровень пенсий и сохранение финансовой состоятельности пенсионных систем дебатруется во многих странах-членах Европейского союза (Czepulis-Rutkowska, 2016). Как правило, сохранение платежеспособности системы достигается за счет снижения уровня пенсий и низкого уровня адекватности.

Понимая, что есть несколько источников обеспечения благополучия пенсионеров: государство, личный вклад, семья, благотворительные фонды, церковь и т.п., мы в рамках данного исследования на примере Российской Федерации акцентируем внимание на одном источнике — государственной поддержке и тех различиях в обеспеченности домохозяйств пенсионеров, которые связаны с регионом их проживания (федеральным округом).

В федеративном государстве равенство прав и свобод человека и гражданина не должно зависеть от места жительства (Конституция РФ, ст. 19). Благополучие, прежде всего, материальное, пенсионеров должно зависеть от их вклада в экономическое развитие страны, а не от региона проживания.

Оценку материального благополучия пенсионеров, проживающих в восьми федеральных округах Российской Федерации, проведем, основываясь на данных федеральной статистики Российской Федерации за 2014, 2016, 2018, 2020 гг.¹

В России региональные различия материального благополучия стали основой Комплексного наблюдения условий жизни населения (Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, 2014, 2016, 2018, 2020 гг.).

Ранжируем показатели материального благополучия мин/макс-методом по шкале от 0 до 10. Не являясь авторской новацией, мин/макс-метод более всего удовлетворяет требованиям проводимого исследования.

Обсуждение. Благополучие людей, а не просто валовой внутренний продукт на душу населения, все больше становится основой измерения развития человечества (How's Life? 2020). Благополучие измеряется, в частности, ожидаемой продолжительностью жизни и ее качеством, образованием, уровнем личной безопасности и неравенства, в т.ч. «неравенства доходов, измеряемого его распределением на душу населения». Есть и те (Hagemejer, 2005; Hagemejer, McKinnon, 2013), кто учитывают нематериальные аспекты благополучия.

Права пожилых людей на поддержание благополучия изложены в основных международных документах: Всеобщей декларации прав человека, 1948; Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека, 1966; Стандартах Международной организации труда (МОТ) (Конвенция № 102, 1952; Конвенция № 128; Рекомендация № 131, 1967; Рекомендация № 202, 2012). Эти документы устанавливают гарантированный уровень пенсий по старости и их регулярную индексацию.

ХелпЭйдж Интернэшнл рассчитывает Глобальный ЭйджВотч индекс, который позволяет измерить и оценить, а также указывает на необходимость системной государственной поддержки пожилого населения. В 2015 г. в рейтинге ХелпЭйдж Интернэшнл Россия занимала 65-е место (Глобальный индекс ЭйджВотч, 2015).

Natixis Global Retirement Index анализирует факторы, влияющие на благополучие пенсионеров в разных странах мира, в т.ч.: финансовую независимость, материальное благополучие, качество жизни и здравоохранение. В 2021 г. в десятку лучших рейтинга вошли 7 стран Европы (1 — Исландия, 2 — Швейцария, 3 — Норвегия, 4 — Ирландия, 5 — Нидерланды,

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система, 2020.

8 — Германия и 9 — Дания), 2 страны из Океании (6 — Новая Зеландия, 7 — Австралия) и одна из Северной Америки (10 — Канада).

В публикациях Всемирного банка пенсионные системы представлены как «перевернутые пирамиды» (Schwarz et al., 2014) в том смысле, что если раньше пенсионеров было меньше граждан трудоспособного возраста, то теперь доля последних существенно сократилась. На сегодняшний день в среднем одного пенсионера «содержат» 3,5 трудоспособного; в некоторых странах — только трое.

В России коэффициент пенсионной нагрузки постоянно увеличивается. Его уровень увеличится с 43,1% в 2015 г. до 56,6% в 2030 г., до 62,9% — в 2050 г. и до 63,5% в 2100 г. (World Social protection report 2017–19: Social protection at the crossroads — in pursuit of a better future). Все это требует поиска новых источников финансирования благополучия пенсионеров.

В сложившейся ситуации можно сформулировать несколько вариантов реформирования пенсионных систем:

- вернуться к пенсионным системам 70-х гг. прошлого столетия, которые предполагают:
 - максимальную защиту граждан старшего возраста, по крайней мере, минимальным гарантированным доходом (Чили, Боливия и т.п.);
 - снижение напряженности государственных финансов: сокращение бюджетного дефицита и государственного долга (Польша, Венгрия, Словакия, другие страны Центральной и Восточной Европы);
 - гарантии социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения; обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы; удержание на приемлемом уровне страховой нагрузки пенсионной системы на экономику страны (Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года, 2012).
- Повысить налоги на доходы от трудовой деятельности граждан трудоспособного возраста.
- Увеличить продолжительность трудовой деятельности, т.е. возраст выхода на пенсию.
- Привлекать мигрантов трудоспособного возраста.

Пока ни одно из предлагаемых решений не является простым и однозначным.

Социальная несправедливость пенсионной системы России проявляется, в частности, в том, что:

- более 30% пенсионеров составляют лица, которым назначена досрочная трудовая пенсия в связи с особыми и специальными условиями труда. При этом источником являются общие средства Пенсионного фонда Российской Федерации, а не страховые взно-

сы работодателей — предприятий с особыми и специальными условиями труда;

- коэффициент замещения, т.е. соотношение пенсии и средней зарплаты в России в 2002 г. составлял 34%; к 2007 г. снизился до 25%; к 2012 г. — увеличился до 36,8% (Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года, 2012), хотя и не «дотягивал» до 40% — уровня, рекомендованного МОТ, на 3,2%. К 2035 г. при росте экономики на 1,5% в год коэффициент замещения может быть менее 26% (Власов, Мамедли, 2017), т.е. ниже уровня МОТ на 15%.

Эмпирическая проверка гипотезы: зависит ли благополучие граждан России пенсионного возраста от территории (федерального округа) их проживания?

Территориальная дифференциация пенсий заложена в базовом документе, где гарантированный минимальный уровень материального обеспечения пенсионера привязан к величине прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации. Установление размера пенсии на уровне не ниже величины 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера в стране пока только планируется (Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года, 2012).

Оценку дифференциации государственной поддержки пенсионеров в федеральных округах Российской Федерации проведем по одному «денежному» (Комплексное наблюдение условий жизни населения, Федеральная служба государственной статистики за 2014, 2016, 2018 и 2020 гг. (имеющиеся данные)), в т.ч. соотношение назначенной пенсии; величины прожиточного минимума; и восьми «неденежным» показателям, в т.ч.: общее состояние жилья пенсионеров (доля домохозяйств, которые не испытывают стесненность в жилье; размер общей площади на члена домохозяйства; оценка жилого помещения как «удовлетворительное»); обеспеченность жилых помещений пенсионеров (централизованным водопроводом, горячим водоснабжением, сетевым газом, лифтом и мусоропроводом).

Набор показателей связан с необходимостью быть максимально близким к мировому опыту и наличием опыта такого измерения (Eremina et al., 2016). Поскольку единицы измерения показателей — разные, сопоставимость данных потребовала перевести их в коэффициенты, в рамках данного исследования — с помощью метода мин/макс.

Приведем расчет коэффициента мин/макс-методом выбранного «денежного» показателя — «соотношение назначенной пенсии и величины прожиточного минимума» (табл. 1)¹. Например, для Сибирского федерального округа в 2014 г. он составлял 10,00 (табл. 1, столбец 5):

$$\frac{(2,09 - 1,24)}{(2,09 - 1,24)} \times 10 = 10,00. \quad [1]$$

¹ Приведение расчетов по всем показателям ограничено рамками статьи, но, безусловно, авторы рассчитали все коэффициенты, что отражено в итоговых таблицах и рисунках.

Как следует из приведенных расчетов, наихудшим данное соотношение было в течение одного периода — в Южном, а трех периодов — в Дальневосточном федеральном округе; в 2014 и 2016 гг. наилучшим оно было в Сибирском (СФО), в 2018 г. — в Центральном (ЦФО), в 2020 г. — Приволжском. Разница в соотношении среднего размера назначенных пенсий и величины прожиточного минимума медленно, но сокращается: с 1,61 в 2014 г. до 1,27 — в 2020 г., хотя разрыв в 1,27 раза представляется более чем значительным.

Таблица 1

**Соотношение среднего размера назначенных пенсий (НП)
и величины прожиточного минимума (ВПМ), 2014–2020 гг.**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменение*		2014	2016	2018	2020
	Итого				2020/ 2014	2020– 2014	Мин/макс			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Центральный	163,7	224,2	169,	171,3	↑	→	6,5	5,8	4,0	7,2
Северо-Западный	157,5	205,9	159,7	162,0	↑	→	5,6	2,9	2,3	4,8
Южный	117,1	220,6	162,	163,5	↑	→	0,0	5,2	2,7	5,2
Северо-Кавказский	157,2	211,8	157,1	156,9	↓	→	5,6	3,8	1,8	3,5
Приволжский	170,5	236,5	180,0	182,2	↑	→	7,5	7,7	6,0	10,0
Уральский	188,7	250,7	202,2	174,7	↓	→	10,	10,	10,0	8,1
Сибирский	161,7	202,4	170,9	169,8	↑	→	6,2	2,3	4,3	6,8
Дальневосточный	144,6	187,7	147,1	143,4	↓	→	3,8	0,0	0,0	0,0
Максимум	188,7	250,7	202,2	182,2						
Минимум	117,1	187,7	147,1	143,4						
Разница макс/мин	1,61	1,34	1,37	1,27						

Здесь и далее: * «→» — тенденции не выявлено; «↓» — ухудшение позиции; «↑» — улучшение позиции.

Источник: составлено авторами по материалам¹.

Очередной этап эмпирических исследований — расчеты по восьми указанным выше показателям «неденежного» измерения благополучия за 2014, 2016, 2018 и 2020 гг. (табл. 2–4) и обеспеченность жилых помещений пенсионеров (табл. 5–9).

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Величина прожиточного минимума (рубль). <https://fedstat.ru/indicator/30957>. Средний размер назначенных пенсий (рубль) <https://www.fedstat.ru/indicator/31455>

Таблица 2

**Домохозяйства пенсионеров, которые не испытывали
стесненности жилищных условий в 2014–2020 гг.**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменение*		2014	2016	2018	2020
	Итого				2020/ 2014	2020– 2014	Мин/макс			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Центральный	65,2	79,9	79,5	83,1	↑	↑	0,4	7,4	7,9	10,0
Северо-Западный	67,4	82,9	77,5	82,0	↑	→	2,6	10,0	4,3	8,0
Южный	74,1	74,5	77,4	78,3	↑	↑	9,2	2,8	4,1	1,4
Северо-Кавказский	64,8	71,2	75,1	77,5	↑	↑	0,0	0,0	0,0	0,0
Приволжский	74,9	76,1	78,6	81,6	↑	↑	10,0	4,2	6,2	7,3
Уральский	73,1	74,9	80,7	80,8	↑	↑	8,2	3,2	10,0	5,9
Сибирский	71,5	75,0	76,1	81,2	↑	↑	6,6	3,2	1,8	6,6
Дальневосточный	73,8	74,3	78,4	79,6			8,9	2,6	5,9	3,7

Источник: составлено авторами по материалам¹.

Как следует из проведенных расчетов, динамика, рассчитанная методом мин/макса, за исследуемые годы была разнонаправленной: в 2014 г. лучшим было состояние в Приволжском федеральном округе, в 2016 г. — Северо-Западном, в 2018 г. — в Уральском и в 2020 г. — в Центральном федеральном округе. «Отрицательное» лидерство Северо-Кавказского федерального округа оставалось неизменным в течение всего периода исследования.

В Центральном федеральном округе ситуация улучшилась, в Дальневосточном — ухудшилась, в остальных была разнонаправленной.

Таблица 3

**Домохозяйства пенсионеров, по размеру общей площади
в расчете на члена в 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменение, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Центральный	16,71	16,71	17,1	16,5	↑	1,6	1,6	3,6	3,6
Северо-Западный	16,29	16,29	16,7	15,2	↓	0,8	0,8	3,0	0,7
Южный	18,52	18,52	16,72	17,8	→	4,8	4,8	3,0	6,6
Северо-Кавказский	21,4	21,4	21,26	19,3	↓	10,0	10,0	10,0	10,0
Приволжский	17,44	17,44	15,89	16,0	↑	2,9	2,9	1,8	2,5

¹ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-usl_prog1.htm

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменение, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Уральский	15,83	15,83	14,74	15,3	↑	0,0	0,0	0,0	0,9
Сибирский	16,56	16,56	15,74	14,9	↑	1,3	1,3	1,5	0,0
Дальневосточный	16,77	16,77	15,15	15,2	→	1,7	1,7	0,6	0,7

Источник: составлено авторами по материалам¹.

По данному показателю, рассчитанному методом мин/макса, «положительное» лидерство Северо-Кавказского федерального округа очевидно (столбцы 7–10) и не менее очевидно «отрицательное» — Уральского. В 2014 г. наихудшими были условия в Уральском федеральном округе, условия в Северо-Западном находились в нижних строках рейтинга (столбец 7).

За период 2014–2020 гг. во всех федеральных округах, кроме Центрального, условия были нестабильными, Центральный продемонстрировал положительную динамику: его позиции в рейтинге улучшились.

Таблица 4

Оценка домохозяйствами пенсионеров состояния занимаемого им жилого помещения как «удовлетворительное» в 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменения, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	51,4	49,7	54,2	43,6	↓	10,0	9,0	10,0	7,5
Северо-Западный	47,2	48,2	45,2	46,5	→	5,2	8,0	4,2	9,8
Южный	44,1	48,9	51,8	43,4	→	1,6	8,5	8,5	7,4
Северо-Кавказский	46,2	41,7	38,6	33,8	↓	4,0	3,9	0,0	0,0
Приволжский	43,2	44,0	47,5	44,0	↑	0,6	5,4	5,7	7,8
Уральский	42,7	45,9	51,8	46,8	↑	0,0	6,6	8,5	10,0
Сибирский	47,9	51,3	51,7	43,7	↓	6,0	10,0	8,4	7,6
Дальневосточный	48,5	35,6	45,3	44,4	↓	6,7	0,0	4,3	8,2

Источник: составлено авторами по материалам².

Как следует из расчетов (табл. 4), за анализируемый период «лидером» по данному показателю, рассчитанному методом мин/макса, является Центральный федеральный округ, несмотря на некоторое снижение в 2020 г. Нулевым, т.е. наихудшим состояние было в разных федеральных

¹ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-usl_prog1.htm

² Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-usl_prog2.htm

округах: в 2014 г. — в Уральском, в 2016 г. — в Дальневосточном; в 2018 и в 2020 гг. — в Северо-Кавказском. Ситуация улучшилась только в двух федеральных округах: Южном и Уральском, в четырех — тенденции не выявлено, а в одном федеральном округе — Северо-Кавказском — позиция в рейтинге ухудшилась.

Таблица 5

Обеспеченность жилых помещений, в которых проживают домохозяйства пенсионеров, централизованным водопроводом, ФО, 2014, 2016, 2018, 2020 гг.

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020 ¹	Изменения	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	86,8	88,7	88,5	89,8	↑	7,	8,9	8,7	7,6
Северо-Западный	89,4	86,6	77,3	81,9	↓	8,5	8,	4,	3,1
Южный	91,9	91,4	91,5	89,2	↓	10,	10,	10,	7,3
Северо-Кавказский	90,4	89,1	73,9	94,0	↑	9,1	9,	2,5	10,0
Приволжский	82	86,9	86,0	89,7	↑	4,1	8,1	7,7	7,5
Уральский	86	86,3	88,6	85,5	↓	6,5	7,8	8,8	5,1
Сибирский	75,1	67,8	75,8	76,5	↑	0,	0,	3,3	0,0
Дальневосточный	75,8	82,4	68,0	79,4	↑	0,4	6,2	0,	1,7

Источник: составлено авторами по материалам².

Таблица 6

Обеспеченность жилых помещений, в которых проживают домохозяйства пенсионеров, горячим водоснабжением, 2014, 2016, 2018 и 2020 гг.

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменения, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	52,3	41,0	41,3	Нет данных	↓	6,96	4,96	5,13	Нет данных
Северо-Западный	66,9	53,1	51,5		↓	10,00	7,41	7,10	
Южный	29,0	37,1	30,8		↑	2,12	4,17	3,12	
Северо-Кавказский	18,8	16,5	14,6		↓	0,00	0,00	0,00	
Приволжский	43,7	43,7	45,7		↑	5,18	5,51	5,98	
Уральский	66,7	65,9	66,6		↑	9,96	10,00	10,00	
Сибирский	55,0	53,9	45,1		↓	7,53	7,57	5,87	
Дальневосточный	51,2	46,8	48,7		↓	6,74	6,13	6,56	

Источник: составлено авторами по материалам³.

¹ Обеспеченность жилых помещений водопроводом и оценка домохозяйствами качества питьевой воды https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

² Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-ysl_prog3.htm

³ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-ysl_prog4.htm

Таблица 7

**Обеспеченность сетевым газом жилых помещений,
в которых проживают домохозяйства пенсионеров,
2014, 2016, 2018, 2020 гг.¹**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020 ¹	Изменения, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	85,3	86,53	87,6	86,5	↑	8,8	8,8	9,9	9,9
Северо-Западный	60,1	56,88	44,4	57,8	↓	5,9	5,3	4,4	4,4
Южный	87,3	91,19	88,5	89,4	↑	9,1	9,4	10,0	10,0
Северо-Кавказский	95,4	96,17	78,9	95,2	↓	10,0	10,0	8,8	8,8
Приволжский	84,2	85,19	86,4	87,8	↑	8,7	8,7	9,7	9,7
Уральский	57,7	43,18	44,5	47,0	↓	5,6	3,6	4,4	4,4
Сибирский	9,3	13,35	11,3	10,0	↑	0,0	0,	0,2	0,2
Дальневосточный	12,9	15,36	9,6	8,1	↓	0,4	0,2	0,0	0,0

Источник: составлено авторами по материалам².

Таблица 8

**Обеспеченность домохозяйств пенсионеров лифтом,
2014, 2016, 2018, 2020 гг.**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменения, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	46,2	52,6	34,2	35	↓	10,0	10,0	10,0	10,0
Северо-Западный	41,7	39,3	21,5	26,2	↓	8,9	5,1	4,4	5,8
Южный	35,4	30,0	25,1	17,6	↓	7,4	1,8	6,0	1,8
Северо-Кавказский	5,2	33,6	17,4	25,5	↑	0,0	3,1	2,6	5,5
Приволжский	25,6	38,1	31,0	34,6	↑	5,	4,7	8,6	9,8
Уральский	24,4	31,7	29,8	32,3	↑	4,7	2,4	8,1	8,7
Сибирский	35,4	33,1	28,8	26,4	↓	7,4	2,9	7,6	5,9
Дальневосточный	15,5	25,2	11,4	13,9	↓	2,5	0,0	0,0	0,0

Источник: составлено авторами по материалам³.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах табл. 9.1. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

² Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах. Табл. 9.1. за соответствующий год https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

³ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах). Табл. 5.1. за соответствующий год https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

Таблица 9

**Обеспеченность домохозяйств пенсионеров мусоропроводом,
2014, 2016, 2018, 2020 гг.**

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменения, 2020/2014	2014	2016	2018	2020
	Итого, %					Мин/макс			
Центральный	50,1	48,6	25,7	28	↓	10,0	10,0	8,6	8,4
Северо-Западный	40,9	37,0	21,6	27	↓	8,0	5,6	6,3	7,9
Южный	35,4	25,1	19,2	13,3	↓	6,7	1,1	5,	0,7
Северо-Кавказский	5,2	23,2	10,3	13,8	↑	0,0	0,4	0,0	1,0
Приволжский	26,7	30,5	28,2	31	↑	4,8	3,2	10,	10,0
Уральский	14,5	22,1	25,9	18,1	↑	2,1	0,0	8,7	3,2
Сибирский	35,9	31,2	17,4	18,6	↓	6,8	3,4	4,0	3,5
Дальневосточный	22,8	26,0	13,5	11,9	↓	3,9	1,5	1,8	0,0

Источник: составлено авторами по материалам¹.

По этому показателю не очевиден ни федеральный округ - лидер, ни аутсайдер рейтинга. В 2014 и 2016 гг. лидером был Центральный федеральный округ, в 2018 и 2020 гг. его сменил Приволжский.

В трех федеральных округах динамика положительная, в пяти — отрицательная.

Теперь объединим расчеты «неденежного» благополучия домохозяйств пенсионеров (табл. 10, 11, 12 и 13).

Таблица 10

**«Неденежное» благополучие домохозяйств пенсионеров,
2014 г., мин/макс**

Федеральные округа	Жилищные условия			Обеспеченность					Итого	Мин/макс
	не испытывают стесненности	по размеру общей площади в расчете на члена	«удовлетворительные»	централизованным водопроводом	горячим водоснабжением	сетевым газом	лифтом	мусоропроводом		
Центральный	5,42	2,79	10,00	8,72	6,88	6,96	10,0	10,0	60,77	10,0
Северо-Западный	1,25	1,31	5,17	3,96	10	8,51	8,9	8,0	47,1	5,9
Южный	8,12	4,82	1,61	10,00	3,1	10	7,4	6,7	51,75	7,3

¹ Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения, в процентах). Табл. 5.1. за соответствующий год https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

Федеральные округа	Жилищные условия			Обеспеченность					Итого	Мин/макс
	не испытывают стесненности	по размеру общей площади в расчете на члена	«удовлетворительные»	централизованным водопроводом	горячим водоснабжением	сетевым газом	лифтом	мусоропроводом		
Северо-Кавказский	5,83	10	4,02	2,51	0	9,11	0,0	0,0	31,47	1,2
Приволжский	10	1,84	0,57	7,66	5,26	4,11	5,	4,8	39,24	3,5
Уральский	3,33	1,56	0,00	8,77	8,95	6,49	4,7	2,1	35,9	2,5
Сибирский	0	0,63	5,98	3,32	5,45	0	7,4	6,8	29,58	0,6
Дальневосточный	5,42	0	6,67	0,00	8,59	0,42	2,5	3,9	27,5	0,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 11

**«Неденежное» благополучие домохозяйств пенсионеров,
2016 г., мин/макс**

Федеральные округа	Жилищные условия			Обеспеченность					Итого	Мин/макс
	не испытывают стесненности	по размеру общей площади в расчете на члена	«удовлетворительные»	централизованным водопроводом	горячим водоснабжением	сетевым газом	лифтом	мусоропроводом		
Центральный	9,21	3,22	8,98	8,84	5,7	4,96	10,0	10,0	60,91	10,0
Северо-Западный	0	0	8,03	5,26	10	7,41	5,1	5,6	41,4	4,3
Южный	10	4,04	8,47	9,4	3,3	4,17	1,8	1,1	42,28	4,6
Северо-Кавказский	5,84	10	3,89	10	0	0,00	3,1	0,4	33,23	1,9
Приволжский	9,41	2,51	5,35	8,67	5,12	5,51	4,7	3,2	44,47	5,2
Уральский	9,01	1,93	6,56	3,6	9,33	10,00	2,4	0,0	42,83	4,7
Сибирский	8,02	2,28	10,00	0	4,09	7,57	2,9	3,4	38,26	3,4
Дальневосточный	7,92	1,23	0,00	0,24	9,66	6,13	0,0	1,5	26,68	0,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 12

**«Неденежное» благополучие домохозяйств пенсионеров,
2018 г., мин/макс**

Федеральные округа	Жилищные условия			Обеспеченность				Итого	Мин/макс	
	не испытывают стесненности	по размеру общей площади в расчете на члена	«удовлетворительные»	централизованным водопроводом	горячим водоснабжением	сетевым газом	лифтом			мусоропроводом
Центральный	9,85	5,44	10,00	9,89	Нет данных	5,13	10,0	8,6	58,91	10,0
Северо-Западный	1,46	0,00	4,23	4,41		7,10	4,4	6,3	27,9	2,8
Южный	10,00	7,38	8,46	10,00		3,12	6,0	5,	49,96	7,9
Северо-Кавказский	0,00	10,00	0,00	8,78		0,00	2,6	0,0	21,38	1,3
Приволжский	9,05	4,37	5,71	9,73		5,98	8,6	10,	53,44	8,7
Уральский	9,42	2,82	8,46	4,42		10,00	8,1	8,7	51,92	8,4
Сибирский	8,39	3,20	8,40	0,22		5,87	7,6	4,0	37,68	5,1
Дальневосточный	2,70	0,58	4,29	0,00		6,56	0,0	1,8	15,93	0,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 13

**«Неденежное» благополучие домохозяйств пенсионеров,
2020 г., мин/макс**

Федеральные округа	Жилищные условия			Обеспеченность				Итого	Мин/макс	
	не испытывают стесненности	по размеру общей площади в расчете на члена	«удовлетворительные»	централизованным водопроводом	горячим водоснабжением	сетевым газом	лифтом			мусоропроводом
Центральный	10,0	3,6	7,5	7,6	Нет данных	9,9	10,0	8,4	57,0	10,0
Северо-Западный	8,0	0,7	9,8	3,1		4,4	5,8	7,9	39,7	5,9
Южный	1,4	6,6	7,4	7,3		10,0	1,8	0,7	35,2	4,9
Северо-Кавказский	0,0	10,0	0,0	10,0		8,8	5,5	1,0	35,3	4,9
Приволжский	7,3	2,5	7,8	7,5		9,7	9,8	10,0	54,6	9,4
Уральский	5,9	0,9	10,0	5,1		4,4	8,7	3,2	38,2	5,6
Сибирский	6,6	0,0	7,6	0,0		0,2	5,9	3,5	23,8	2,2
Дальневосточный	3,7	0,7	8,2	1,7		0,0	0,0	0,0	14,3	0,0

Источник: составлено авторами.

Объединим проведенные расчеты «неденежного» благополучия домохозяйств пенсионеров (рис. 1)

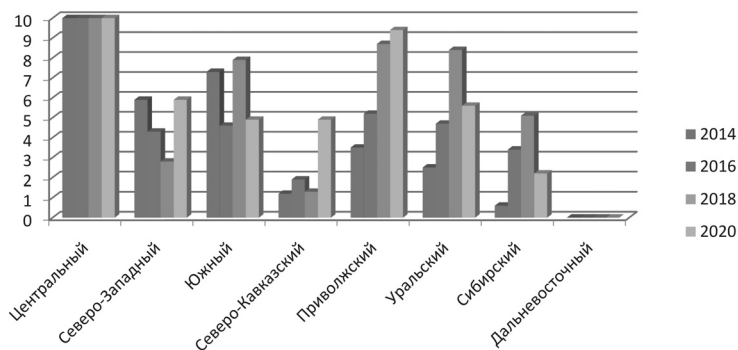

Рис. 1. «Неденежное» благополучие домохозяйств пенсионеров, 2014, 2016, 2018, 2020 гг., мин/макс

Источник: составлено авторами.

Проведенные расчеты показывают, что динамика «неденежного» благополучия домохозяйств пенсионеров практически воспроизводится. Очевидным положительным лидером является Центральный федеральный округ, очевидным отрицательным — Дальневосточный. Положительную динамику демонстрирует Приволжский федеральный округ; в остальных пяти регионах динамика разнонаправленная.

Далее объединим денежный и неденежные показатели и также ранжируем их по годам методом мин/макс (табл. 14)

Таблица 14

Показатели совокупного благополучия домохозяйств пенсионеров 2014, 2016, 2018, 2020 гг.

Федеральный округ	2014	2016	2018	2020	Изменения, 2020/2014
Центральный	10,0	10,0	9,1	8,9	↓
Северо-Западный	6,9	5,3	6,6	5,5	↓
Южный	8,3	8,3	10,0	5,2	↓
Северо-Кавказский	6,8	3,4	2,9	4,3	↓
Приволжский	7,6	8,4	8,1	10,0	↑
Уральский	5,2	7,9	6,5	7,1	↑
Сибирский	6,1	7,0	5,1	4,6	↓
Дальневосточный	0,0	0,0	0,0	0,0	→

Источник: составлено авторами.

В отличие от «неденежного» благополучия домохозяйств пенсионеров динамика совокупного благополучия за период 2020/2014 гг. разнонаправ-

ленная. Очевидным аутсайдером является Дальневосточный федеральный округ. При этом только в двух округах (Приволжском и Уральском) очевидна положительная динамика, во всех остальных она отрицательная.

Если рассматривать все указанные годы — 2014–2020, то можно констатировать отсутствие четкой тенденции лидерства: в 2014 и 2016 гг. лидирующие позиции занимал ЦФО, в 2018 г. им стал Южный, а в 2020 — Приволжский федеральный округ.

Вывод

Теоретически и эмпирически доказано, что фактором материального благополучия пенсионеров, как по денежному, так и по «неденежным» показателям является территория проживания пенсионера, а не только демография и экономика (зарплата и стаж трудовой деятельности). В рамках проведенного исследования стало очевидно, что динамика выбранных показателей воспроизводится: лидер остается лидером, аутсайдер — аутсайдером.

Очевидным лидером по «неденежным» показателям благополучия стал Центральный федеральный округ; не менее очевидным аутсайдером по этой группе выбранных показателей — Дальневосточный федеральный округ. Это во многом объясняет принимаемые федеральные программы поддержки различных аспектов жизнедеятельности граждан и бизнеса субъектов Федерации, расположенных на территории округа.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что ключевым направлением государственной поддержки пенсионеров, как граждан соответствующих регионов, должно стать нивелирование различий в обозреваемый период, что соответствует конституционным целям федеративного государства и является справедливым по отношению к гражданам старшего возраста, независимо от территории их проживания.

Список литературы

Власов, С. А., & Мамедли, М. О. (2017). Сценарный анализ параметров пенсионной системы в контексте устойчивости государственных финансов России. *Деньги и кредит*, 8, 26–33.

ЕМИСС. Единая межведомственная информационно-статистическая система. <https://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 24.03.2022).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 19.

Куделина, О. В., & Еремина, С. Л. (2016). Эффективность регионального здравоохранения. *Экономика региона*, 12(1), 211–225.

Минтруд России. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (на 29.09.2012). <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/03e383b6-1500961936.doc> (дата обращения: 24.10.2021).

ООН. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.03.2020).

Росстат. Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, 2014, 2016, 2018, 2020 гг. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 24.10.2021).

Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-usl_progl.htm (дата обращения: 24.10.2021).

Bacchus, B. (2013). Provincial healthcare index 2013 Fraser Institute. *Studies in Health Policy*. Retrieved February 12, 2020, from <https://www.fraserinstitute.org>.

Crawford, R., & O'Dea, C. (2020). Cash and Pensions: Have the elderly in England saved optimally for retirement? *Institute for fiscal studies (IFS) working paper W14/22*. Retrieved January 23, 2020, from <https://www.ifs.org.uk/publications/7357>.

Czepulis-Rutkowska, Z. (2016). Trends in pension systems in Europe. *Social policy*, 1, 2–3.

Eremina, S. L., Fu, S., Kudelina, O. V., & Babaeva, F. G. (2016). Russian national social security system as the condition of pensioners' well-being. *The European proceedings of social & behavioral sciences (EpSBS) (WELLSO 2015)*, 7, 215–226.

Hagemeyer, K. (2005). Sustainable, safe and adequate pensions in the ageing society: Policy dilemmas. *Polityka Społeczna*, 1(1), 11–17. Retrieved February 12, 2020, from <http://www.social-protection.org/gimi/gess/RessourceDownload.action?ressource.ressourceId>.

Hagemeyer, K., & McKinnon, R. (2013). The role of national social protection floors in extending social security to all. *International Social Security Review*, 66(3–4), 3–19.

HelpAge international. Global AgeWatch index 2015. Retrieved December 25, 2019, from <https://www.helpage.org/global-agewatch>.

ILO. *Invalidity, Old-Age and Survivors' Benefits Recommendation No. 131*. Retrieved February 03, 2020, from <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0>.

ILO. *Social Protection Floors Recommendation No. 202*. Retrieved February 03, 2020, from <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100>.

ILO. *Social security (minimum standards) convention No. 102*. Retrieved February 02, 2020, from <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100>.

ILO. *World Social protection report 2017–19*. Universal social protection to achieve the sustainable development goals. Retrieved February 04, 2020, from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/publ/documents/wcms_604882.pdf.

Matthews, K., & Nazroo, J. (2016). Retirement, well-being, engagement and social status. *The Dynamics of Ageing. Evidence from the English longitudinal study of ageing 2002*, 15, 295. Retrieved March 15, 2020, from https://www.ifs.org.uk/uploads/elsa/docs_w7/ELSA%20Wave%207%20report.pdf.

Mercer. *Melbourne mercer global pension index*. (2021). Retrieved February 22, 2021, from https://info.mercer.com/rs/521-DEV_513/images/MMGPI%202019%20Full%20Report.pdf.

Natixis. Global Retirement Index (2019). Retrieved February 22, 2020, from <https://www.im.natixis.com/us/resources/global-retirement-index-2019-report>.

OECD. *How's Life? Measuring well-being*. Retrieved February 22, 2020, from <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9870c393-en/1/2/1/index.html?itemId=/content/publication>.

Schwarz, A., Arias, O., Zvinienie, A., Rudolph, H., Eckardt, S., Koettl, J., Immervoll, H., & Abels, M. (2014). *The Inverting Pyramid*. https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9908-8_ch1.

The World bank. The inverting pyramid. Pension Systems in Europe and Central Asia (2014). Retrieved March 15, 2020, from <http://documents.worldbank.org/curated/en/2014/01/18941323/inverting-pyramid-pension-systems-facing-demographic-challenges-europe-central-asia-vol-2-2-main-report>.

UN. International covenant on economic, social and cultural rights, G.A. res. 2200a (XXI), 21 U.N. GAOR supp. (No. 16) at 49, U.N. Doc. A/6316 (1966), 993 U.N.T.S. 3, *entered into force* Jan. 3, 1976.

UN. Universal Declaration of Human Rights. (1948, December 10). <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>.

References

Vlasov, S.A., & Mammadli, M.O. (2017). Scenario analysis of the parameters of the pension system in the context of the sustainability of public finances in Russia. *Money and Credit*, 8, 26–33.

EMISS. Unified interdepartmental information and statistical system. Retrieved March 24, 2022, from <https://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Article 19.

Kudelina, O.V., & Eremina, S.L. (2016). The effectiveness of regional healthcare. *Economics of the Region*, 12(1), 211–225.

The Ministry of Labor of Russia. Strategy of long-term development of the pension system of the Russian Federation (September 29, 2012). Retrieved October 24, 2021, from <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/03e383b6-1500961936.doc>

UN. The Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948. Retrieved March 02, 2020, from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

Rosstat. *Results of federal statistical observations on socio-demographic problems*, 2014, 2016, 2018, 2020. Retrieved October 24, 2021, from https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

Rosstat. *Comprehensive monitoring of the living conditions of the population*. Retrieved October 24, 2021, from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-usl_prog1.htm.

Трибуна преподавателя

А. Р. Марков¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. С. Павлова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. М. Калмыкова³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

М. С. Шахова⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Д. В. Кузин⁵

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. Н. Никишина⁶

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. В. Мерекина⁷

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

О. А. Маркова⁸

МГУ имени М. В. Ломоносова / РАНХиГС (Москва, Россия)

И. Н. Филиппова⁹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 303.02 (330.101)

¹ Марков Андрей Романович — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ORCID: 0000-0002-2291-5573.

² Павлова Наталья Сергеевна — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: pavl.ns@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9416-4086.

³ Калмыкова Наталья Михайловна — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: natalia@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0003-2930-0843.

⁴ Шахова Маргарита Сергеевна — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: shakhova_msu@bk.ru, ORCID: 0000-0002-2363-6779.

⁵ Кузин Дмитрий Владимирович — д.э.н., и.о. зав. кафедрой управления организацией, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: dvkuzin@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-5223-0719.

⁶ Никишина Елена Николаевна — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: elena.nickishina@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1327-1048.

⁷ Мерекина Елена Владимировна — к.э.н., ассистент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: elena.bulakhova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9866-0856.

⁸ Маркова Ольга Анатольевна — ассистент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; м.н.с., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: markova-oa@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-3512-6282.

⁹ Филиппова Ирина Николаевна — н.с., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: infilippova@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0002-8506-1595.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАЧЕСТВЕ И ФОРМАТАХ ВКР НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Статья представляет собой первую публикацию из серии, в которой будут отражены исследовательские результаты проекта Учебно-методической комиссии ЭФ МГУ «Диагностика качества ВКР бакалавриата ЭФ МГУ».

Авторы провели общую оценку качества и разработали типологию основных форматов выпускных квалификационных работ в бакалавриате Экономического факультета МГУ. Анализ качества использует специально разработанную методологию, построенную на принципах позитивной экономической теории. Ее применение позволило показать объективные характеристики массива выпускных работ по таким параметрам, как качество аналитического обзора литературы, постановка исследовательского вопроса, применение методов исследования и содержательная интерпретация результатов. Предложены меры по усилению аналитического фокуса ВКР, включая подготовку обоснования темы, чтение курсов по выбору по методам экономических исследований и организация научных семинаров для студентов бакалавриата.

В статье представлена типология форматов работ, которые готовятся по направлению Экономика и Менеджмент. Позитивный анализ позволил выделить шесть основных форматов ВКР, которые могут быть сведены к трем укрупненным: академическому, проектно-исследовательскому и проектному. Сравнительный анализ форматов ВКР по направлениям Экономика и Менеджмент позволил сделать вывод о возможности сохранения общих критериев оценивания и принципов подготовки ВКР для различных направлений подготовки. Сделан также вывод о применимости разнообразных аналитических методов для получения исследовательского результата.

Ключевые слова: выпускные квалификационные работы по экономике и менеджменту; цели и задачи исследовательских работ; количественные методы экономических исследований.

Цитировать статью: Марков, А. Р., Павлова, Н. С., Калмыкова, Н. М., Шахова, М. С., Кузин, Д. В., Никишина, Е. Н., Мерекина, Е. В., Маркова, О. А., & Филиппова, И. Н. (2022). Новые данные о качестве и форматах ВКР на экономическом факультете МГУ. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (2), 222–247. <https://doi.org/10.38050/013001052022211>.

A. R. Markov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. S. Pavlova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. M. Kalmykova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

M. S. Shakhova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

D. V. Kuzin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. N. Nikishina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E. V. Merekina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

O. A. Markova

Lomonosov Moscow State University / RANEPA (Moscow, Russia)

I. N. Filippova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A22

NEW FACTS ON ACADEMIC QUALITY AND FORMATS OF ECONOMIC FACULTY FINAL PAPERS

This is the first publication in a series of the three papers that present the research findings of the diagnostic project on the quality of Bachelors' final papers initiated by the Faculty of Economics Pedagogical committee in 2021. We present the findings of academic quality analysis and the typology of the main formats of Bachelors' final papers. The research is based on a methodology that is specially developed along the lines of positive economics approach. Its application allows us to demonstrate the qualitative features of the body of final papers prepared by our graduates which include inter alia quality of literature review, research statement, tools of analysis and interpretation of findings. We offer the steps for further strengthening the analytical quality of final papers, including early submission of research hypothesis, elective courses on the methods of academic research and research seminars for undergraduates. We also present a typology of formats for final papers covering Economics and Management streams of study. Based on our positive analysis, we have identified six primary formats of Bachelors' final papers, which can be combined into three more general categories: academic, project and research, and applied project formats. A comparative analysis of formats in economics and management papers confirms the applicability of common criteria for evaluating and grading the papers, alongside common guidelines for final paper preparation. The study proves the viability of diverse analytical methods while preparing final papers in both streams of study.

Keywords: Bachelors' final papers, Economics and Management; research aims and objectives; quantitative methods in economic research.

To cite this document: Markov, A. R., Pavlova, N. S., Kalmykova, N. M., Shakhova, M. S., Kuzin, D. V., Nikishina, E. N., Merekina, E. V., Markova, O. A., & Filippova, I. N. (2022). New facts on academic quality and formats of Economic Faculty Final Papers. *Moscow University Economic Bulletin*, (2), 222–247. <https://doi.org/10.38050/013001052022211>.

Введение

Подготовка и защита выпускных квалификационных работ (далее — ВКР) представляют собой важный элемент подготовки студентов-бакалавров. С одной стороны, сама защита — это аттестация и оценка полученных знаний и компетенций по выбранному направлению подготовки. С другой стороны, во время написания ВКР продолжается формирование знаний и компетенций будущего выпускника, с фокусом на проведение исследовательской работы.

Работа экономического факультета по подготовке и защите ВКР организуется в соответствии с Положением о защите выпускных квалификационных работах на программе бакалавра экономического факультета МГУ (далее — Положение о ВКР)¹, которое было утверждено в декабре 2019 г. после проведения серьезной аналитической работы, обсуждений на Педагогических чтениях и Ученом совете. В центре этих обсуждений были вопросы оценивания ВКР, соблюдения стандартов академической этики, порядка и процедуры формирования комиссий по защитах ВКР. По итогам этой работы сформировалась практика централизованного формирования межкафедральных экзаменационных комиссий, изменились показатели дифференциации итоговых оценок ВКР.

Ежегодно на факультете защищается до 350 выпускных работ по направлениям «Экономика» и «Менеджмент». В 2021 г. на экономическом факультете были подготовлены 362 ВКР (355 из них были защищены). Защита работ осуществлялась на 6 экзаменационных комиссиях; из 112 членов комиссий примерно половина (57 человек) были приглашенными специалистами, не являвшимися сотрудниками факультета. К рецензированию были привлечены 296 преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Распределение оценок на направлениях «Экономика» и «Менеджмент» представлено на рис. 1.

¹ <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=62780&p=attachment>

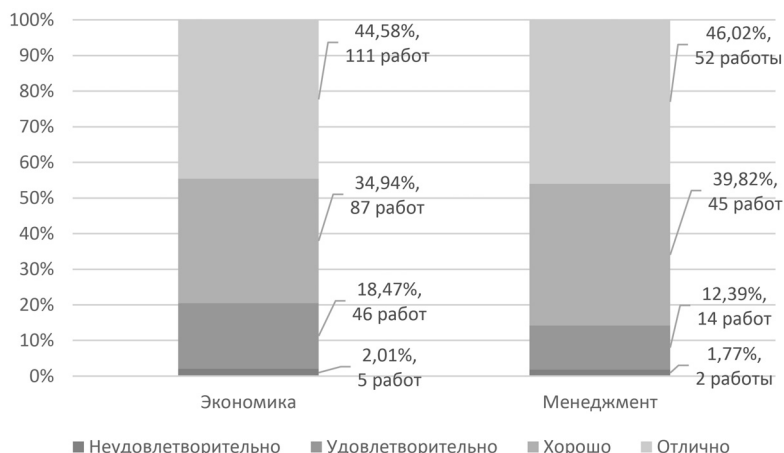

Рис. 1. Распределение работ, защищенных в 2021 г., по оценкам
(доля в общем числе работ направления и число работ)

Источник: составлено авторами

Мотивация и цель исследования

В 2021 г. Ученый совет факультета поручил Учебно-методической комиссии (далее — УМК) проанализировать состояние дел в области подготовки и защиты ВКР в бакалавриате. Была сформирована рабочая группа УМК, которая в июле 2021 г. определила направления работы, масштабы и методологию проведения исследования¹. Экспертная группа рассматривала два блока вопросов. Во-первых, это оценка того, что представляют собой современные ВКР на ЭФ, и в какой степени защищаемые работы соответствуют общему требованию к ВКР как к «самостоятельному научному исследованию» (формулировка Положения о ВКР). В этом контексте была проанализирована типология защищаемых работ, вопросы выбора тем ВКР, формы работы кафедр и научных руководителей с дипломниками. Во-вторых, в рамках проекта рассматривался широкий перечень вопросов организации, рецензирования и защиты ВКР, а также их оценивания.

Оценка качественных параметров совокупности аналитических работ представляет собой сложную исследовательскую задачу. В данной статье будет дано общее описание выработанной методологии, на основе которой проводилась диагностика, и приведены основные выводы из анализа качества и уровня выпускных работ. Смежная проблема типологии за-

¹ Авторы благодарят участников экспертной группы д.э.н. Ф. С. Картаева и К. Ю. Тиммербулатову за помощь в анализе ВКР по макроэкономике.

щищаемых работ по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» будет также освещена в данной статье

Помимо результатов диагностики, мы также представим некоторые предложения в области организации учебного процесса, которые должны будут помочь в дальнейшем повышении качества ВКР.

Результаты, полученные по итогам анализа подготовки и защиты работ, наряду с обсуждением тематики выпускных работ по направлению «Менеджмент», мы планируем представить в отдельных статьях.

Данная статья — не попытка создать инструкцию по написанию ВКР. Библиография работ, содержащих различные рекомендации по написанию исследовательских текстов, обширна и включает советы по подготовке дипломных исследований (Эко, 2003), диссертаций (Волков, 2017; Райзберг, 2010; Алескеров, 2013; Cochrane, 2005), в целом научных текстов (Радаев, 2011; Бут и др., 2007; Смирнов, 2015, Панарин (ред.), 2012; Zerubavel, 1999; Becker, 2007; Jalongo, Saracho, 2016, Baglione 2008) и др. Эти работы опубликованы как в академических, так и в научно-популярных источниках; они адресованы и студентам, и исследователям с большим опытом. Мы перечислили лишь некоторые работы по данной тематике, хотя их круг гораздо шире; кроме того, сами высшие учебные заведения также создают инструкции и методические документы в помощь своим студентам и сотрудникам. В ряде работ также обсуждаются количественные оценки факторов, которые вносят наибольший вклад в успешное написание ВКР бакалавра (Shao et al., 2020). В отличие от приведенной литературы задача нашей работы — не формулировать образ некоторой «идеальной» (или хотя бы достаточно хорошей) ВКР, а представить методологию диагностического анализа тех ВКР, которые студенты де-факто пишут и защищают: каковы их сильные и слабые стороны, какие типы ВКР распространены на сегодняшний день. Насколько нам известно, задача подобного позитивного анализа ВКР по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» ранее не ставилась исследователями.

Изначально анализ был заточен на выработку рекомендаций по улучшению системы подготовки и защиты ВКР на экономическом факультете МГУ. Полученные в итоге рекомендации отражают специфику той организации, на примере которой проводился анализ, и имеют в основном прикладную ценность. Вместе с тем мы считаем, что в проекте были разработаны и апробированы инновационные подходы к анализу, которые, на наш взгляд, могут оказаться интересны более широкому кругу специалистов, и именно они находятся в фокусе данной статьи.

Общие подходы к проведению исследования

При обсуждении оценки качества ВКР экспертная группа столкнулась с необходимостью пройти несколько смысловых развилок для того, чтобы сформулировать подходы к исследованию.

1) Должен ли анализ быть нормативным или позитивным?

Здесь представлялись возможными два пути. Одним вариантом был поиск проблемных мест и выработка рекомендаций исходя из представлений о некоторой «совершенной» ВКР, точнее, о ВКР высокого уровня, к которой у профессиональных исследователей нет не только претензий, но и сомнений в корректности формулировок проблем, целей и задач; выбора методов и качества их применения; новизны и значимости результатов и т.д. Содержательный анализ массива защищаемых работ в этом случае должен был бы фокусироваться на отклонениях содержания реальных работ от искомого идеального (нормативного) образа.

Второй вариант — анализ того, как на сегодняшний день выглядит весь массив реальных работ, которые получают на защите оценку «отлично», «хорошо», «удовлетворительно». В этом случае можно выделить признаки, которые говорили бы нам о существовании проблем в системе подготовки выпускных работ или их оценивания (входили в противоречие с официальными критериями). Например, нет ли доминирования исключительно дескриптивных (реферативных) работ, которые, тем не менее, получают оценку «отлично»; нет ли наличия какого-то одного метода исследования, без которого работа не может рассчитывать на высокую положительную оценку, и т.д.

В итоге был выбран курс на позитивный анализ, основанный на принципе доверия оценкам, которые выставляют аттестационные комиссии. Эксперты исключили для себя возможность какой-либо переоценки работ, которые прошли защиту в рамках государственной итоговой аттестации (далее — ГИА), и сосредоточились на диагностической задаче: обрисовать реальную картину того, какие работы на сегодняшний день защищаются на факультете. В то же время и нормативные вопросы нашли место в проведении позитивной диагностики. В частности, оценка общего уровня качества, сильных и слабых сторон ВКР неизбежно производилась на основе некоторых нормативных принципов (образа «идеальной» выпускной работы), поскольку подразумевала в том числе выявление точек роста и для работ, которые получили оценку «отлично».

2) Обеспечивать в первую очередь «глубину» или «широту» анализа?

Выбирая между глубоким погружением в отдельные примеры удавшихся и неудавшихся ВКР и широким анализом, позволяющим оценить всю картину ВКР бакалавриата, а также между глубокой проработкой небольшого количества вопросов и комплексной оценкой по широкому числу параметров, но без глубокого погружения в детали каждой работы, было принято решение постараться получить максимально широкую картину. В целях обеспечения широкой, комплексной оценки экспертной группой было принято решение анализировать ВКР, а также процедуру их защиты и оценивания сразу по нескольким направлениям, каждое из которых стало отдельной задачей исследования:

- общая оценка качества ВКР по отдельным направлениям (макроэкономика, микроэкономика и отраслевые рынки, финансы и т.д.), выявление типичных недостатков и сильных сторон;
- классификация моделей/форматов ВКР по направлениям «Экономика» и «Менеджмент»;
- соответствие утвержденных тем ВКР направлениям подготовки выпускников;
- оценка владения методами количественного и качественного анализа в ВКР;
- выявление лучших практик работы кафедр и научных руководителей со студентами;
- оценка качества обзоров литературы и оформления работ.

Фактически каждое из направлений потребовало реализации отдельного исследовательского проекта. Часть перечисленных задач будут обсуждаться в рамках настоящей статьи, другие найдут отражение в будущих публикациях.

3) Количественный или качественный анализ?

На экономическом факультете МГУ многократно предпринимались попытки качественного анализа ВКР, которые принесли свои плоды и на основе которых проводились реформы, сформировавшие существующую на сегодняшний день систему. Однако полномасштабный количественный анализ системы защиты ВКР до недавнего времени не проводился, в связи с чем было принято решение использовать количественный анализ как основу исследования, а качественный анализ применять в дополнение к нему.

В итоге были созданы две базы для количественного исследования. Первая база формировалась несколькими экспертами, каждый из которых читал выборочно или целиком работы по своей предметной области. Эксперт заполнял вопросник, отражающий широкий набор аспектов работы, оценка каждого из которых, тем не менее, не требовала глубокого погружения. За счет этого каждый эксперт имел возможность проанализировать большее количество работ, а благодаря сравнительной простоте оценки каждого критерия удалось обеспечить объективность и сопоставимость оценок разных экспертов (подробнее о вопроснике см. ниже). Вторая база формировалась вокруг узкого набора вопросов по итогам сплошного чтения ВКР по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» в целях выявления типичных форматов работ. Результаты этого анализа представлены в разделе 4 настоящей статьи.

Результаты, отраженные в данной статье, представляют собой первую известную нам попытку комплексного, «широкого», позитивного исследования системы защиты ВКР бакалавров по экономике и менеджменту, основанного на сочетании количественного и качественного анализа.

Общий уровень качества ВКР

Основным ориентиром в подходе к пониманию качества ВКР, которые использовала рабочая группа, были положения и критерии оценивания, сформулированные в Положении о ВКР. В Положении сделан упор на «аналитичности» ВКР, которая выражается в наличии ясно сформулированного исследовательского вопроса, логики и структуры изложения, степени обоснованности выводов и соответствия работы методологическим требованиям к исследованиям в области экономических наук. Особое значение в этом контексте имеет наличие аналитического обзора литературы, который должен продемонстрировать понимание современного состояния научного знания по изучаемому вопросу, показать, что является аналитическим основанием ВКР (на какие выводы предшествующих исследований она опирается) и в чем будет состоять приращение научного знания данного исследования. Положение о ВКР также формулирует в качестве критерия отличной работы тезис о наличии научной новизны (10-балльные работы) или ее элементов (9-балльные работы). Несмотря на то, что эти требования являются высокими, они не мешают получить студенту оценку отлично (8-балльные работы)¹, но в то же время задают планку и стандарт, к которому могут стремиться наиболее сильные студенты.

Методология исследования качества ВКР

Исходной точкой работы над анализом массива ВКР было создание вопросника, на основе которого можно было бы единообразно оценить параметра качества всех рассматриваемых работ. Его содержание отражает видение ВКР как аналитического продукта, и в этом отношении носит нормативный характер. Экспертная группа уделила значительное внимание вопросам исследовательского фокуса ВКР (цель, задачи ВКР, формулировка основного исследовательского вопроса), качеству использованной литературы и наличию аналитического обзора литературы, используемым методам исследования (качественные, количественные). Несколько вопросов было посвящено использованию данных, методам сбора и способам их обработки. Отдельный блок вопросов посвящен результатам исследования и их интерпретации².

Все работы были распределены для чтения членам экспертной группы, и по итогам прочтения была сформирована общая информационно-ана-

¹ В соответствии с положением 8 баллов ставится за работы, показывающие способность автора ставить и решать исследовательские задачи, соотносить свои результаты с другими результатами, отраженными в современной научной литературе, использующие адекватные исследовательские методы для уровня бакалавриата экономического факультета МГУ и/или более сложные методы.

² Перечень всех вопросов приведен в приложении.

литическая база, которая стала основой для содержательного анализа массива ВКР. В общей сложности вопросник заполнен по 157 ВКР, защищенных в 2021 г. («Экономика» — 88, «Менеджмент» — 69)¹. На основе этой базы данных проведен количественный и качественный анализ различных аспектов содержания и структуры ВКР.

Содержание и аналитический фокус ВКР

Все эксперты, имевшие предшествующий опыт анализа ВКР и участия в защитах, отметили рост аналитичности и владения количественными методами по сравнению с ситуацией пять-шесть лет назад. Появились выпускные исследовательские работы, результаты которых опубликованы или которые могут быть опубликованы в хороших журналах. Если *n* лет назад опора на учебники в ВКР считалась нормальной практикой, то в настоящее время это уже не соответствует «стандарту» ВКР.

В то же время анализ сформированной базы данных показал, что повышение уровня качества работ далеко от завершения, и многие студенты продолжают испытывать сложности с использованием стандартных элементов научного исследования:

- Не все студенты формулируют **исследовательский вопрос** и ставят исследовательские задачи (так, как минимум в 30% работ цель звучит скорее описательно и сформулирована в терминах процесса, а не аналитического результата).
- **Аналитический обзор литературы**, структурированный по темам и проблемам, присутствует лишь в 42% работ. В остальных случаях обзор либо подменяется рефератом из аннотаций статей, либо отсутствует (подменяется описанием ситуации). Встречается неудовлетворительный выбор литературы для обзоров (старые публикации, учебники, справочники). Довольно часто студенты не позиционируют свою работу относительно других работ.
- Отдельные части работы, даже связанные по смыслу, не направлены на решение **исследовательской / управленческой проблемы**. В 54% работ автор должным образом не обосновывает постановку гипотез или управленческую проблему; в 18% работ исследовательские гипотезы в принципе не сформулированы, хотя характер работы этого требует. Обширность вводных глав ВКР (автор начинает «слишком издалека») приводит к тому, что для собственного исследования не остается места, в ряде работ оно и не планируется.

¹ Процедура формирования выборки работ предполагала отбор всех ВКР, получивших на защите оценку «неудовлетворительно» и «удовлетворительно», а также квотированный по кафедральному принципу случайный отбор каждой третьей работы, получившей оценку «хорошо» или «отлично». Построенная выборка позволяет увидеть общие и кафедральные специфические особенности ВКР, защищаемых на экономическом факультете МГУ.

- Студенты не всегда демонстрируют связь своей темы с **проблемным полем предметов, изучаемых на ЭФ**, как в части теорий, так и в части общеметодологических подходов.
- В ряде работ после описания результатов отсутствует их **содержательная интерпретация** и сравнение с другими работами (дискуссия). Так, в 53% работ автор не соотносит полученные результаты с теорией и/или другими исследованиями.

Зачастую недостаточный аналитический фокус работы заложен уже в формулировке темы. Распространенное мнение о том, что широко сформулированная тема позволит на каком-то этапе получить интересный результат, как правило не находит подтверждения. Мы видим, что если изначально отсутствует четкое понимания исследовательской проблемы, то оно имеет немного шансов появиться по ходу работы. В качестве иллюстрации мы приводим наиболее часто встречающиеся в студенческих работах примеры неправильной постановки исследовательского вопроса:

- 1) Использование слова «проблема» вместо содержательной формулировки проблемы, о которой идет речь, например, «Проблема государственного долга в современной экономике», «Проблема развития коммерческих банков в России» и др.;
- 2) Констатация наличия явления («Дифференциация социально-экономического развития регионов России»);
- 3) Обоснование важности темы просто самим фактом ее недостаточной изученности без объяснения того, в чем же состоит ее актуальность;
- 4) Обоснование темы самим фактом ее социальной значимости («Бедность в современном мире») и обещание найти решение;
- 5) Решение насущной прикладной проблемы одного отдельно взятого субъекта экономической деятельности (например, убыточность фирмы или бедность в регионе);
- 6) Попытка написать обширную главу учебника («Инфляция: природа и причины», «Слияния и поглощения в России»).

Этот список может быть продолжен. По нашему мнению, основная причина аналитической слабости работ состоит в том, что студенты пропускают важный подготовительный этап в написании работы: знакомство с основными публикациями, поиск информационной базы по предлагаемой теме и формулировка первой версии исследовательской проблемы.

Направления работы по улучшению аналитического фокуса ВКР

Формирование компетенций и навыков исследовательской и аналитической работы в процессе освоения основной учебной программы ЭФ. Исследовательские и аналитические компетенции являются важным элементом процесса обучения как по направлению «Экономика», так и по направле-

нию «Менеджмент». Формирование этих компетенций происходит в процессе освоения основной программы. Общеэкономические и управленческие дисциплины формируют у студентов понимание актуальных вопросов и вызовов современной исследовательской повестки в области экономики и менеджмента. Здесь важна реалистичность и релевантность этих вопросов, знание методологических оснований для их изучения, а также понимание спектра методов качественного и количественного исследования. Дисциплины общегуманитарного цикла готовят студентов к пониманию междисциплинарного характера исследований в области экономики и менеджмента. Инструментальные дисциплины готовят студентов к применению количественных методов, в том числе формируют понимание значимости качественного анализа и формирования исследовательской гипотезы, которая проверяется количественными методами. Курсы профилизации позволяют улучшить понимание исследовательской повестки по более узким вопросам теории, экономической политики и бизнес-практики, понять применимость различных методов исследования.

Встраивание вопросов исследовательской программы в регулярные учебные курсы требует некоторой корректировки их содержания и расширения использования таких методов преподавания, как групповая проектная работа, подготовка письменных эссе и рефератов.

Важную роль в формировании исследовательских навыков и компетенций должны играть специальные дисциплины (по выбору), которые знакомят студентов с требованиями к исследовательским работам, включают разбор примеров удачных и неудачных ВКР.

Особую роль играет обеспечение студентов практичными методическими материалами (методическое пособие «Как написать хорошую выпускную работу»).

Активизация работы научных руководителей и кафедр со студентами с фокусом на аналитическую составляющую ВКР. Рабочая группа познакомилась с опытом организации работы научных руководителей и кафедр со студентами в процессе написания ВКР. Часть кафедр публикует для студентов уже сформулированные темы ВКР, тогда как другие подразделения предлагают студентам сформулировать тему ВКР в диалоге с научным руководителем. В этом случае исходной точкой является довольно широкая формулировка тематики исследований, которыми занимаются отдельные преподаватели. Второй из подходов стимулирует раннее обсуждение преподавателем и студентом возможной темы ВКР, и кажется предпочтительным.

Большая результативность такого обсуждения может быть получена если его предметом будет подготовка краткого обоснования темы ВКР, на основе которого кафедра и затем учебный блок деканата могут утверждать тему ВКР. В этом обосновании должны быть три пункта: (а) первая версия формулировки исследовательского вопроса; (б) перечень несколь-

ких основных статей по теме; (в) характеристика наличия данных для эмпирического исследования.

Активизация научной работы студентов. На факультете существуют интересные практики вовлечения в научную работу студентов с целью подготовки ими ВКР. Например, на кафедре ММАЭ, благодаря энтузиазму группы преподавателей, больше 20 лет работает научный семинар «Макроэкономические исследования»¹. Это уникальный проект, объединяющий студентов (со 2-го курса бакалавриата), магистрантов, аспирантов и преподавателей в научно-образовательное сообщество. Ряд кафедр и инициативных преподавателей приглашают студентов в научные кружки, где обсуждаются процесс и результаты научных исследований, проводятся консультации и предзащиты с участием выпускников-практиков.

На наш взгляд, целесообразно распространить такой опыт взаимодействия со студентами на весь факультет. Регулярные встречи и научные дискуссии, с одной стороны, мотивируют студентов к исследовательской работе, с другой, помогают планировать ее процесс и контролировать реализацию. Вовлечение в научную деятельность следует начинать с 3-го курса бакалавриата путем проведения на постоянной основе кафедральных научных семинаров. На 4-м курсе процесс подготовки ВКР может быть разделен на этапы со сроками выполнения и обсуждения на семинарах: (1) подготовительный — выбор и утверждение темы ВКР, подбор и систематизация источников, определение цели и задач, стратегии эмпирического исследования; (2) основной — написание текста ВКР; (3) заключительный — предзащита.

Форматы ВКР

Методология исследования форматов ВКР

Для выявления моделей ВКР, как уже отмечалось, были полностью просмотрены все работы, защищенные в 2021 г. Были разработаны две классификации², первая из которых базировалась на первичном анализе работ по направлению «Экономика», вторая — работ по направлению «Менеджмент». Анализировались структура работ, характер поставленной проблемы, масштаб объекта исследования, подходы к самостоятельному исследованию, приемы аргументации собственной точки зрения. Впоследствии классификации были сопоставлены и сделан вывод о соотношении выделенных моделей.

¹ Страница семинара: <https://www.econ.msu.ru/departments/mmae/mr/>

² В данном случае имеются в виду эмпирические классификации, категории которых изначально выявляются и формулируются на основе анализа объектов, их сходств и различий, а не выводятся из каких-либо теоретических принципов.

Помимо обобщающего осмысления современного состояния ВКР бакалавриата, экспертов интересовал и ряд прикладных вопросов:

- Правда ли, что высоко оцениваются только ВКР определенного формата, или среди высоко оцениваемых работ существует разнообразие форматов?
- Правда ли, что на направлениях «Экономика» и «Менеджмент» защищаются работы разных форматов, следовательно, должны быть дифференцированные критерии оценки?
- Правда ли, что высоко оцениваются только ВКР с применением определенных методов?

Классификация работ по направлению «Экономика»

На основе анализа ВКР по направлению «Экономика» было выделено шесть основных форматов (моделей) работ.

«Классический» — знакомый студентам и научным руководителям формат. Как правило, в такой работе три (но не обязательно) логические части, где первая содержит вопросы теории, связанной с поставленной проблемой, или проясняет понятийный аппарат исследования; во второй главе описаны подходы к эмпирическому анализу изучаемого явления; в третьей приведены собственное исследование и обсуждение его результатов.

«Эмпирический» формат схож с классическим, однако выделен нами в отдельный тип работ в связи с тем, что в данном формате проблема, которая ставится и изучается, либо касается выявления эмпирических взаимосвязей, которые могут не иметь под собой развернутого теоретического обоснования или в принципе не предсказываются ни одной существующей на сегодняшний момент теорией, либо, напротив, объясняются теорией довольно прямолинейно, в связи с чем интерес представляет именно эмпирическая оценка (примеры: определение основных факторов, от которых зависит цена на рынке, и их вклада в конечную цену; оценка величины сетевого эффекта и др.). По структуре работы данного типа, как правило, отличаются от «классического» формата тем, что теоретический обзор в них — гораздо более сжатый, в фокусе обзорной части находятся в первую очередь различные способы эмпирической оценки, на основании которых строится собственное исследование студента.

«Методологический» формат также похож на «классический», однако главное его отличие в том, что вместо анализа авторских способов оценки того или иного явления, студент погружается в анализ тонкостей методик, применяемых в различных странах или различными организациями. Такой формат встречается, например, в работах по бухгалтерскому учету или по статистике.

«Отраслевой» формат, как правило, содержит обзорную часть, посвященную некоторому понятию, явлению или теории; часть, в которой

проводится анализ рынка или отрасли; собственное исследование в рамках выбранного рынка или отрасли. Данный формат может иметь и иную структуру, однако анализ рынка или отрасли выступает обязательным элементом.

Формат *«Бизнес-кейс»*, на первый взгляд, в большей степени характерен для работ по направлению «Менеджмент», но встречается и на «Экономике». В рамках данного формата имеет место анализ бизнеса конкретной организации, решение конкретной бизнес-задачи. При этом результаты исследования впоследствии могут распространяться на всю отрасль, а могут и не распространяться.

Еще один сформировавшийся формат — *«Обобщение опыта»*, причем анализ в таких работах может касаться как международной, так и российской экономической и бизнес-практики. В таком формате систематизация международного и/или российского опыта составляет значительную часть ВКР, и сформулированные рекомендации или сама идея исследования выведены из проведенного анализа опыта.

Наконец, нужно сделать оговорку, что выделенные форматы — всего лишь основные модели, которые представлены в защищаемых ВКР. Данная классификация не претендует на охват всей совокупности ВКР (всегда будет оставаться категория «Иное» с работами менее распространенных или даже уникальных форматов), и, кроме того, не всегда работа соответствует лишь одному из перечисленных форматов в чистом виде — часто работы находятся на стыке форматов.

Классификация работ по направлению «Менеджмент»

На основе анализа ВКР по направлению «Менеджмент» были выделены три основных формата работ.

Академический формат — исследование теоретического и эмпирического характера, осуществляемое в целях получения новых знаний о трендах, структуре, свойствах и закономерностях изучаемого объекта (явления и/или процесса). Предполагает:

- 1) Оригинальный критический взгляд на выбранную проблематику и отражение широкого спектра литературы по рассматриваемому вопросу.
- 2) Теоретическое осмысление качественно новых явлений и тенденций развития управления, выявление факторов и причин развития систем управления и взглядов на управление (в том числе эмпирическое исследование с использованием статистических методов и математических моделей).
- 3) Четкое определение места предлагаемых подходов, теорий и гипотез в «системе координат» имеющейся литературы по изучаемым вопросам.

- 4) Четко сформулированную теоретическую задачу и описание методологии и техники ее решения.
- 5) Исследование применения в российском и международном бизнесе тех или иных концепций современного менеджмента.

Проектно-исследовательский формат подразумевает анализ и разработку решения прикладной проблемы. Предполагает:

- 1) Постановку управленческой проблемы на основе изучения современных исследований (прежде всего статей и аналитических материалов) в конкретной области менеджмента;
- 2) Описание и систематизацию характеристик среды и трендов, отрасли, конкуренции, конкурентной ситуации и конкурентных стратегий в какой-либо отрасли, опыта функционирования реально существующих компаний;
- 3) Четкое изложение методики/методологии исследования;
- 4) Описание разработанного целостного или частичного проекта возможных мероприятий (рекомендаций, по необходимости), проведение релевантного анкетирования и опросов (по необходимости), обоснование целесообразного набора рекомендаций (по необходимости), методик или инструментария для различных областей менеджмента; и, в некоторых случаях, анализ конкурентной ситуации.

Проектный формат подразумевает разработку прикладной проблемы (в том числе и междисциплинарной). Предполагает:

- 1) Краткое обобщение современных исследований в данной области;
- 2) Сопоставление существующих практик (аналогичных проектов);
- 3) Ясное изложение управленческой проблемы и задачи, обоснование оригинальности проекта, его возможного практического применения;
- 4) Получение предметного результата — обоснование стратегии развития объекта, разработка бизнес-плана проекта, демонстрация его реального (или возможного) внедрения и описание реальных (или возможных) результатов внедрения.

Соотношение классификаций

Приведенные классификации по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Основное различие кроется главным образом в расстановке акцентов: для «Экономики» важным аспектом классификации были характеристики структуры работы, которые вытекали из особенностей постановки исследовательского вопроса (в явном или неявном виде), в то время как для «Менеджмента» акцент в классификации сделан на соотношении теоретических и прикладных аспектов. Более пристальный анализ показал, что форматы

«Классика» и «Эмпирический», выделенные на примере работ по «Экономике», по своему содержанию и свойствам довольно схожи с «Академическим» форматом, выделенным на основе работ по «Менеджменту». «Проектно-исследовательский» формат фактически служит объединяющей характеристикой для большинства «Методологических» и «Отраслевых» работ, а также работ по «Обобщению опыта». Наконец, «Прикладной» формат также характерен и для работ по направлению «Экономика», включая часть «Отраслевых» работ (это прежде всего работы, где на примере отдельных предприятий анализируются особенности отрасли), а также работы формата «Бизнес-кейс». Таким образом, мы делаем вывод о принадлежности работ по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» единому полю форматов.

Некоторые работы находятся «на стыке» форматов и могут быть отнесены сразу к нескольким категориям (рис. 2). Приведенный выше пример работы, в которой сначала раскрываются некоторые отраслевые особенности, затем анализируется ситуация конкретного предприятия (или нескольких), и в результате предлагается интерпретация полученных для предприятия выводов в масштабе всей отрасли, иллюстрирует пересечение «Отраслевого» формата и формата «Бизнес-кейса», а также пересечение «Проектно-исследовательского» и «Проектного» форматов.

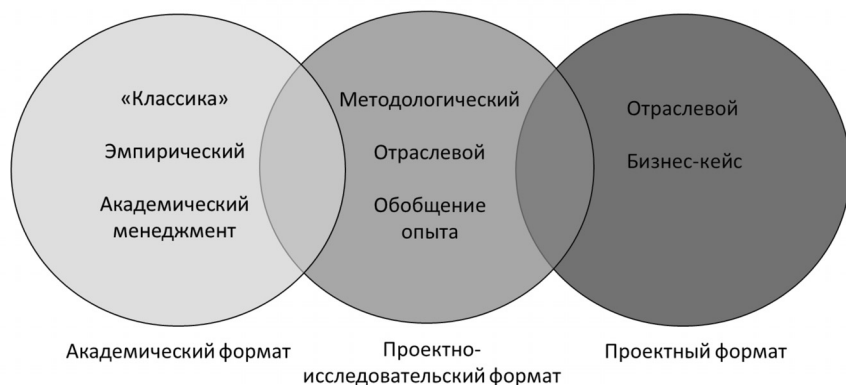

Рис. 2. Соотношение двух классификаций форматов ВКР
Источник: составлено авторами.

Распределение работ по форматам

Для анализа форматов были проанализированы только работы, получившие оценку «Отлично» и «Хорошо», как более целостные и выверенные. Распределение работ по форматам представлено на рис. 3.

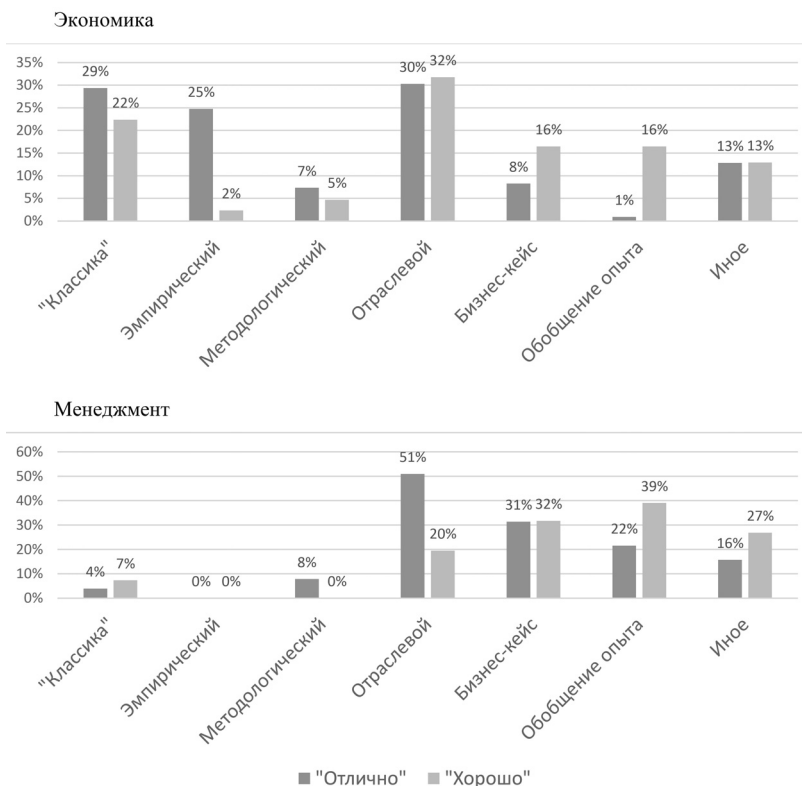

Рис. 3. Распределение работ на «Отлично» и «Хорошо» по форматам ВКР на двух направлениях

Примечания:

1) На рисунке представлены доли от общего количества работ, получивших соответствующую оценку («Отлично» или «Хорошо»), приходящиеся на каждый формат. Сумма долей по каждой оценке не составляет 100%, поскольку некоторые работы находятся на стыке форматов.

2) Число работ на направлении «Экономика» с оценкой «Отлично» — 111, «Хорошо» — 87; на направлении «Менеджмент» с оценкой «Отлично» — 52, «Хорошо» — 45.

Источник: составлено авторами.

Полученные оценки распределения работ по форматам позволяют сделать сразу несколько важных выводов.

Во-первых, среди сильных работ и на направлении «Экономика», и на направлении «Менеджмент» присутствует разнообразие форматов. Отвечая на первый из трех прикладных вопросов, сформулированных в начале раздела 4, мы можем утверждать, что нет форматов, которые бы гарантировали — или исключали — оценку «отлично». Вместе с тем некоторые особенности преобладания тех или иных форматов имеют со-

держательный смысл. Так, в «отличных» работах на «Экономике» существенна доля «Эмпирического» формата, т.е. авторы значительной части сильных работ фокусировались именно на выявлении эмпирических зависимостей. На наш взгляд, данное явление отражает усиление «эмпирического поворота» в экономической науке (Либман, 2007; Hamermesh, 2013). При этом формат «Обобщение опыта», как правило (но не всегда!), оказывается сложным для демонстрации именно «отличных» знаний и навыков. Можно предположить, что в таком формате студентам оказывается сложно продемонстрировать новизну собственного исследования.

Во-вторых, отвечая на второй прикладной вопрос, мы можем сделать вывод, что студенты направлений «Экономика» и «Менеджмент» при написании ВКР оперируют в едином поле форматов, хотя у каждого направления есть определенные особенности. Так, в настоящее время выполняется довольно мало работ в духе «Академического» менеджмента (мало работ в формате «Классика» и отсутствуют работы в формате «Эмпирический») — в отличие от направления «Экономика», где эти форматы популярны. Формат «Бизнес-кейс», напротив, более характерен для работ на направлении «Менеджмент». Это видно в том числе по оценкам за него на направлении «Экономика»: среди отличных работ у студентов-экономистов этот формат встречается крайне редко, вероятно потому, что в нем сложно продемонстрировать высокий уровень именно экономической квалификации (в противоположность управленческой).

Аналитические методы, используемые в ВКР

Еще один аспект дифференциации форматов работ — применяемые студентами аналитические методы. Результаты предварительного анализа применения методов приведены на рис. 4 (в планах рабочей группы — углубленное изучение применения количественных и качественных методов, результаты которого мы надеемся представить в будущих статьях).

Таким образом, анализ распределения работ по используемым методам позволяет нам ответить на третий из прикладных вопросов исследования: нет какого-то одного метода, который был бы обязательным для получения оценки «отлично» или гарантировал бы такую оценку. Обзор оценок, выставленных за ВКР с различными методами исследования, подтверждают вывод, который подсказывает логика: любой применяемый аналитический метод должен соответствовать поставленной задаче, и любой метод необходимо корректно применять. Вместе с тем мы действительно наблюдаем, что в сильных работах направления «Экономика» студенты предпочитали применять регрессионный анализ, что свидетельствует в том числе о высоком уровне подготовки по эконометрике на факультете. В то же время есть и методы, которые заведомо оказываются менее выигрышными. В категорию «Дескриптивная статистика» на рис. 4 включены работы,

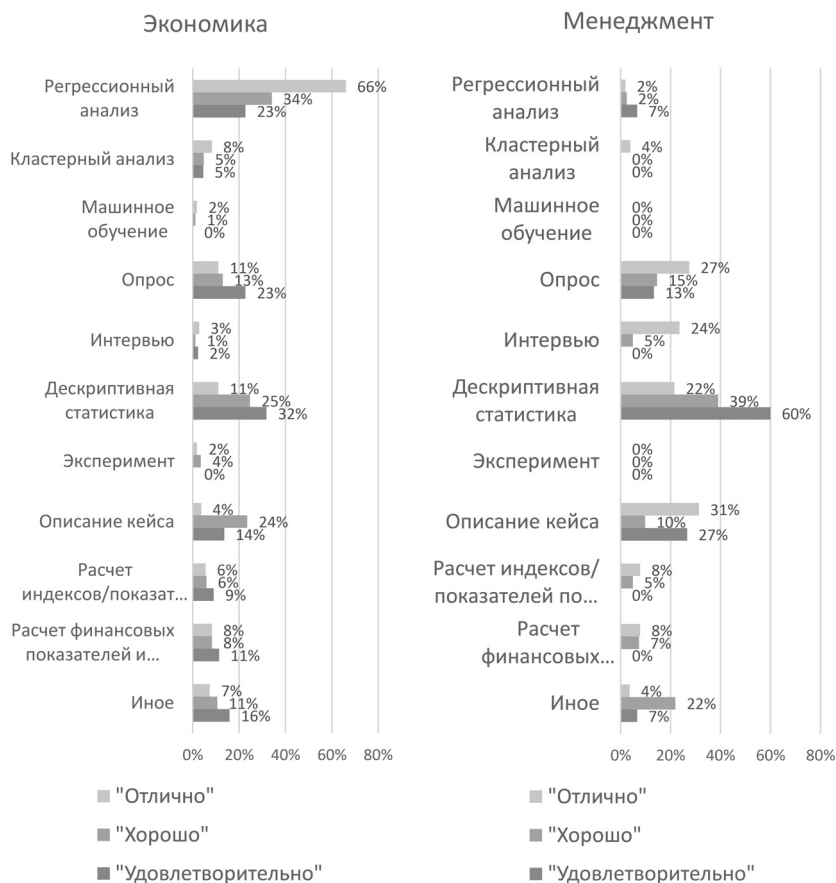

Рис. 4. Распределение ВКР по методам, применяемым в рамках собственного исследования

Примечания:

1) На рисунке представлены доли от общего количества работ, получивших соответствующую оценку («Отлично», «Хорошо», «Удовлетворительно»), приходящиеся на каждый метод. Сумма долей по каждому методу не составляет 100%, поскольку некоторые работы находятся на стыке форматов.

2) Число работ на направлении «Экономика» с оценкой «Отлично» — 111, «Хорошо» — 87, «Удовлетворительно» — 46; на направлении «Менеджмент» с оценкой «Отлично» — 52, «Хорошо» — 45, «Удовлетворительно» — 14.

Источник: составлено авторами.

где для аргументации используются только ссылки на уже готовые статистические таблицы и показатели, собранные и рассчитанные другими авторами/организациями. Хотя в базе присутствуют и работы с дескрип-

тивной статистикой, оцененные на «отлично», это скорее редкость, которую можно объяснить в том числе спецификой темы и данных или использованием других релевантных методов. В целом применять только готовую статистику — не выигрышный подход для студента, из-за которого ему зачастую не удастся продемонстрировать высокий уровень аналитических навыков, владение эмпирическими методами, предусмотренными учебными планами, и наличие собственного оригинального вклада в разработку темы, необходимые, согласно положению о ВКР, для получения высокой оценки.

Данные, представленные на рис. 4, также иллюстрируют различия в освоении аналитических методов на двух направлениях подготовки. Регрессионный анализ является сравнительно непопулярным методом у студентов направления «Менеджмент», поскольку эконометрика в качестве специальной дисциплины не преподается этим студентам. При этом опросы, интервью и бизнес-кейсы весьма активно используются при написании ВКР студентами направления «Менеджмент». В то же время навыки проведения опросов на направлениях «Экономика» и «Менеджмент» явно нуждаются в совершенствовании. Описание кейса также представляется инструментом, который лучше освоен студентами направления «Менеджмент». С учетом приведенных выше данных о преобладающих форматах ВКР остается открытым вопрос о том, насколько и при каких условиях метод анализа бизнес-кейса является достаточным для подтверждения квалификации студентов на направлении «Менеджмент» и особенно — на направлении «Экономика». Этот вопрос будет предметом дополнительных обсуждений на факультете.

Заключение

Методологический подход, представленный в данной статье, стал результатом выбора в рамках трех основных развилок исследования. Результатом стало использование позитивного анализа, акцент на широту охвата, и использование количественных оценок. На этой основе получена общая картина качества ВКР, защищающихся на современном этапе по направлениям «Экономика» и «Менеджмент», выявлены проблемные точки и сформирована повестка дальнейшего обсуждения качества научных работ студентов факультета.

Анализ качества аналитики привел к выводу о том, что в процессе обучения необходимо усиливать акцент на навыках формулирования исследовательского вопроса, подготовки и структурирования аналитического обзора литературы, а также интерпретации и позиционирования собственных результатов на фоне уже существующих исследований. Некоторые организационно-методические меры, которые могут помочь в этом, будут в ближайшее время внедряться на факультете.

Разработанная «карта» форматов ВКР может быть полезна для студентов, которые пока не имеют представления о том, как может быть построена их дипломная исследовательская работа. Кроме того, понимание основных форматов ВКР будет использовано для подготовки методических рекомендаций для студентов.

Панорама применяемых аналитических методов также указывает на необходимость усилить подготовку по отдельным компетенциям. Вопрос количественных и качественных методов исследования в студенческих работах — следующий на очереди в плане более глубокой проработки экспертной группой, вместе с вопросами качества рецензирования и качества подбора литературы студентами. Мы надеемся представить результаты разработки данных вопросов в следующей публикации на страницах этого журнала.

Список литературы

Алескеров, Ф. (28 мая 2013) Как подготовить и написать диссертацию? *Постнаука*. 26.01.2022 <https://postnauka.ru/longreads/12747> (дата обращения: 26.01.2022).

Бут, У. К., Коломб, Г. Дж., Уильямс, Дж. М. (2007). *Исследование: шестнадцать уроков для начинающих авторов* / Пер. с англ. А. Станиславского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта : Наука, 360 с.

Волков, Ю. Г. (2017). *Диссертация: подготовка, защита, оформление: практическое пособие*, 6 -е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 218 с.

Либман, А. (2007). Современная экономическая теория: основные тенденции. *Вопросы экономики*, 3, 35–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-3-35-54>

Панарин, С. А. (ред.) (2012). *Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора: учебно-методическое пособие* / Н. А. Дидковская, В. И. Дятлов, Н. В. Липатова, С. А. Панарин. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 240 с.

Радаев, В. В. (2011). Как написать академический текст. *Вестник образования*, 1, 271–293.

Райзберг, Б. А. (2010). *Диссертация и ученая степень: Пособие для соискателей*, 9-е изд., доп. и испр. М.: ИНФРА-М, 240 с.

Смирнов, С. (2015). *Моя исследовательская работа. Как писать реферат, курсовую, ВКР и научную статью (а также цитировать и указывать источники)*. М. 60 с.

Эко, У. (2003). *Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: учебно-методическое пособие* / Пер. с ит. Е. Костюкович. М.: Книжный дом «Университет», 2 изд., 240 с.

Baglione, L. (2008). Doing Good and Doing Well: Teaching Research-Paper Writing by Unpacking the Paper. *Political Science and Politics*, 41 (3), 595–602.

Becker, H. S. (2020) *Writing for Social Scientists. How to Start and Finish Your Thesis, Book, or Article*. Third Edition. University of Chicago Press, 248 p.

Cochrane, J. H. (2005). *Writing Tips for Ph. D. Students*. University of Chicago.

Hamermesh, D. S. (2013). Six Decades of Top Economics Publishing: Who and How? *Journal of Economic Literature*, 51 (1), 162–172. <https://doi.org/10.1257/jel.51.1.162>

Jalongo, M. R., Saracho, O. N. (2016). *Writing for Publication. Transitions and Tools that Support Scholars' Success*. Springer, Cham., 315 p.

Shao, H.M., Mo, B., Li, Z.B. (2020). Analysis of factors influencing the quality of economics and management undergraduate graduation thesis based on structural equation: taking the universities in Yunnan province as an example. *2020 International Conference on Artificial Intelligence and Education (ICAIE)*, 506–508.

Zerubavel, E. (1999). *The Clockwork Muse: A Practical Guide to Writing Theses, Dissertations, and Books*. Harvard University Press, 123 p.

References

Aleskerov, F. (May 28th 2013) How to prepare and write a thesis paper? *Postnauka*, accessed on 26.01.2022. <https://postnauka.ru/longreads/12747>

Booth, W. C., Colomb, G. G., Williams, J. M. (2007). *The craft of research* / Translated by A. Stanislavsky. Moscow: Flinta : Nauka, 360 p.

Volkov, Yu.G. (2017). *Thesis paper: preparation, defense, formatting: practical aid*. Moscow: KNORUS, 218 p.

Libman, A. (2007). Modern Economic Theory: The Main Tendencies. *Voprosy Ekonomiki*. 3, 35–54. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-3-35-54>

Panarin, S. A. (ed.) (2012). *How to write a scientific text: the experience of the Young Author's School: a teaching aid* / N. A. Didkovskaya, V. I. Dyatlov, N. V. Lipatova, S. A. Panarin. Irkutsk: "Ottisk", 240 p.

Radaev, V. V. (2011). How to write an academic text. *Educational Studies*, 1, 271–293.

Rayzberg, B. A. (2010). *Thesis and Degree: Application Guide*. Moscow: INFRA-M, 240 p.

Smirnov, S. (2015). *My research work. How to write a paper, a course paper, a final paper and a research paper (and quote and cite sources)*. Moscow, 60 p.

Eco, U. (2003). *How to Write a Thesis. Humanitarian sciences: guidance manual* / Translated by Ye. Kostyukovich. Moscow: Knizhniy dom "Universitet", 240 p.

Приложение

Анкета, использованная для формирования базы качественных и количественных характеристик массива защищенных ВКР

Критерий оценивания	Варианты
Цель работы	– сформулирована в терминах процесса («изучить») – сформулирована в терминах результата или получения ответа на конкретный исследовательский вопрос («определить связь между ...») – сформулирована в терминах рекомендаций («выработать рекомендации для...») – не сформулирована – другое
Задачи работы	– есть – нет
Обзор работ	– представляет собой последовательный пересказ исследований – структурирован по темам, проблемам, а не исследованиям – другое
Автор позиционирует свое исследование относительно других исследований, описанных в обзоре	– да – нет – другое
Исследовательские гипотезы	– гипотезы есть, формулировки позволяют их верифицировать – гипотезы есть, но формулировки не позволяют их верифицировать – гипотез нет, характер работы допускает их отсутствие – гипотез нет, характер работы не допускает их отсутствия – другое
Сформулирована управленческая проблема, которую решает автор	– да – нет, формат работы этого не требует – нет, но формат работы этого требует – другое
Постановка гипотез / управленческой проблемы обоснована	– да – нет – другое

Критерий оценивания	Варианты
Используемые методы	– качественный анализ (описание взаимосвязей, передаточных механизмов и др.) – математическое моделирование изучаемого явления – анализ кейсов (кейс-стади) – контент-анализ – анализ данных качественной социологии (интервью, фокус-группы и др.) – дескриптивный анализ количественных данных («На графике видно, что темп роста вырос») – эконометрический анализ данных (модели, кластерный, факторный анализ и др.)
Источник используемых количественных данных в работе	– общедоступные данные (Росстат и др.) – данные, доступные по подписке (Спарк и др.) или запросу – закрытые данные (данные компаний, доступ к которым внешнего человека ограничен) – вторичные данные, самостоятельно собранные автором (например, через «парсинг») – первичные данные, самостоятельно собранные в рамках социологического опроса – первичные данные, самостоятельно собранные в рамках проведенного эксперимента – в работе не используются количественные данные – другое
Тип анализируемых данных	– пространственные – временные ряды – панельные данные – в работе не используются количественные данные
Методы, используемые при работе с данными	– дескриптивный анализ данных (Как видно на графике, Россия превосходит Германию...) – содержательный или критический анализ данных – анализ описательной статистики (описание числа наблюдений, средних значений, дисперсии и т.д.) – базовые эконометрические модели (МНК) – модели временных рядов (VAR, MA и др.) – продвинутые эконометрические модели (панельные данные, dif-in-dif и др.) – кластерный и/или факторный анализ – в работе не используются количественные данные – другое
Автор обосновал выбор данных, а также метод работы с данными	– да, обоснование выбора данных и метода не вызывает сомнений – да, но обоснование выбора данных и/или метода вызывает сомнения в его корректности – нет, автор не обосновал выбор используемых данных и/или методов – другое

Окончание табл.

Критерий оценивания	Варианты
При описании результатов эконометрического моделирования автор ... (необходимо отметить все подходящие варианты ответа)	– обосновывает набор используемых переменных – приводит описательные статистики используемых данных – обосновывает выбор оцениваемой модели – приводит результаты моделирования – приводит интерпретацию полученных результатов – проверяет устойчивость результатов – комментирует проблему эндогенности или возможных обратных причинно-следственных связей
Содержание ВКР соответствует заявленной теме	– да – нет – другое
Результат	– получен ответ на исследовательский вопрос – получен частичный ответ на исследовательский вопрос – отсутствует ответ на исследовательский вопрос или работа носит реферативный характер – другое
Автор дает содержательную интерпретацию полученным результатам (соотносит с теорией и другими исследованиями и т.д.)	– да – нет – другое
Выводы ВКР	– обоснованы, связаны с проведенным исследованием – не обоснованы, хотя и связаны с проведенным исследованием – не связаны с проведенным исследованием или «за все хорошее против всего плохого» – другое
Автор пишет о возможных ограничениях полученных результатов (малая выборка, низкая валидность, узкий вопрос, нехватка данных и т.д.)	– да – нет – другое
Работа логично выстроена, все ее главы взаимосвязаны	– да – скорее да – скорее нет – нет – другое

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: (Oliver, 1980), (Porter, 1994, p. 45), (Иванов, 2001, с. 20), (Porter, 1994; Иванов, 2001), (Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991). Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: (Гуриев и др., 2002) или (Bevan et al., 2001). Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: (Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20), (Статистические сведения..., 1963), (Устав..., 1992, с. 30).

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов. Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком.

326. **Электронная почта:** econeditor@econ.msu.ru